

ПАТРИЦИЯ БРИГГЗ

ХОЛОД СТРАХА

ПРИЗВАННЫЕ ЛУНОЙ

«Черные звезды»
жара черной выставки!

Вервольфы, в которых течет кровь краснокожих Псов-воинов...

Вампиры — носители утонченной культуры Глубокого Юга...

Они — истинная аристократия среди нежити Нового Света, и потому привыкли свысока смотреть на прочие «порождение Тьмы».

Однако индианка-полукровка Мерси Томпсон из племени людей-койотов — иное дело. Она выросла в стае предводителей волков-оборотней Монтаны Адама Хауптмана — и привыкла разрешать самые сложные конфликты между разными кланами «ночных охотников».

Она — своя и в изысканных гостиных вампиров, и в суровых стойбищах вервольфов.

И только ей под силу найти преступников, пытающихся уничтожить ее приемного отца и развязать среди оборотней кровавую войну...

Патриция Бриггз
Призванные луной
Мерседес Томпсон — 1

Благодарности

Эта книга не появилась бы, если бы не штат моих личных редакторов: Майкл и Колли Бриггз, Майкл Энзвайлер (который также начертил карты), Джин Маттучи, Джинни Мол, Энн Питере и Кей Робертсон. Я хотела бы также поблагодарить своего грозного редактора в «Эйс» Энн Сойорд и моего агента Линн Прентис. Боб Бриггз ответил на массу моих вопросов о диких животных Монтаны и о волках. Наконец сама Мерседес многим обязана Баку, Скотту, Дэйлу, Брэйди, Джейсону и всем тем, кто вместе со мной работает над серией о вампирах. Всем спасибо. Любые ошибки в тексте принадлежат только мне.

Глава первая

Вначале я не почувствовала, что это вервольф. Мой нос ничего не ощущает, когда вокруг витают запахи смазки и машинного масла. К тому же здесь не часто встречаются бродячие вервольфы. Поэтому когда кто-то возле моих ног вежливо кашлянул, я решила, что это клиент.

Я лежала под двигателем «джетты», устанавливая отремонтированную трансмиссию на место. Один из недостатков мастерской, в которой работает один человек, к тому же женщина, состоит в том, что всякий раз приходится бросать работу, когда звонит телефон или заходит клиент. От этого я становлюсь ворчливой и раздражительной — не самое подходящее настроение для разговоров с клиентами. Мой верный помощник, оформлявший документы и подававший мне инструменты, поступил в колледж, и я еще не подыскала ему замену — трудно найти такого, который согласился бы делать за тебя неприятную часть работы.

— Секунду, — сказала я, стараясь не говорить слишком резко. Я, как могу, стараюсь не отпугивать клиентов.

Будь проклята эта трансмиссия! Единственный способ поставить ее в старую «джетту» — это использование физической силы. Иногда быть женщиной в моем деле — преимущество: у меня руки маленькие, и я могу просунуть их туда, куда мужчина не в состоянии. Однако даже подъем тяжестей и занятия карате не делают меня такой же сильной, как тренированный мужчина. Обычно этот недостаток компенсирует использование рычага, но иногда мне едва хватает моих усилий, чтобы сделать работу.

Крякнув, я, помогая себе коленями и одной рукой, установила трансмиссию. Второй же вставила болт и закрепила его. Я еще не закончила, но теперь по крайней мере трансмиссия останется на месте, пока я не поговорю с клиентом.

Глубоко вдохнув, я улыбнулась для практики и выкатилась из-под машины. Схватила тряпку, чтобы вытереть руки, и спросила: «Чем могу помочь?» — прежде чем поняла, что этот парень совсем не клиент — хотя он, несомненно, нуждается в помощи.

Джинсы его были порваны на коленях и выпачканы в старой крови и грязи. Под засаленным галстуком поношенная фланелевая рубашка, которая ему мала, — неподходящий наряд для ноября в северном Вашингтоне.^[1]

Выглядел парень истощенным, словно давно не ел. Мой нос подсказал мне — несмотря на заполнявшие гараж запахи бензина, масла и антифриза, — что столь же долго он не мылся. Из-под налета грязи, пота и страха пробивался запах вервольфа.

— Нет ли у вас какой работы? — неуверенно произнес он. — Не постоянной, мэм. Всего на несколько часов.

Я ощущала его тревогу до тех пор, пока ее не затопил поток адреналина. Поскольку я сразу же не отказала, парень заговорил так быстро, что слова сталкивались друг с другом:

— У меня нет карточки социального страхования, поэтому платить нужно будет наличными.

Большинство тех, кто просит за работу плату наличными, — нелегальные иммигранты, которые пытаются найти занятие между севом и сбором урожая. Но этот парень — урожденный американец, белый — ну, кроме той его части, которая вервольф, — с каштановыми волосами и карими глазами. Вымахал он на все восемнадцать, но мой опыт

подсказывал, что ему не больше пятнадцати. Плечи у него были широкие, но костлявые, кисти не очень большие. Ему еще предстояло расти, прежде чем стать взрослым мужчиной.

Я сильный, — заявил он. — Не очень разбираюсь в починке машин, но помогал дяде держать «жука» в рабочем состоянии.

Я поверила в это: все вервольфы сильны. Едва уловов характерный запах мускуса и мяты, я почувствовала сильное желание убрать его со своей территории. Однако, не будучи вервольфом, я умею контролировать свои инстинкты — они мной не командуют. К тому же мальчишка едва заметно дрожал в эту влажную ноябрьскую погоду, и это пробуждало во мне иные, более сильные чувства.

Моя личная политика — не нарушать закон. Я не превышаю скорость, страхую свои машины, плачу федералам чуть больше налогов, чем следовало бы. Я иногда даю работу, но никогда не нанимаю тех, кто не может числиться в моей ведомости на зарплату. К тому же он вервольф, да еще новый, если моя догадка верна. Молодые вервольфы не так успешно контролируют своих волков, как другие.

Он ничего не сказал о том, что женщина-автомеханик — необычное зрелище. Конечно, он скорее всего какое-то время наблюдал за мной и свyksя с этой мыслью — тем не менее он промолчал на сей счет, а это очко в его пользу. Но все же этого было недостаточно для того, что я собиралась сделать.

Он потерял руки, чтобы согреть, пальцы покраснели.

— Хорошо, — наконец согласилась я. Не самый разумный ответ, но глядя на то, как он дрожит от холода, другого я дать не могла. — Посмотрим, что из этого выйдет... За этой дверью душ и прачечная. — Я показала на дверь в конце гаража. — Мой последний помощник оставил там свой старый комбинезон. Он висит на крюке в прачечной. Если захочешь принять душ и переодеться, можешь выстирать свои вещи в машине. Там же холодильник, в нем сэндвичи и банки с шипучкой. Поешь и приходи, когда будешь готов.

Я чуть подчеркнула слово «поешь»: не собираюсь работать с голодным вервольфом, пусть до полнолуния еще целых две недели. Некоторые скажут вам, что вервольфы способны *менять форму* только в полнолуние, но говорят, и призраки не существуют.

Парень, уловив мой командный тон, напрягся, глядя мне в глаза. Чуть погодя он пробормотал: «Спасибо» и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Я перевела дыхание. Я хорошо знаю, что не стоит отдавать приказы вервольфам: это все их инстинкт доминирования. Из-за него вервольфы обычно долго не живут. Именно подобные инстинкты — причина того, что их дикие братья не уживаются с цивилизацией, в то время как койоты процветают даже в некоторых районах Лос-Анджелеса.

Койоты — мои братья. О, я не веркойот — если такие существуют, — я *ходячая*.

Этот термин происходит от сочетания «ходячая в шкуре», так называли ведьм в племенах индейцев Юго-Запада; эти ведьмы надевали шкуру койота или другого животного и бродили в ней, распространяя болезни и смерть. Белые поселенцы неправильно использовали это слово для названия всех, кто *меняет форму*, и термин прижился. Мы вряд ли в состоянии возражать — даже если бы *вышли из укрытия*, как поступил *меньший народ* — *другие*, — нас слишком мало, чтобы поднимать шум.

Не думаю, чтобы мальчишка понял, кто я, иначе он ни за что не повернулся бы ко мне, другому хищнику, спиной и не пошел в душ мыться и передеваться. У волков очень острое обоняние, но гараж полон необычных запахов, к тому же я сомневаюсь, чтобы он хоть раз в жизни встречал таких, как я.

— Нашла замену Теду?

Я повернулась и увидела, как снаружи в помещение входит Тони. Очевидно, он какое-то время прятался и наблюдал за нашей встречей. Тони хорош в таких делах — ведь это его работа.

Он был гладко выбрит. Черные волосы зачесаны назад и собраны в короткий конский хвост. Я заметила, что его правое ухо четырежды проткнуто; в нем — бриллиантовая запонка и три маленькие петельки. С нашей последней встречи он добавил две. В расстегнутой куртке с капюшоном, под майкой рельефно, буквой Т, выделялись мышцы — свидетельство часов, проведенных в спортивном зале, Тони будто сошел с рекламного постера одной из местных испаноязычных групп.

— Мы ведем переговоры, — сказала я. — Пока работа временная. А ты занят?

— Нет. Мне дали свободный день за хорошее поведение. — Он по-прежнему был сосредоточен на моем новом помощнике: — В последние дни я его уже встречал здесь. Кажется, с ним все в порядке. Может, сбежал откуда-нибудь.

Все в порядке — значит, ни наркотиков, ни насилия. Что ж, последнее обнадеживает.

Когда девять лет назад я начинала в этом гараже, Тони был хозяином небольшого ломбарда по соседству. Поскольку это было ближайшее место, где стоял автомат с легкими напитками, я видела Тони довольно часто. Вскоре ломбард перешел в другие руки. И я почти не вспоминала о Тони, пока не учуяла его стоящим на углу с плакатом «Работаю за еду».

Я говорю «учуяла», потому что мальчишка с пустыми глазами, который держал плакат, нисколько не походил на сдержанного, приветливого человека средних лет, владевшего ломбардом. Удивленная, я позвала его по имени, к которому привыкла. Мальчишка посмотрел на меня как на спятившую, но на следующее утро Тони ждал меня у мастерской. Тогда он и рассказал мне, чем зарабатывает на жизнь, — я даже не знала, что в Тройном городе^[2] имеется работа для полицейского под прикрытием.

После этого он время от времени забегал ко мне. Вначале каждый раз появлялся в новом обличье. Тройной город не так уж велик, а моя мастерская расположена вблизи того района Кенневика, который можно назвать неблагополучным. Возможно, поэтому, он заходил только тогда, когда получал задание неподалеку, но вскоре я поняла, что его тревожит то, что я его узнала. Впрочем, узнала — не совсем верно. Учуяла, так правильной.

Мать у него итальянка, а отец венесуэлец, и такая помесь дала ему внешность, которая позволяла сойти за кого угодно, от мексиканца до афроамериканца. Когда было необходимо, он мог выдать себя за восемнадцатилетнего, хотя на самом деле он старше меня — тридцать три или около того. Тони бегло говорил по-испански и мог приправить свой английский акцентом дюжины диалектов.

Все эти качества и привели его к работе полицейского под прикрытием, но главными его козырями оказались его жесты и вообще язык тела. Он мог ходить враскачку, как это делают красивые молодые испаноязычные парни, а мог шаркать с нервной энергией наркомана.

Немного погодя он смирился с тем, что я вижу сквозь его маскировку, обманывавшую и его босса, и его мать, но к этому времени мы уже стали друзьями. Бывая поблизости, он по-прежнему заглядывал на чашку кофе или горячего шоколада дружески поболтать.

— Ты просто мачо, — сказал я. — Эти серьги — новая форма полиции Кенневика? Копы Паско носят две серьги, значит в Кенневике должны носить четыре.

Он улыбнулся и стал выглядеть одновременно старше и как-то порядочнее.

— Последние несколько месяцев я работал с Сиэтле, — пояснил он. — У меня есть даже новая татуировка. К счастью для меня, она в таком месте, где ее никогда не увидит моя мама.

Тони утверждает, что страшно боится матери. Я с ней никогда не встречалась, но когда он говорит о ней, то от него пахнет не страхом, а счастьем, так что я знала: она не может быть той каргой, какую он описывает.

— Что привело тебя ко мне?

— Не посмотришь ли на машину моего друга?

— «Фольксваген»?

— «Бьюик».

Я удивленно подняла брови. — Погляжу, конечно, но я не очень хороша в американских машинах: у меня нет компьютеров. Ему следует обратиться туда, где разбираются в бьюиках.

— Она обращалась к трем разным механикам — поменяла кислородный датчик, свечи зажигания и бог знает что еще. Машина по-прежнему не в порядке. Последний парень заявил, что нужен новый двигатель, который стоит вдвое дороже всего авто. У нее нет столько денег, но машина очень нужна.

— Денег за осмотр я с нее не возьму, а если смогу починить, сообщу ей. — У меня возникла неожиданная мысль: я уловила нотку гнева в его голосе, когда он говорил о ее проблемах. — Это твоя подруга?

— Она не подруга, — помявшись ответил Тони. Прошло уже три года, как он положил глаз на полицейскую-диспетчера, вдову с выводком детей. Но ничего не предпринимал по этому поводу, потому что любил свою работу — а его работа, как сказал он печально, не совместима со свиданиями, браком и детьми.

— Пусть пригонит машину. Если может оставить на день-два, попрошу Зи зайти и посмотреть на нее.

Зи, мой прежний босс, продав мне заведение, ушел на пенсию, но иногда приходит, чтобы «приложить руку». Он знает о машинах и о том, что приводит их в действие, больше, чем целая команда инженеров из Детройта.

— Спасибо, Мерси. Ты лучше всех. — Тони взглянул на часы. — Мне пора идти.

Я проводила его и вернулась к трансмиссии. Машина согласилась со мной, что бывает редко, так что много времени я не потратила. К тому времени, как появился мой новый помощник, умытый, в чистой спецовке Теда, я уже начала приводить в порядок остальные части «джетты». Даже в комбине зоне снаружи холодно, но в мастерской, где работает нагреватель, парню будет хорошо.

Он оказался быстрым и разумным — очевидно, провел не один час перед поднятым капотом машины. Не стоял, глядя, как я работаю, а подавал мне инструменты раньше, чем я попрошу, словно всегда выполнял эту роль. Либо он был молчалив от природы, либо научился держать рот на замке, но несколько часов мы проработали преимущественно в тишине. Закончили первую машину и приступили ко второй, прежде чем я решила немного разговорить его.

— Я Мерседес, — сказала я, вывинчивая болт генератора переменного тока. — Как мне называть тебя?

Глаза его на мгновение вспыхнули.

— Мерседес, механик «фольксвагенов»? — Но тут же он снова замкнулся. — Прости. Но тебе такое уже приходилось слышать.

Я улыбнулась, протянула ему болт и принялась за следующий.

— Да. Но я работаю и с «мерседесами» — с любыми немецкими машинами. «Порше», «ауди», БМВ, даже один-два «опеля». Обычно старые машины, без гарантии от дилера, хотя для новых, если они ко мне попадают, у меня есть и компьютеры.

Я отвернулась, чтобы лучше видеть упрямый болт.

— Можешь обращаться ко мне Мерседес или Мерси, как тебе нравится. Так как мне все-таки называть тебя?

Я никогда не загоняю людей в угол, не люблю, когда им приходится лгать. Если он беглец, то, вероятно, не сообщит своего настоящего имени, но не могу же я звать его «парень» или «эй, ты», если собираюсь с ним работать.

— Зови меня Мак, — ответил он после паузы, которая свидетельствовала о том, что имя все-таки вымышленное. Но мне подойдет.

— Что ж, Мак, позвони, пожалуйста, владельцу «джетты» и скажи, что машина готова. — Я кивком указала на первую машину, которую мы закончили ремонтировать. — На принтере — автоответчик. Там его номер вместе с ценой за установку трансмиссии. Заменяв этот пояс, я отведу тебя на ленч — часть твоей оплаты.

— Хорошо, — произнес он немного растерянно. И направился к двери душа, но я его остановила. Прачечная и душ в конце гаража, но контора — по другую сторону, возле парковки, которой пользуются клиенты.

— Контора — прямо за той серой дверью. Рядом с телефоном лежит тряпка. Пользуйся ею, чтобы не испачкать трубку.

* * *

Вечером я ехала домой и раздраженно думала о Маке. Я ему заплатила за работу и объявила, что он может приходить еще. Он слабо улыбнулся, сунул деньги в задний карман и ушел. Я позволила ему сделать это, зная, что ему негде ночевать, но выбора у меня не было.

Я могла бы пригласить его к себе, но это было бы опасным для нас обоих. Как ни мало он пользуется своим обонянием, рано или поздно поймет, кто я такая — а вервольфы, даже в человеческом облике, действительно обладают силой, которую можно увидеть в старых фильмах. Я в хорошей форме, и у меня есть пурпурный пояс из школы боевых искусств за железной дорогой, проходящей позади моего гаража, но вервольфу я не соперник. Мальчишка слишком молод, чтобы обладать контролем, не позволяющим убивать того, кого зверь считает нарушителем территории.

К тому же у меня есть сосед.

Я живу в Финли, сельской местности в десяти минутах езды от моего гаража, который расположен в старом промышленном районе Кенневика. У меня есть трейлер, почти мой ровесник; он стоит посреди огороженного участка в несколько акров. В Финли много участков с трейлерами и сборными домами, но у реки есть и солидные строения, как то, в котором живет мой сосед.

Со скрежетом гравия я свернула на подъездную дорогу и остановила старый дизельный «рэббит» перед своим домом.

Медя жалобно мяукнула, но я, прежде чем выпустить зверушку, взяла записку, прикрепленную к переносной клетке.

«МИСС ТОМПСОН, — было написано крупными буквами, — ДЕРЖИТЕ ВАШ КОШКУ ПОДАЛЬШЕ ОТ МОЕЙ СОБСТВЕННОСТИ. ЕСЛИ Я УВИЖУ ЕЕ СНОВА, СЪЕМ».

Записка была не подписана.

Я открыла задвижку, достала кошку и зарылась лицом в ее мягкой, как у кролика, шерсти.

— Неужели старый вервольф сунул мою кошечку в клетку и оставил?

От нее пахло соседом, значит, Адам какое-то время продержал ее у себя на коленях, прежде чем отнести ко мне. Большинство кошек не любят вервольфов — ходячих, таких, как я, кстати тоже.

Адам Хауптман, с участком которого у меня общие задворки, Альфа местной стаи вервольфов. То, что в Тройном городе есть подобная стая, в известном смысле аномалия, потому что обычно вервольфы селятся в более крупных городах, где им легче прятаться, или — реже — в небольших поселках, которые могут полностью взять в свои руки. Вервольфы неплохо приживаются в армии и различных тайных агентствах, названия которых — сплошь акронимы; поблизости, у Хэнфорда, есть атомная электростанция, с ее работой связано множество таких агентств.

Я подозреваю, что Альфа местной стаи купил участок по соседству со мной не только из-за прекрасного вида на реку, но и из-за постоянного стремления вервольфов господствовать над теми, кого они считают более слабыми и низшими существами.

Ему не нравится, что мой трейлер, расположенный вблизи его поместья, снижает на него цену, хотя я много раз напоминала ему, что трейлер уже стоял, когда он купил участок и построил на нем дом. Адам же не упускает возможности напомнить мне, что я живу здесь только потому, что он меня терпит: ходячая — не пара вервольфу.

В ответ на его слова я склоняю голову, уважительно — обычно — с ним разговариваю и держу свой старый разваливающийся «рэббит» на заднем дворе, где его отлично видно из спальни Адама.

Я опустила Медею и стала наполнять ее миску для еды, а кошка мяукала, мурлыкала и махала коротким обрубленным хвостом. Она попала ко мне с улицы, и какое-то время я думала, что какой-то мучитель отрубил ей хвост, но ветеринар сказал, что она из породы бесхвостых, такой и родилась. Я последний раз погладила ее и пошла к холодильнику, чтобы подумать о своем ужине. — Я привела бы домой Мака, если бы считала, что Адам это разрешит, — говорила я Медее, — но вервольфы очень недоброжелательно встречают незнакомцев. Существует множество правил, и новый волк, приходя на чужую территорию, должен строго соблюдать протокол. А мне что-то подсказывает, Мак с просьбой к стае не обращался. Вервольф даже зимой не замерзнет, проведя ночь на открытом воздухе. С ним будет все в порядке. Тем не менее, — закончила я, ставя вчерашние спагетти в микроволновку разогреваться, — если у Мака неприятности, Адам может ему помочь. Но лучше представить мальчишку осторожно и попозже, когда я буду лучше знать его прошлое.

Я поела стоя и вымыла тарелку, прежде чем лечь на диван и включить телевизор. Еще до первой рекламы Медее мяукнула и прыгнула ко мне на колени.

На следующий день Мак не пришел. Была суббота, и, возможно, он не знал, что по субботам я работаю, если есть машины, которые нужно чинить. Видимо, подался куда-нибудь.

Я надеялась, что он не попадется Адаму или кому-нибудь из его волков до того, как я осторожно сообщу о его появлении. Правила, позволяющие вервольфам незаметно жить

среди людей, складывались столетиями, и тех, кто их нарушал, ждала смертельная опасность.

Я работала до полудня, потом позвонила молодой паре, оставившей автомобиль, чтобы сказать, что дело безнадежно. Замена двигателя обойдется дороже, чем стоит вся машина. Плохие новости — самая нелюбимая часть моей работы. Когда у меня служил Тед, я заставляла его выполнять ее. Я повесила трубку, почти такая же расстроенная, как и злополучные владельцы любимой открытой машины, которая теперь годится лишь на металлолом.

Умывшись и выскребя грязь из-под ногтей, я собралась заняться бумажками, которые раньше также были в ведении Теда. Я радовалась, что он получил стипендию, которая позволила ему поступить в колледж Лиги плюща, куда ему и хотелось, но мне его не хватало. Через десять минут я решила, что нет ничего такого, что нельзя отложить на понедельник. Понадеялась, что тогда подвернется срочный ремонт, и бумажки можно будет перенести на вторник.

Я переоделась в джинсы и футболку, прихватила куртку и направилась к О'Лири на ленч. После еды немного походила по магазинам и купила небольшую индейку, которой собиралась поделиться с Медеей.

Когда я садилась в машину, на мой сотовый позвонила мама и попыталась уговорить меня приехать в Портленд на День благодарения или на Рождество. Я уклонилась от обоих приглашений: с меня хватило семейных праздников за те два года, что я прожила с нею.

Старики совсем не плохие, как раз наоборот. Курт, мой отчим, — спокойный уравновешенный мужчина, отлично дополняющий маму. Позже я узнала, что он и не подозревал о моем существовании, пока я в шестнадцать лет не появилась на его пороге. И все равно он без вопросов открыл передо мной дверь и обращался со мной, как с собственной дочерью.

Моя мама Марджи жизнерадостна и общительна. Нетрудно представить, как она увлеклась наездником родео (моим отцом) или сбежала с цирком. Гораздо удивительней то, что сейчас она президент местного родительского комитета.

Мне нравятся мама и отчим. Я даже люблю сводных братьев и сестер, которые с энтузиазмом встретили мое неожиданное появление. Они живут тесной дружной семьей, которая, как утверждает телевидение, и есть норма. Я рада, что такие люди существуют. Я просто к ним не принадлежу.

Я навещаю их дважды в год, поэтому они ко мне не вторгаются, к тому же перед приездом я всегда убеждаюсь, что нет никакого праздника. Мои посещения всегда короткие. Я люблю своих родственников, но люблю их на расстоянии.

К концу разговора я почувствовала себя виноватой и расстроилась. Поехала домой, поставила индейку размораживаться и накормила кошку. Чистка холодильника не улучшила моего настроения, хотя не знаю, почему я на это надеялась. Тогда я снова села в машину и отправилась на Хэнфорд Рич.

Я не часто туда езжу. Для того чтобы побегать, есть места поближе, а если я не против вести машину — недалеко от нас Голубые горы. Но иногда душа просится в сухие заброшенные просторы резервации — особенно после разговоров с моей матерью.

Я припарковала машину и прошла какое-то расстояние, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. Потом разделась, сложила одежду в небольшой рюкзак и *поменяла форму*.

Вервольфам для смены формы требуется не менее пятнадцати минут, и процесс этот всегда болезненный, о чем полезно не забывать. Вервольфы вообще не самые дружелюбные существа, но если они только что поменяли форму, разумно держаться от них подальше.

А вот смена формы у ходячей — по крайней мере у меня, потому что других ходячих я не знаю, — проходит легко и быстро. Одно мгновение я человек, другое — и я койот; чистое волшебство. Я просто переступаю из одной формы в другую.

Я потерлась носом о переднюю лапу, чтобы убрать последние следы перемены. Всегда требуется какое-то время, чтобы перейти от движения на двух ногах к движению на четырех. Я знаю — я проверяла это, — что зрение койота не такое, как у человека, но у меня оно почти одинаковое в любой форме. Слух несколько усиливается, обоняние тоже, хотя даже в человеческом облике я обладаю более острыми чувствами, чем большинство людей.

Я подобрала рюкзак с одеждой и оставила его под густыми ветвями куста. Потом отбросила эфемерные привычки человеческого существования и побежала в пустыню.

К тому времени как я погналась за тремя кроликами и позволила паре в лодке полюбоваться своей прекрасной пушистой фигурой на берегу, я почувствовала себя гораздо лучше. Мне не обязательно меняться в полнолуние, но если я слишком долго хожу на двух ногах, меня охватывает тревога и я становлюсь раздражительной.

Приятно уставшая, в человеческом облике, одетая, я села в машину, произнесла обычную молитву и повернула ключ. На этот раз двигатель послушался и заурчал. Я никогда не знаю, поедет ли мой «рэббит». Я езжу в нем, потому что он дешевый, а не потому что это хорошая машина. В пословице «Все машины, названные именами животных, дрянь» очень много правды.^[3]

В воскресенье я пошла в церковь. Наш приход такой маленький, что пастор у нас общий с тремя другими церквями. Это одна из неденоминированных церквей, которые так усердно стараются никого не задеть, что не в состоянии привлечь большую аудиторию регулярных посетителей. Обладая уникальной возможностью оценить, каков мир без Бога и его церквей, я отношусь к числу верных и постоянных прихожан.

Не из-за вервольфов. Вервольфы могут быть опасны, если встаешь у них на пути; но если ты будешь осторожен, они оставят тебя в покое. Они не более злы, чем гризли или большая белая акула.

Однако есть *другие* существа, которые таятся во мраке. Они гораздо, гораздо хуже, и вампиры — это только вершина айсберга. Все они очень искусно скрывают свою природу от людей, но я-то не человек. Я узнаю их, когда встречаю, и они узнают меня; поэтому я и хожу каждую неделю в церковь.

В это воскресенье наш пастор был болен, и заменивший его священник произнес проповедь на тему стиха из двадцать второй главы «Исхода»: «Ворожей не оставляй в живых». Он распространил смысл этого стиха на других, и от него исходило такое облако страха и гнева, что я чувствовала это даже со своего места. Именно такие персоны заставляют остальных сверхъестественных существ — почти через два десятилетия после того, как *меньшие другие* вынуждены были раскрыться перед людьми, — оставаться в укрытии.

Примерно тридцать лет назад Серых Повелителей, могучих магов, которые правят другими, начало тревожить развитие науки. Они предвидели, что Время Укрытия приходит к концу. И решили попробовать как можно сильнее смягчить шок от обнаружения мира магии. Они только ждали для этого подходящей возможности.

Когда Харлан Кинкейд, миллиардер, магнат, торговавший недвижимостью, был найден мертвым с садовыми ножницами в горле возле своего любимого куста роз, подозрение пало на Кирана Макбрайда, неразговорчивого человека с приятной внешностью, который уже много лет работал садовником у Кинкейда, страстного садовода.

Я, как и большинство американцев, видела сцены суда над ним. Сенсационное убийство одного из богатейших людей страны, недавно женившегося на красивой молодой актрисе, занимало первые места в рейтингах новостей.

Несколько недель все каналы только о нем и говорили. Мир любовался Карен Кинкейд, которая, со слезами, льющимися по загорелому под солнцем Калифорнии лицу, рассказывала, как обнаружила мужа мертвым у изрезанного на куски куста. Ее свидетельские показания заслуживали Оскара, но то, что произошло дальше, превзошло ее выступление.

Кирана Макбрайда защищала команда искусных адвокатов, которые — под громкий шум в газетах — объявили, что работают бесплатно. Они вызвали самого Кирана Макбрайда в качестве свидетеля и элегантно вынудили обвинителя попросить Кирана взять в руки садовые ножницы.

Тот попытался. Но руки его задымились, и он спустя мгновение вынужден был ножницы выронить. По просьбе защиты он показал ладони с волдырями судье и присяжным. Адвокаты продемонстрировали всему миру, что Киран не может быть убийцей, потому что он другой, представитель малого народа, он садовый дух и даже в толстых рукавицах не может держать холодное железо.

И в этот драматичный момент Макбрайд отказался от заклинания, которое позволяло ему выглядеть человеком. Он не был красив, совсем наоборот, но всякий, кто видел когда-нибудь щенков шарпея, согласится, что иногда уродство обладает огромной привлекательностью. Одна из причин того, что Серые Повелители избрали именно Макбрайда, состояла в том, что садовые духи мягкие приветливые существа, и на них приятно посмотреть. Огромные карие глаза Макбрайда красовались на обложках всех журналов наряду со снимками жены Кинкейда, позже осужденной за убийство мужа.

Так по приказу Серых Повелителей *малый народ, другие, слабые и привлекательные, открылись* перед человечеством. А большие и страшные, сильные и отвратительные *оставались в укрытии*, ожидая реакции мира на наиболее приемлемых из них. «Вот, — говорили лучшие мастера интриг Серых Повелителей, которые и были защитниками Макбрайда, — вот каковы скрытые существа: мягкие брау-ни, которые работают воспитателями в детских садах, потому что любят детей, и молодые селки, которые, рискуя жизнью, спасают потерпевших кораблекрушение^[4]».

Вначале казалось, что стратегия Серых Повелителей пойдет на пользу всем сверхъестественным существам: и малым другим, и не только. В Нью-Йорке и Лос-Анджелесе появились рестораны, где богатых и знаменитых обслуживали лесные феи и мурианы.^[5] Голливудские магнаты пересняли Питера Пена, используя мальчика, который действительно мог летать; а в роли Железного Дровосека снялся настоящий эльф; получившийся в результате фильм побил все кассовые рекорды.

Но уже в самом начале были и неприятности. Известный евангелист-проповедник воспользовался страхом перед другими, чтобы усилить свое влияние на слушателей и их банковские счета. Консервативные законодатели подняли шум из-за регистрационной политики. Правительственные учреждения негласно принялись составлять списки других,

которых, по их мнению, можно было бы использовать в своих интересах, — и тех, которые могли быть использованы против США, ведь по всей Европе и Азии меньшие другие под давлением Серых Повелителей тоже вынуждены были открыться.

Когда Серые Повелители несколько лет назад сказали Зи, моему прежнему боссу, что он должен открыться, тот не стал этого дожидаться, продал мастерскую и ушел на пенсию. Он видел, что происходило с некоторыми другими, которые пытались продолжать жить, как будто ничего не случилось.

У других, обладавших недвижимостью в дорогих пригородах, разбивали окна и разрисовывали стены оскорбительными граффити. Тех же, кто жил в менее благополучных районах, просто грабили и избивали. А они не могли защищаться из страха перед Серыми Повелителями. Что бы ни сделали люди, Серые Повелители обошлись бы еще более жестоко.

Волна насилия ускорила создание четырех больших резерваций для других. Зи рассказывал мне, что другие в правительстве считали эти резервации надежным средством контроля за насилием и убедили остальных членов конгресса.

Если другие соглашались переселиться в резервацию, им предоставляли небольшой дом и ежемесячное пособие. Их детям (как сыну Зи Теду) давали стипендии в хороших университетах, где они могли стать полезными членами общества... конечно, если найдут работу.

Резервации вызвали множество споров с обеих сторон. Лично я считаю, что и Серые Повелители, и правительство могли бы уделить гораздо больше опыту организации поселений коренных жителей Америки, но Зи был убежден, что резервации — это только первый шаг в планах Серых Повелителей. Я достаточно знала о них, чтобы соглашаться с ним, но все равно тревожилась. Какими бы недостатками система резерваций ни обладала, она уменьшила напряжение между людьми и другими, по крайней мере в США.

Однако такие люди, как наш гость-проповедник, были доказательством того, что предрассудки и ненависть никуда не ушли. Кто-то за мной прошептал, что надеется на скорое выздоровление пастора Хулио, все окружающие с ним согласились, и это меня немного подбодрило.

Я слышала о людях, которые видели ангелов или ощущали их присутствие. Не знаю, чувствую ли я Бога или одного из его ангелов, но в большинстве церквей я преисполняюсь доброжелательностью. Однако пастор продолжал свою проникнутую страхом речь, и я прониклась духом растущей печали.

Когда я уходила, пастор пожал мне руку.

Я не другая, хотя этот термин имеет очень широкое значение. Моя магия происходит из Северной Америки, а не из Европы, и у меня нет стремления сливаться с людским населением. Но все равно: этот человек возненавидел бы меня, если бы узнал, кто я.

Я улыбнулась ему, поблагодарила за службу и пожелала всего самого хорошего. «Возлюби врага твоего», — говорится в Писании. Моя приемная мать обычно добавляла: «По крайней мере будь с ним вежлива».

Глава вторая

Когда в понедельник я приехала на работу, Мак сидел на ступеньках мастерской.

Я постаралась сохранить невозмутимое выражение лица и не продемонстрировать чувство глубокого удовлетворения, которое ощутила. Просто передала Маку пакет с только что купленными сэндвичами, чтобы достать ключ и открыть дверь. Я выросла среди диких животных и знаю, как обращаться с ними. Сердечный прием отпугнет Мака сильнее, чем резкие слова, если я его верно оцениваю, но еда — всегда хорошая приманка.

— Ешь, — сказала я, направляясь в туалет, чтобы переодеться в рабочую одежду. — Оставь мне один, остальные — твои. К тому времени как я вернулась, все, кроме одного, исчезли.

— Спасибо, — поблагодарил он, глядя на мои ноги.

— Отработаешь. Пошли, поможешь мне поднять дверь гаража. — Я прошла через контору в мастерскую. — Сегодня ничего срочного, можем повозиться с моим «жуком».

«Жук» выглядел невзрачно, но когда я закончу, он будет выкрашен, отполирован и замурлычет, как котенок. Тогда я продам его вдвое дороже, чем купила, и подыщу для восстановления другую машину. Почти половину моего дохода приносит восстановление старых классических моделей «фольксвагена».

Мы молча проработали несколько часов, и он наконец попросил разрешения позвонить по телефону в другой город.

— Если не в Китай, — ответила я, уговаривая болт, покрытый тридцатилетней ржавчиной.

Я не стала подкрадываться к двери конторы. Я не подслушиваю частные звонки. Мне это ни к чему. У меня слишком хороший слух.

— Алло. Это я.

Мой слух, впрочем, не так хорош, чтобы я могла разобрать слова того, с кем он разговаривает.

— У меня все в порядке. Все хорошо, — затараторил Мак. — Я не могу долго говорить. — Пауза. — Тебе лучше не знать. — Пауза. — Да. Видел в газетах. Ничего не помню после того как мы ушли с танцев. Не знаю, кто ее убил и почему не убили меня.

«О нет!» — подумала я.

— Будет лучше, чтобы ты не знал, где я. — Пауза. — Говорю тебе, я не представляю, что случилось. Знаю только, что я ее не убивал. — Пауза. — Просто хочу, чтобы ты сказал маме и папе, что со мной все в порядке. Я люблю их — и я найду тех, кто ее убил. Мне пора идти. — Пауза. — Я тоже тебя люблю, Джо.

Есть дюжина историй, которые подойдут для объяснения того, что я услышала. Две дюжины.

Самое главное, что вервольфы передают из уст в уста, связано с тем, что при первом изменении формы вервольф не знает, кто он.

Я мысленно перевела половину разговора Мака в картину того, как мальчишка уходит с подружкой с танцев, чтобы погулять в полнолуние, не зная правды о себе. Новые вервольфы, если только у них нет руководителя из числа сильных доминантов, при первой перемене не способны контролировать своего волка.

Если Мак — новый вервольф, это объясняет, почему он не выделил меня среди

окружающих людей. Пользованию новыми чувствами надо научить.

Здесь, в США, большинство вервольфов находится под опекой родственников или друзей. Существует специальная структура, обучающая новых вервольфов и обеспечивающая их безопасность для окружающих, но все равно случаются редкие нападения бродячих вервольфов. Одна из задач стаи — убивать таких бродяг и отыскивать их жертвы.

Несмотря на многочисленные рассказы, тот, кого укусит вервольф, сам не обязательно становится вервольфом. Нужно настолько серьезно ранить жертву, чтобы она была на пороге смерти; только тогда волшебство вервольфа преодолевает иммунную систему. О таких нападениях сообщают заголовки газет: «На человека напали бешеные собаки». Как правило, жертва умирает от ран или от перехода. Но если выживает, то поправляется очень быстро, просто чудотворно — до следующего полнолуния, когда узнает, что она в сущности не выжила. Вернее не выжила такой, какой была прежде. Обычно такого вервольфа сразу отыскивает стая и облегчает ему переход к новому образу жизни. В стае внимательно следят за новостями и читает газеты, чтобы помешать новому волку остаться в одиночестве — и чтобы защитить свои тайны.

Может, Мака никто не нашел. Может, он убил свою девушку, а когда вернулся в человеческий облик, не поверил, что он это сделал. Не поверил в то, кем он стал. Я ранее действовала на основе предположения, что он ушел из своей стаи, но если он новый волк, необученный волк, он еще опасней.

Я сломала ржавый болт, потому что работала недостаточно внимательно. Когда Мак вернулся, я удаляла остаток болта с помощью инструмента, который имеет самое обманчивое название в мире — в нем нет ничего легкого.^[6]

Я не собиралась ничего ему говорить, но слова вырвались сами:

— Я знаю кое-кого, кто может тебе помочь.

— Никто не может мне помочь, — устало ответил он. Потом улыбнулся: его улыбка была бы гораздо убедительней, если бы глаза не оставались печальными. — Со мной все в порядке.

Я опустила инструмент и взглянула на парня.

— Да, вероятно.

«Не делаю ли я ошибки, не настаивая? Надо рассказать о нем Адаму до следующего полнолуния».

— Помни только, что до завтрака я готова поверить во что угодно.

Рот его дернулся.

— Льюис Кэрролл.

— А еще говорят, что молодежь нынче необразованная, — заметила я. — Если согласишься мне, сможешь убедиться, что мои друзья в состоянии помочь тебе так, как ты и не подумал бы.

Тут зазвонил телефон, и я вернулась к работе.

— Мак, возьми трубку, пожалуйста.

В это время года темнеет рано: когда мы в шесть закончили, уже смеркалось. Мак смотрел, как я закрываю мастерскую, очевидно не решаясь что-то сказать. Я нарочно подольше возилась с замком, чтобы дать ему время, но он не воспользовался этой возможностью.

— Да завтра, — произнес он вместе того, что собирался.

— Хорошо. — И тут, повинуясь порыву, я спросила: — У тебя есть где переночевать?

— Конечно, — ответил он с улыбкой и пошел, как будто ему было куда идти.

Я готова была прикусить язык, потому что заставила его солгать. А если он уж начал лгать мне, ему будет очень трудно рассказать правду. Не знаю, почему так получается, но со мной так случается всегда.

По пути домой я ругала себя, но к тому времени как я накормила Медею и приготовила себе ужин, мне пришло в голову решение. Завтра отнесу ему одеяло и открою автобус-«фольксваген» Стефана, который терпеливо ждет новых тормозов из Орегона. Не думаю, чтобы Стефан возражал, если Мак одну-две ночи проведет в его машине.

Я позвонила Стефану, чтобы убедиться в этом, потому что неразумно удивлять вампиров.

— Конечно, — ответил он, даже не спросив, кто будет ночевать. — Согласен, милая. А скоро ли мой автобус снова сможет бегать?

Для вампира Стефан очень любезен.

— Части должны прибыть послезавтра, — ответила я. — Я тебе позвоню, когда они придут. Если захочешь помочь, закончим за пару вечеров. Иначе мне потребуется целый день.

— Хорошо, — произнес он. Очевидно, это было прощанием, потому что я услышала в трубке гудок.

— Что ж, — сказала я кошке, — пожалуй, пойду куплю одеяло.

Одеяло должно быть новым; от моего будет пахнуть койотом, а вервольф, который едва меня знает, вряд ли будет спокойно себя чувствовать, окруженный таким запахом.

Я несколько минут поискала кошелек, прежде чем вспомнила, что оставила его в сейфе на работе. К счастью, моя мастерская по пути в магазин.

Поскольку было уже совсем темно, я припарковалась за гаражом: здесь горит уличный фонарь, и это может отпугнуть вандалов. Проходя по парковке, я миновала автобус Стефана и дружески похлопала по нему.

Автобус раскрашен так, что напоминает машину фокусника, и это многое говорит о вампире, которому он принадлежит. Стефан рассказывал мне, что несколько лет назад, когда смотрел «Баффи», подумывал выкрасить автобус в черный цвет, но в конце концов решил, что убийца вампиров не пара Скуби Ду.^[7]

Я открыла дверь конторы, но свет не включила: я отлично вижу в темноте. Кошелек действительно был в сейфе. Я взяла его и снова закрыла сейф. По привычке проверила нагреватель, чтобы убедиться, что он выключен. Все было в порядке. Как и должно быть. Я почувствовала обычное удовлетворение от сознания, что это все принадлежит мне — ну, мне и банку.

Улыбаясь, я вышла из конторы и повернулась, чтобы закрыть зверь. Я не старалась действовать бесшумно, но когда вырастешь в стае вервольфов, научишься всегда вести себя тихо.

— Уходи, — послышался голос Мака со стороны автобуса. Говорил он негромко, с легким рычанием: такого голоса я у него еще не слышала.

Я подумала, что он это мне, и обернулась, но натолкнулась взглядом только на автобус Стефана. И тут кто-то ответил Маку:

— Только с тобой.

Стекла в автобусе тонированные, но я достаточно хорошо видела через них, чтобы рассмотреть открытую боковую дверь, очертания Мака и одного из его гостей. Второго я

разглядеть не смогла. Ветер был подходящий, дул в мою сторону, и я почувствовала присутствие двоих, кроме Мака: еще одного вервольфа и человека. Ни того, ни другого я не узнала.

Хотя я различала по запаху большинство волков Адама, было бы не очень удивительно, если бы в стае появился новый волк. Но наличие человека сказало мне, что здесь что-то не так: Адам никогда не послал бы на дело вервольфа в сопровождении человека.

Еще более странным было то, что оба они никак не показывали, что знают о моем присутствии. Я, конечно, действовала тихо, но оба вервольфа должны были учуять меня. Однако ни Мак, ни незнакомый вервольф как будто меня не замечали.

— Нет, — решительно произнес Мак. — Никаких клеток. Никаких наркотиков. Все это не помогает.

«Клетки? — подумала я. — Кто-то держал Мака в клетке? Для этого нет причин, если Адам близко. Хотя некоторые Альфы используют решетки, чтобы контролировать новых волков, Адам не из их числа. А слова Мака о наркотиках вообще не имеют смысла: на вервольфов никакие наркотики не действуют».

— Помогает, парень. Нужно только дать возможность. Обещаю, мы снимем твое проклятие.

Снимут проклятие? Никакой наркотик в мире не отменит Перемену, к тому же никто из вервольфов спустя несколько месяцев не считает свое состояние проклятием. Очевидно, что стать более вспыльчивым и иногда ходить в шерсти — небольшая плата за исключительную силу, быстроту и остроту чувств, не говоря уже о том, что организм становится неподвластен болезням и старости.

Если даже этот вервольф из стаи Адама, сомневаюсь, чтобы сам Адам в курсе, какие дикие истории тот сочиняет. Во всяком случае, я надеялась, что Адам не знает.

Впрочем, Мак как будто знаком с этими двумя, и я начинала понимать, что история его гораздо сложнее, чем мне показалось вначале.

— Ты говоришь так, словно у тебя есть выход, — сказал человек. — Но твой единственный выход в том, как ты попал сюда.

Я решила, что их послал не Адам. Упоминание клеток, наркотиков и проклятия делает их врагами. Если Мак не хочет с ними идти, я не позволю им его забрать.

Я быстро огляделась, но улицы были пусты. После шести район складов и мастерских пустеет. Как можно бесшумней я разделась и перешла в форму койота.

Как человек, я не имею ни одного шанса против вервольфа. Койот, конечно, тоже ему не соперник, но я быстра, гораздо быстрее настоящих койотов и совсем чуть-чуть быстрее вервольфов. Перепрыгнув через ограду, я вскочила на крышу автобуса Стефана, чтобы быть повыше, хотя этим выдавала свое присутствие. Как бы тихо я ни двигалась, вервольф услышит стук моих когтей по металлической крыше.

Я приготовилась к прыжку, но задержалась. С крыши автобуса я видела Мака и двух других. Ни один из них обо мне не знал. Мак стоял ко мне спиной, но остальным нужно было только поднять голову. Они этого не делали. Что-то здесь не так.

За двумя незнакомцами стояла большая черная спортивная машина, как раз того типа, в какой ожидаешь их увидеть.

— Не думаю, чтобы вы могли исправить то, что сделали со мной, — говорил Мак. — Вы не вернете мне мою жизнь и не вернете жизнь Мег. Вы можете только оставить меня в покое.

У человека волосы были коротко подстрижены, но я решила, что он военный, прежде всего из-за большого черного пистолета в кобуре через плечо. Оба незнакомца выглядели военными — у Адама тоже такая наружность. Плечи у них немного излишне напряжены, спины выпрямлены. «Может, все-таки они принадлежат Адаму. — Эта мысль заставила меня колебаться. — Если я причиню вред одному из волков Адама, мне нелегко придется».

— Новолуние приближается, — сказал тот, что с более длинными волосами, вервольф. — Чувствуешь это?

— Как ты собираешься прожить зиму, парень? — это опять коротковолосый. Голос у него добрый. Отцовский. Даже покровительственный. — В декабре бегать холодно, даже в этой пустыне.

Я сдержала рычание, обдумывая, как помочь Маку.

— Я здесь работаю. — Мак показал на гараж. — Если станет холодней, я думаю, она разрешит мне спать в гараже, пока не найду, где жить. Я ее попрошу.

— Попросишь ее? — произнес коротковолосый сочувственно. — Она держала тебя здесь ради нас. Она одна из нас, парень. Как, по-твоему, мы тебя нашли?

Я ощутила запах шока, потом признания поражения. Эмоции обладают своими запахами, но только в форме койота я способна ощутить самые сильные из них. Я оскалила зубы: не люблю лжецов, особенно если лгут обо мне. Голос вервольфа звучал мечтательно.

— Когда придет луна, ты не сможешь остановить изменение. — Он покачивался взад и вперед. — И тогда ты будешь бегать и упиваться страхом добычи, прежде чем погрузишь в нее свои клыки.

«Призванный луной, — подумала я, забыв от неожиданности о своем гневe. — Если этот волк такой новый, что все еще призван луной, он определенно не из стаи Адама, и тот, кто его послал, идиот».

— Не пойду, — заявил Мак, отступая от них. Он сделал еще шаг назад — прижался спиной к стенке автобуса. Застыл, сделал глубокий вдох и огляделся. — Мерси?

Никто из двоих не обратил внимания на то, что Мак учуял мой запах. Вервольф все еще был погружен в мечты полнолуния, а человек извлекал пистолет.

— Мы старались сделать все по-хорошему, — сказал он, и я почувствовала удовлетворение в его голосе. Может, он и пытался по-хорошему, но по-плохому ему нравится больше. Его пистолет из числа тех, что можно найти в военных каталогах для будущих наемников: выглядит он не менее внушительно, чем действует. — Садись в машину, парень. У меня серебряные пули. Если выстрелю, ты умрешь.

Говорил он, как бандит из гангстерских фильмов пятидесятих годов; я подумала, что он делает это нарочно.

— Если сяду в машину, все равно буду мертв, верно? — ответил Мак. — А двух других в клетках вы убили? Поэтому они исчезли?

Никто из них не заметил, что вервольф начал меняться, даже сам вервольф. Я видела, как сверкнули в темноте его глаза, и ощутила мускусный запах волка и волшебства. Он зарычал.

— Тише, — выпалил человек, потом оглянулся. Замолчал, плотнул и чуть заметно повернул пистолет в сторону своего напарника.

Как человек, вервольф весит примерно двести фунтов. Полностью изменившись, он прибавляет от двухсот до двухсот пятидесяти фунтов. Нет, я не знаю, откуда берется лишний вес. Это не наука, а волшебство. Я чуть тяжелей обычного койота, но это все равно означает,

что вервольф впятеро тяжелей меня.

Я думала, как использовать преимущество в скорости, но когда вервольф, со своими вытянувшимися челюстями и оскаленными острыми клыками, сосредоточился на Маке и снова зарычал, я поняла, что потеряла время.

Я прыгнула на крышу машины, оттуда на вервольфа, который все еще действовал медлительно из-за продолжающейся перемены. Щелкнула челюстями, чтобы привлечь его внимание и схватить за горло, которое еще было лишено жесткой шерсти, защищающей как раз от таких укусов.

Почувствовала, как зубы вонзаются в плоть, — хлынула кровь под сильным давлением, вызванным переменной. Рана была не смертельна — верволфы очень быстро оправляются от укусов, но она задержит его на время и даст мне некоторое преимущество.

Но не задержала.

Он погнался за мной. Я проскочила мимо автобуса Стефана, пересекла переулок, дающий доступ к отсекам моего гаража, и перепрыгнула через проволочную изгородь, окружающую ту часть мастерской, где клиенты могли сами поработать над своими машинами. Будь он уже в полной форме волка, перескочил бы через изгородь легче меня, но незавершенный переход делал его неловким; ему пришлось прорываться сквозь нее.

Подгоняемым охотничьим гневом и азартом, даже на двух ногах он был быстрее меня. Этого не может быть. Я оставляла позади себя множество вервольфов, я проворней их, но ему, похоже, об этом никто не сказал. Он меня догонял. Я снова перепрыгнула через изгородь, потому что она задержала его в первый раз.

Если бы поблизости были жилые дома, нетерпеливый, раздраженный вой вервольфа, вынужденного остановиться и снова продираться через изгородь, привлек бы внимание полиции, но ближайшие жилые дома были в нескольких кварталах отсюда. Это напомнило мне, что я могу не волноваться о судьбе случайных свидетелей, а также о судьбе Мака и моей собственной.

Изменив направление, я снова устремилась к гаражу, стараясь увести вервольфа подальше от города. Но не успела я закончить маневр, как мой преследователь споткнулся и упал.

Вначале я решила, что у него завершился переход, но вервольф не поднялся на четырех лапах, чтобы продолжить погоню. Я побежала медленней, потом остановилась и прислушалась, но слышала только удары своего сердца.

Морда у вервольфа уже стала совершенно волчьей, но шерсть еще не покрыла тело. Пропорции рук, неподвижно раскинутых в стороны, были искажены: слишком тонкие запястья, между большим и остальными пальцами расстояние не как у человека, ногти толстые и заостряются на концах.

Вервольф не шевелился.

Дрожа от стремления убежать, я заставила себя подойти к нему. Все время ждала, что он вскочит и набросится на меня, как в идущих по ночам фильмах, но он просто лежал, и от него пахло кровью и адреналином.

За ним тянулся след, как за автомобилем с пробитым радиатором, но жидкость, блестящая при свете уличного фонаря, была несомненно кровью.

И только тут мне пришло в голову, что я не слышу ударов его сердца и звуков дыхания.

Заработал двигатель, я успела отвести взгляд от вервольфа и увидеть, как черная машина выезжает с парковки и поворачивает ко мне. Машина раскачивается, словно

водитель с трудом набирает скорость и делает поворот. Фары на мгновение ослепили меня, но я уже поняла, куда бежать, и двинула вслепую.

Водитель замедлил ход, не решаясь переехать тело, но тут же взревел восьмицилиндровый двигатель, и машина рванула вперед, едва не встретившись со столбом, за которым я пряталась. Мне не было видно, там ли Мак. Я смотрела на хвостовые огни машины, пока та не свернула на шоссе и не слилась с транспортным потоком. Тогда я подошла к вервольфу — просто чтобы быть уверенной, но он действительно мертв.

До этого я еще никого не убивала. Он не должен был умереть. Вервольфа очень трудно убить. Если бы он позаботился зажать мой укус или не погнался бы за мной, рана залечилась бы до того, как он потерял много крови.

От вкуса крови во рту меня замутило и вырвало прямо возле тела, пока вкус желчи не перебил все остальное. Потом я оставила тело на дороге и побежала к гаражу. Нужно было проверить, как там Мак, прежде чем думать, что делать с мертвым вервольфом.

К моему облегчению, когда я появилась на парковке, Мак стоял, прислонившись к автобусу Стефана. В руке он держал пистолете согнутым стволом.

— Мерси? — спросил он, когда я подошла, как будто ожидал, что я заговорю.

Я кивнула и бросилась к гаражу, где оставила одежду. Он пошел за мной. Но когда я сменила форму и он увидел, что я обнажена, сразу отвернулся, давая мне возможность одеться.

Я быстро натянула шмотки — холодно без одежды — и сказала:

— Я в приличном виде.

Мак снова повернулся ко мне.

— У тебя кровь на подбородке.

Я вытерла кровь низом своей футболки. Сегодня я не собираюсь ходить по магазинам, поэтому немного крови на одежде мне не помешает. «Не вздумай снова плевать, — строго приказала я себе. — Представь себе, что это был кролик».

Вкус был совсем не как у кролика.

— Кто ты? — осведомился Мак. — Одна из них? А где... волк?

— Мертв. Нам нужно поговорить, — заявила я и замолчала, собираясь с мыслями. — Но сначала нужно убрать мертвого вервольфа с улицы. А еще до этого, наверно, нужно позвонить Адаму.

Я отвела Мака в контору — на этот раз включив свет. Конечно, нам обоим он нужен только для удобства.

Когда я потянулась к телефону, он накрыл мою руку своей.

— Кто такой Адам и почему ты ему звонишь? Я не убирала руку.

— Он местный Альфа. Надо убрать тело с дороги — если, конечно, не хочешь попасть в какую-нибудь федеральную лабораторию задолго до того, как ученые убедятся, что нас лучше изучать не мертвыми, а живыми.

— Альфа? — переспросил он. — Кто это? «Да, он новый».

— Вервольфы живут стаями, — ответила я. — У каждой стаи, есть свой Альфа — волк, достаточно сильный, чтобы держать под контролем всех остальных. Адам Хауптман — местный Альфа.

— Как он выглядит?

— Рост пятьдесят, сто восемьдесят фунтов. Темные волосы, темные глаза. Не думаю, что у него есть что-то общее с твоими волками. Если бы ты был нужен Адаму, он бы

заполучил тебя, и гораздо раньше. Возможно, он подонок, но в компетентности ему не откажешь.

— Хорошо, — сказал он, медленно отнимая руку. — Ты меня сегодня спасла — и эта тварь могла разорвать тебя на клочки. Я видел, как он убивает.

Я не спросила, когда и кого. Сейчас важно действовать, чтобы избежать дальнейших неприятностей. Позвонить Адаму. Убрать тело с улицы, прежде чем кто-нибудь его увидит. Потом поговорить. Я по памяти набрала номер Адама.

— Хауптман, — с легким раздражением ответил он после четвертого звонка.

— Я убила вервольфа возле моего гаража, — произнесла я и повесила трубку. Увидев поднятые брови Мака, объяснила: — Так реакция будет гораздо быстрее, чем если я двадцать минут потрачу на объяснения. Пошли.

Когда зазвонил телефон, ответил мой автоответчик.

Я взяла автобус Стефана, потому что грузить в него Что-нибудь большое легче, чем в мой маленький «рэббит». Автобус пропах Маком, я и поняла, что он мне не солгал, когда заверил, что у него есть где спать. Он провел здесь не меньше нескольких ночей.

Автобус пока был без тормозов — их еще предстоит установить, — но я смогла подвести его прямо к телу. Мак помог мне втащить его и побежал к гаражу, пока я управляла автобусом. Когда я подъехала, он уже открыл гаражную дверь.

Мы положили тело на цементный пол возле подъемника, потом я поставила автобус на его прежнее место и опустила дверь, оставив тело внутри.

Я отошла в самый дальний от мертвого вервольфа угол и села на пол у своей большой сумки с инструментами. Мак сел рядом со мной, и мы оба посмотрели на труп.

В гараже при ярком свете полуизменившееся тело выглядело еще более гротескно, чем под уличным фонарем, словно кадр из черно-белого фильма Лона Чейни. Со своего места я видела убившую его рану на шее.

— Он считал, что должен излечиться быстро, — сказала я, чтобы нарушить тишину. — И потому не обратил внимания на мой укус. Но некоторые раны заживают дольше остальных. Он, как и ты, этого не знал. Давно ли ты стал вервольфом?

— Два месяца, — ответил Мак, прислоняясь головой к сумке и глядя в потолок. — Это убило мою подругу, но я выжил. Почти.

«Все-таки он не убивал девушку, — подумала я, вспомнив свое предположение после подслушанного телефонного разговора. — Ему повезло».

Впрочем, Мак так не считал, а я не стала его разубеждать.

— Расскажи о своей жизни после этого. Откуда пришли эти? Ты из Тройного города?

Я уже месяцев шесть не слышала ничего о загадочных смертях и исчезновениях.

Мак отрицательно покачал головой.

— Я из Нейпервилля. — Увидев мой непонимающий взгляд, он пояснил: — Иллинойс. Возле Чикаго. — Он посмотрел на тело и сглотнул. Шепотом сказал: — Я хочу его съесть.

— Это совершенно естественно, — заверила я его, хотя, должна признаться, у меня возникло желание быть от него как можно дальше. Да поможет мне небо! Оказаться запертой в гараже с новым вервольфом и перед горой свежего мяса — это совсем не идеал безопасности. Но придется ждать прихода Адама. Могло бы быть и хуже: полнолуние или он был бы так голоден, как в первый день, когда появился.

— Олени не только вкуснее, но и жить с этим легче, — заметила я и тут же решила, что лучше поговорить о чем-нибудь другом, не о еде. — Что с тобой произошло после первого

нападения? Кто-то отправил тебя в больницу?

Мак какое-то время смотрел на меня, но я не могла понять, о чем он думает. Потом он сказал:

— После... после нападения я очнулся в клетке в каком-то подвале. Там кто-то был, и когда я открыл глаза, услышал: «Хорошо, ты жив. Лео будет очень доволен».

— Минутку. Лео. Лео. Чикаго. — И тут я поняла. — Лео Джеймс? Выглядит, как чемпион по лыжным гонкам? Высокий, светловолосый.

Лео — один из чикагских Альф; их там двое. Лео принадлежит территория западных пригородов. Я раз или два встречалась с ним. Мы друг другу не понравились, но, как я уже замечала, большинство вервольфов не терпят других хищников.

Мак кивнул.

— Похож. Он спустился по лестнице вместе с первым парнем и еще одним человеком. Никто из них не говорил со мной и не отвечал на мои вопросы. — Он сглотнул и беспокойно взглянул на меня. — Звучит дико? Невероятно.

— Ты сейчас рядом с той, кто умеет превращаться в койота, — мягко напомнила я. — Просто расскажи, что, по-твоему, случилось.

— Хорошо. Я был все еще слаб, ничего не понимал, но, кажется, Лео торговался с кем-то. Кажется, он продал меня за двенадцать тысяч долларов.

— Лео продал тебя за двенадцать тысяч долларов, — сказала я скорее себе, чем Маку. Мой голос мог звучать спокойно и небрежно, но только потому, что Мак прав: это совершенно невероятно. Не в том дело, что я считала, будто он лжет. — Он приказал одному из своих волков напасть на тебя и на твою подругу, и когда ты выжил, он продал тебя кому-то как только что превратившегося волка.

— Я так думаю, — заявил Мак.

— Ты сегодня звонил семье? — спросила я. И улыбнулась, увидев, как он насторожился. — У меня очень острый слух.

— Брату. На его сотовый, который не совсем исправен. Сломался определитель номеров. Я должен был дать им знать, что жив. Наверно, полиция считает, что я убил Мег.

— Ты утверждал, что ищешь убийцу. Он невесело улыбнулся.

— Похоже, я смогу его найти.

Сможет. Просто надо научиться пользоваться своими новыми способностями, но я не собиралась ему это сообщать. Пока. Если Мак найдет того, кто на него напал, — очень вероятно, что он умрет. Новый вервольф не устоит перед старым и опытным.

Я потрепала его по колену.

— Не волнуйся. Как только я свяжусь с нужными людьми — а Адам как раз из таких, — Лео станет ходячим мертвецом. Маррок не потерпит Альфу, который создает потомство и продает его за деньги.

— Кто такой Маррок?

— Прости, — сказала я. — Я тебе уже говорила, что, за исключением отдельных бродяг, вервольфы живут стаями под руководством волка Альфы.

Это верх организованности, на какую способны вервольфы. Но единственное, что делает волка Альфой, это сила — не интеллект, даже не здравый смысл. В Средние века, после черной чумы, почти все вервольфы были истреблены наряду с обычными волками просто потому, что некоторые Альфы оказались слишком неблагоразумными. И тогда было решено, что над всеми вервольфами должен быть единый лидер.

В США все вервольфы подчиняются Марроку. Этот титул заимствован из легенды о короле Артуре. Рыцарь с таким именем был вервольфом. Маррок и его стая властвуют над всеми стаями Северной Америки.

— Значит, нас много? — осведомился Мак. Я кивнула.

— Не менее двух тысяч в США, около шестисот в Канаде и примерно четыреста в Мексике.

— Откуда ты столько знаешь о вервольфах?

— Они меня вырастили.

Я ждала, что он удивится, но его внимание вновь устремилось к мертвецу. Он глубоко вздохнул и содрогнулся всем телом.

— Ты знаешь, зачем ты им был нужен? — торопливо спросила я.

— Мне объявили, что разрабатывают лекарство. Все время добавляли мне что-то в пищу. Я чувствовал, но был голоден и все равно ел. Иногда мне делали уколы — а однажды, когда я отказался, выстрелили шприцем.

— Там были еще такие, как ты? Он кивнул.

— Меня держали в трейлере. Там стояли четыре клетки. Сначала нас было трое: я, девушка примерно моего возраста и мужчина. Девушка была слишком потрясена, она просто смотрела пустыми глазами и раскачивалась. А мужчина не понимал по-английски. Мне показалось, что он говорит по-польски, но это мог быть и русский или еще какой-нибудь. Однажды я впал в опьянение после укола, а когда пришел в себя, их не было.

— Наркотики не действуют на вервольфов, — сказала я. — У них иной метаболизм.

— Эти действуют, — ответил он.

— Не должны бы. Но я тебе верю. Как ты выбрался?

— Я смог поменяться, когда мне попытались дать что-то еще... В общем, я убежал.

— Трейлер стоял здесь, в Тройном городе?

— Да, но я не смог снова найти его. Не помню, что происходит, когда... — Он замолчал.

— Когда становишься волком.

Память приходит с опытом и контролем. Так мне во всяком случае объясняли. С мягким урчанием дорогого двигателя к гаражу подкатила незнакомая машина.

— Что случилось? — спросил Мак, когда я встала.

— Ты не слышишь машину?

Он начал отрицательно качать головой, но потом остановился.

— Я... да. Слышу.

— Быть вервольфом имеет свои преимущества, — заметила я. — Одно из них — более острый слух и обоняние, чем у человека. — Я направилась к двери. — Поворачивает на стоянку. Посмотрю, кто это.

— Может, это тот парень, которому ты звонила. Альфа. Я покачала головой.

— Это не его машина.

Глава третья

Я прошла через контору и осторожно приоткрыла входную дверь, но аромат духов и трав, повисший в воздухе, сразу сообщил мне, что тревожиться нечего.

У тротуара, рядом с автобусом Стефана, растянулся длинный темный «кадиллак». Я пошире распахнула дверь, шофер в форме приподнял шляпу, потом открыл заднюю дверцу «кадиллака», и из машины вышла пожилая женщина.

Я повернулась в контору и крикнула:

— Все в порядке, Мак. Это команда очистки.

Держать людей в неведении о волшебных существах, живущих среди них, — сложная специализированная работа. Стая Адама для этой цели использует лучшую колдунью северо-западного побережья США. Слухи о происхождении Елизаветы Аркадьевны Вишневецкой и о том, как она оказалась в Тройном городе, меняются еженедельно. Я думаю, она и весь выводок ее внуков и правнуков способствуют распространению самых нелепых версий. Я с уверенностью могу сказать только, что она родилась в России, в Москве, и прожила в Тройном городе не меньше двадцати лет.

Елизавета выбралась из глубин своей машины с видом прима-балерины, выходящей на поклон. На это стоило подсмотреть.

Рост около шесть футов, телосложение — почти ничего, кроме кожи и костей, длинный элегантный нос и серый пронизательные глаза. Стиль одежды — нечто среднее между престарелой графиней и Бабой-ягой. Многочисленные Слои дорогих тканей спускаются до икр, поверх них — длинный шерстяной плащ с капюшоном и теплый шарф, которым обернута голова и шея. Ее наряд не аутентичен — ни для одного времени или места, которые мне известны, но я не встречала человека, настолько смелого, чтобы объяснить ей это.

— Елизавета Аркадьевна, добро пожаловать, — произнесла я, проходя мимо автобуса и останавливаясь у ее машины.

Она посмотрела на меня.

— Мне позвонил Адамчик и сказал, что один из его волков мертв.

Голос ее звучал резко и четко, как голос английского аристократа, и я решила, что она немного рассержена: обычно у нее такой сильный акцент, что я ее с трудом понимаю. А когда по-настоящему рассердится, вообще не говорит по-английски.

— Да, вервольф, — подтвердила я. — Но не думаю, что он из стаи Адама.

Я поняла, что Адамчик — это ласковая форма от Адам. Не думаю, чтобы она когда-нибудь так назвала его в лицо. Елизавета редко проявляет чувства, если тот, о ком идет речь, может ее услышать.

— Тело у меня в мастерской, — сообщила я. — Но здесь повсюду кровь. Вервольф гнал за мной с разорванной артерией и истек кровью у склада; он дважды прорывался сквозь изгородь и умер от потери крови прямо на улице. На складе есть видеокамера, и я использовала автобус Стефана, — я показала, — чтобы перевезти тело. Елизавета что-то шепнула по-русски шоферу, в котором я узнала одного из ее внуков. Он поклонился и что-то ответил, прежде чем обойти машину и открыть багажник.

— Иди. — Она протянула руку, словно отталкивая. — Я приведу тут все в порядок без твоей помощи. А ты жди возле тела. Скоро здесь будет Адам. Когда посмотрит, скажет, что мне делать со всем этим. Ты убила вервольфа? Серебряной пулей? Мне искать оболочку?

— Клыками, — ответила я: она знает, кто я. — Это что-то вроде несчастного случая — его смерть.

Я повернулась, чтобы уйти в контору, но она схватила меня за руку.

— О чем ты думала, Мерседес Томпсон? Маленький волк, нападающий на больших, скоро умрет. Удача когда-нибудь кончится.

— Он убил бы мальчишку, который был под моей защитой. У меня не было выбора.

Она отпустила меня и неодобрительно фыркнула, а когда заговорила, русский акцент вернулся.

— Выбор всегда есть, Мерси. Всегда. Если он напал на мальчишку, значит, он не из числа Адамовых.

Она взглянула на шофера и что-то рывкнула. Поняв, что мне разрешено уйти, я вернулась к Маку и мертвому вервольфу.

Мак сидел у тела и лизал пальцы, словно коснулся свертывающейся крови и теперь слизывал ее. Плохой знак. Я была почему-то уверена, что если бы Мак себя полностью контролировал, он бы этого никогда не сделал.

— Мак, — позвала я, проходя мимо него к дальней стенке гаража, где мы сидели.

Он зарычал на меня.

— Прекрати! — резко сказала я, изо всех сил стараясь, чтобы в моем голосе не прозвучал страх. — Возьми себя в руки и иди сюда. Ты должен кое-что узнать, прежде чем здесь появится Адам.

Я старалась избежать соревнования в доминировании, потому что инстинкт говорил мне, что Мак прирожденный лидер, доминант, который вполне может стать Альфой — а я всего лишь женщина.

Эмансипация не проникла в среду вервольфов. Самка, у которой есть самец, занимает положение в соответствии с рангом своего самца, а независимые самки всегда ниже самцов — если только эти самцы не склонны к покорности, что бывает очень редко. Это обстоятельство причинило мне много горя, так как я росла в стае вервольфов. Если рядом нет никого более доминантного, Мак не сможет справиться с волком в себе. Адам еще не прибыл, так что придется мне.

Я посмотрела на него, изо всех сил подражая приемному отцу, и подняла бровь.

— Мак, ради бога, оставь этого мертвеца и иди сюда. Он медленно встал, вся его фигура выражала угрозу.

Но вот он покачал головой и потер лицо, чуть покачиваясь.

— Это помогает, — заметил он. — Можешь так сделать еще?

Я попыталась.

— Мак. Немедленно иди сюда.

Чуть пошатываясь, он подошел ко мне и сел.

— Когда Адам придет, — решительно произнесла я, — что бы ты ни делал, не смотри ему в глаза больше чем на одну-две секунды. Надеюсь, в тебе сработает инстинкт. Не нужно укрываться — помни, ты ничего плохого не сделал. Говорить буду я. Нам нужно, чтобы Адам взял тебя к себе домой.

— Я вполне проживу один, — возразил Мак. Он почти пришел в себя, но все же невольно поворачивал голову в сторону мертвого тела.

— Нет, не проживешь, — твердо сказала я. — Не будь здесь стаи, может, и выжил бы. Но если ты встретишься с любым волком из стаи, и стая о тебе не знает, тебя убьют. К тому

же скоро полнолуние. Адам поможет тебе до этого времени контролировать твоего волка.

— Я смогу контролировать чудовище? — спросил Мак, застывая.

— Полностью, — ответила я. — И это не чудовище — не более, чем кашалот. Вервольфы вспыльчивы и агрессивны, но они не злы. — Я вспомнила о том вервольфе, который его продал, и поправилась: — По крайней мере не злее некоторых людей. — Я даже не помню, что делает этот зверь, — заявил Мак. — Как я смогу его контролировать?

— В первые несколько раз это трудно, — сказала я. — Хороший Альфа способен провести тебя через это. Когда приобретешь навыки, сможешь вернуться к прежней жизни, если захочешь. Придется только быть внимательным: даже в человеческом облике у тебя будет вспыльчивый характер и гораздо больше сил, чем ты привык. Адам тебя научит.

— Я не смогу вернуться, — прошептал он.

— Сначала научись контролю. Есть те, кто поможет тебе с остальным. Не сдавайся.

— Ты не похожа на меня.

— Конечно. Я ходячая; это другая форма. Я такой родилась.

— Никогда не слышал о ходячих. Это разновидность других?

— Близко, — сказала я. — У меня нет многого того, что есть у вас, вервольфов. Нет сверхсилы. Нет сверхбыстрого заживления ран. Нет стаи.

— И нет вероятности, что ты сожрешь друга, — предположил он. Не знаю, шутил он или говорил серьезно.

— Да, кое-какие преимущества есть, — согласилась я.

— Откуда ты столько узнала о вервольфах?

Я открыла рот, собираясь сообщить ему краткую версию, но решила, что подробности отвлекут его от мертвого тела.

— Моя мать была фанаткой родео, — начала я, садясь рядом с ним. — Ей нравились ковбои, любые. Она влюбилась в индейца из племени черноголовых, ездока на быках по имени Джо Старый Койот, из Браунинга, Монтана. И забеременела мной. Она мне позже рассказала, что мой отец происходит из рода знахарей и шаманов, но тогда она решила, что он просто пытается произвести на нее впечатление. Джо погиб в автокатастрофе через три дня после их первой встречи.

Тогда ей было семнадцать, и родители попытались убедить ее сделать аборт, но она и слышать не хотела. Тогда ее попробовали уговорить отдать меня на удочерение, но она хотела вырастить меня сама — до того момента, как мне исполнилось три месяца и она обнаружила в моей колыбели щенка койота.

— Что же она сделала?

— Попыталась разыскать семью моего отца, — ответила я. — Поехала в Браунинг и нашла несколько семей с такой фамилией, но все они утверждали, что никогда не слышали о Джо. Он точно был коренным североамериканцем. — Жестом я показала на себя. Сама я не выгляжу чистокровной: во мне есть и английские черты. Но кожа у меня даже в ноябре загорелая, а прямые волосы такие же темные, как глаза. — Но в остальном я о нем ничего не знаю.

— Старый Койот, — задумчиво произнес Мак. Я усмехнулась.

— Заставляет думать, что перемена в нашей семье передается по наследству, верно?

— Как получилось, что тебя воспитали вервольфы?

— Дядя моего прадеда был вервольфом. Считалось, что это семейная тайна, но от моей матери трудно что-нибудь утаить. Стоит ей улыбнуться человеку, и тот расскажет ей о всей

своей жизни. Ну, она узнала номер его телефона и позвонила.

— Bay! — воскликнул Мак. — Никогда не встречался со своим прадедом.

— Я тоже, — заметила я. — Только с его дядей, который оказался вервольфом. Одно из преимуществ вервольфа — долгая жизнь.

«Если сумеешь взять под контроль своего волка, конечно, но это ему лучше объяснит Адам».

Его взгляд снова обратился к нашему покойному другу.

— Ну хорошо, — вздохнула я. — Глупое поведение все равно может привести к смерти. Дядя моего прадеда был достаточно умен, чтобы пережить свое поколение, но это не помешало ему однажды лунной ночью быть проткнутым лосем.

— Так вот, — продолжила я, — он приехал к нам и сразу понял, кто я, как только меня увидел. Это было до того, как другие открылись, и люди все еще верили в то, что наука доказала невозможность волшебства. Он сказал моей матери, что для меня безопасней будет расти в заброшенном районе Монтаны в стае Маррока — у вервольфов в Монтане есть собственный поселок, куда редко забредают чужаки. Меня воспитала бездетная семья.

— Мать просто отдала тебя?

— Она приезжала каждое лето, и ей это было нелегко. Марроки не слишком любят людей, за исключением собственных супругов и детей.

— Мне казалось, Маррок — это имя волка, который правит Северной Америкой.

— Стаи иногда принимают на себя имя правителя. Поэтому стая Маррока именуется марроками. Но чаще основой названия служит географический термин. Волки Адама зовутся стаями бассейна Колумбии. В штате Вашингтон есть еще только одна стая — Изумрудная стая в Сиэтле.

Мак готов был задать следующий вопрос, но я подняла руку, призывая его к тишине. Услышала машину Адама.

— Помни, что я говорила тебе об Альфе, — сказала я Маку и встала. — Он хороший человек, и ты в нем нуждаешься. Просто сиди здесь, держи глаза опущенными и предоставь говорить мне, и тогда все будет в порядке.

Тяжелая гаражная дверь застонала, потом загремела, словно гигантские цимбалы, как будто раскрывалась быстрее, чем обычно.

На пороге стоял Адам Хауптман. Он на мгновение застыл, и я увидела его только глазами, как обычный человек. На него стоило посмотреть.

Несмотря на немецкую фамилию, лицо и волосы у него славянские: смуглая кожа, черные волосы, хотя не такие, как мои, — широкие скулы и узкий, но чувственный рот. Он не высок и не массивен, и кто-то может удивиться, почему, стоит ему войти в комнату, как все взоры устремляются на него. Люди думают, что именно лицо объясняет его привлекательность. Но они ошибаются. Адам — Альфа и, будь он уродлив, все равно приковывал бы внимание всех, кто окажется поблизости, любого волка и человека, а его мужественная красота лишь усиливала это впечатление.

При обычных обстоятельствах глаза у него карие, глубокого шоколадного цвета, но когда он сердится, они светлеют и становятся почти желтыми. Я услышала, как ахнул Мак, когда на него обрушилась волна гнева Адама, поэтому я, заранее приготовившись, позволила этой волне прокатиться над собой, как морской воде над обломком стекла.

Может, все-таки следовало объяснить получше, чем это я сделала по телефону, но иногда можно и позабавиться.

— Что случилось? — спросил он голосом чуть мягче первых зимних снежинок.

— Сложно объяснять, — ответила я, целых две секунды удерживая его взгляд, прежде чем повернула голову и кивнула в сторону тела. — Мертвец вон там. Если твой, то он новый — и ты плохо справился со своей работой. Он был слеп и глух, как человек. Я смогла захватить его врасплох, и он был настолько невежествен, что не знал: рана заживает не так быстро, если нанесена сверхъестественным существом. Он слишком увлекся погоней, позволил себе истечь кровью до смерти и...

— Хватит, Мерседес, — прорычал он, подошел к мертвому вервольфу и наклонился к нему. Передвинул тело, и рука трупа безвольно упала на землю.

Мак взвыл, но тут же наклонил голову и прижался к моей ноге, чтобы не смотреть.

Этот звук перенес внимание Адама с мертвеца на мальчишку.

Альфа проворчал:

— Он не мой — этот тоже.

— Как вежливо, — заметила я. — Твоя мама могла бы порадоваться твоим манерам, Хауптман.

— Осторожней, — прошептал он.

Это была не угроза, только предупреждение.

Хорошо. Он страшен. По-настоящему страшен. Вероятно, был страшен, когда еще был просто человеком. Но я не покажу ему, что он меня пугает.

— Адам Хауптман, — вежливо произнесла я, чтобы продемонстрировать, как это делается. — Позволь представить тебе Мака — это его единственное имя, которое мне известно. Примерно две луны назад на него напал вервольф из Чикаго. Вервольф убил его подругу, но Мак выжил. Нападавший захватил его и запер в клетку. Человек, похожий на чикагского Альфу Лео, продал его кому-то. Его держали в трейлере и использовали для чего-то похожего на эксперименты с наркотиками, пока он не сумел убежать. В пятницу на прошлой неделе он появился у дверей моей мастерской и спросил, нет ли работы.

— Ты не сообщила мне, что у твоей двери незнакомый вервольф?

Я подчеркнуто вздохнула.

— Я не член твоей стаи, Адам. Я знаю, тебе трудно это понять, поэтому скажу медленно: я не принадлежу тебе. И не обязана ничего тебе говорить.

Адам хрипло выругался.

— Новые вервольфы опасны, женщина. Особенно если они замерзли и проголодались. — Он посмотрел на Мака, и голос его совершенно изменился, из него исчезли гнев и напряжение. — Мерси, иди сюда.

Я не стала смотреть вниз, чтобы понять, что он увидел на лице Мака. Сделала шаг, но Мак вцепился в мою левую ногу. Я остановилась, чтобы не упасть.

— Гм. В данный момент я несколько стеснена.

— Для умной девочки ты иногда ведешь себя очень глупо, — сказал Адам мягким глубоким голосом, стараясь не напугать сидевшего рядом со мной вервольфа. — Закрыться в гараже с новым волком и мертвым телом — не самый мудрый из твоих поступков. Я пока не представляю, кто он. Было бы полезно знать его настоящее имя.

— Мак, — прошептала я, — как тебя зовут?

— Алан, — сонно ответил он, вставая на колени и прижимаясь лицом к моему животу. — Алан Маккензи Фрейзер, в честь моего деда, который умер в год, когда я родился. — Его движения привели к тому, что моя рубашка задралась, и он лизнул мою

обнажившуюся кожу. Для чужака это могло бы показаться чувственным, но живот — самое уязвимое место тела, излюбленное хищниками. — Ты хорошо пахнешь, — прошептал он.

От него несло вервольфом, и я начинала паниковать — что в такой ситуации совсем не полезно.

— Алан, — произнес Адам, словно пробуя это имя на вкус. — Алан Маккензи Фрейзер иди ко мне.

Мак отвел голову, но больно стиснул руками мою ногу. Он посмотрел на Адама и зарычал, что дрожью отозвалось в моей ноге.

— Моя, — заявил Мак. Глаза Адама сузились.

— Не думаю. Она моя.

«Было бы лестно, — подумала я, — если бы один из них не говорил обо мне как об обеде, да и во втором я не уверена». Пока Адам отвлекал внимание Мака, я протянула руку за спину и схватила большой гаечный ключ, лежавший на полке сразу за мной. И двинула им Мака по лопатке.

Удар вышел не очень сильный, потому что я не могла как следует размахнуться, но лопатку, даже лопатку вервольфа, повредить нетрудно. Я услышала, как треснула кость, и вырвалась из рук Мака, прежде чем он пришел в себя от неожиданности.

Мне не хотелось причинять ему боль, но он выздоровеет за несколько часов, а я не позволю ему съесть меня. Не думаю, чтобы после убийства он оправится так же легко и быстро, как от сломанной кости.

Адам двигался почти так же стремительно, как я. Он схватил Мака за загривок и рывком поставил на ноги.

— Адам, — сказала я, пребывая в относительной безопасности в дальнем углу гаража. — Он новый и необученный. Он жертва.

Я сознательно вела речь тихо и спокойно, чтобы не усиливать возбуждение.

Помогло и то, что в этот момент Мак не выглядел особенно опасным. Он безвольно висел в руках Адама.

— Прости, — почти неслышно произнес Мак. — Прости. Адам преувеличенно раздраженно вздохнул и отпустил Мака — вначале поставил на ноги, но так как ноги Мака подогнулись, Адам опустил его за землю.

— Больно, — скулил Мак.

— Знаю. — В голосе Адама больше не было гнева. Конечно, он говорил с Маком, а не со мной. — Если переменишься, заживет быстрее.

Мак посмотрел на него. — Не думаю, что он знает, как это делать нарочно, — высказала я предположение.

Адам задумчиво взглянул на тело, потом на меня.

— Ты что-то говорила о клетке и экспериментах? Мак промолчал, поэтому я кивнула.

— Да. Очевидно, у кого-то есть наркотик, который пытаются применить к вервольфам. — Я повторила все, что рассказал мне Мак, потом подробно описала собственную встречу с мертвым ныне вервольфом и его напарником-человеком. Я уже сообщила Адаму большинство фактов, но была уверена, что часть информации потерялась из-за его возбужденного состояния, поэтому просто все рассказала снова.

— Проклятие, — кратко выразился Адам, когда я закончила. — Бедняга. — Он повернулся к Маку. — Ну хорошо. С тобой все будет в порядке. Прежде всего надо вызвать твоего волка, чтобы ты мог залечить рану.

— Нет, — возразил Мак, дико поглядев сначала на мертвеца, потом на меня. — Когда я такой, я себя не контролирую. Я кому-нибудь причиню боль.

— Посмотри на меня, — велел Адам, и хотя его мрачный глубокий голос был адресован не мне, я не могла оторвать от него взгляда. Мак тем более. — Все в порядке, Алан. Я не позволю тебе причинить вред Мерси, хотя она заслуживает наказания. — И доказывая свою наблюдательность, добавил: — И не позволю тебе съесть мертвеца.

Когда Мак начал колебаться, я подошла к Адаму, чтобы иметь возможность смотреть парню в глаза.

— Я тебе говорила, что он будет контролировать твоего волка, если ты не сможешь. Поэтому он и Альфа. Необходимо ему поверить.

Мак закрыл глаза и кивнул.

— Хорошо. Но я не знаю как.

— Скоро научишься, — сказал Адам. — А сейчас я тебе помогу. — Коленом он оттолкнул меня и достал из кармана нож. — Тебе будет легче без одежды.

Я старалась держаться как можно незаметней и не вскрикнуть, услышав возглас Мака.

И в лучшие времена переход никогда не бывает легким и безболезненным, особенно он труден без помощи лунного призыва. Не знаю, почему вервольфы не могут меняться, как я, но мне пришлось закрыть глаза и постараться не обращать внимания на болезненные звуки, доносившиеся из угла гаража. Сломанная лопатка не облегчала Маку переход. Некоторые вервольфы с опытом меняют форму относительно быстро, но новому на это требуется много времени.

Я вышла из гаража в контору, а оттуда наружу: чтобы оставить их в одиночестве и больше не видеть страдания Мака. Я села на единственную цементную ступеньку у конторы и стала ждать.

В тот момент, когда полные боли крики Мака перешли в волчий вой, вернулась Елизавета, опираясь на руку внука.

— Здесь еще один вервольф? — спросила она у меня. Я кивнула и встала.

— Тот мальчишка, о котором я рассказывала. Но здесь Адам, так что опасности нет. Вы вычистили автобус Стефана?

Я кивком указала на него.

— Да, да. Ты что, считаешь, что имеешь дело с любителем? — Она обиженно фыркнула. — Твой друг вампир никогда не узнает, что в салоне побывал еще один труп, кроме его собственного.

— Спасибо. — Я наклонила голову и, поскольку ничего больше не слышала в гараже, открыла дверь конторы и позвала: — Адам?

— Все в порядке, — устало ответил он. — Сейчас безопасно.

— Здесь Елизавета со своим шофером, — предупредила я на всякий случай: вдруг он в гневе ее не заметил.

— Пусть тоже заходит.

Я открыла переднюю дверь, но внук Елизаветы перехватил ее у меня и придержал для нас обеих. Елизавета переместила костлявую хватку с локтя внука на мой, хотя рука у нее была такая сильная, что я была уверена: она вполне может обойтись без помощи.

Мак сидел в том же углу гаража, в котором я его оставила. Его волчья форма была темно-серой, и поэтому он сливался с тенями на цементном полу. Одна лапа у него была белой, и под носом светлела полоска. У вервольфов окраска обычно больше напоминает

собачью, чем волчью. Не знаю почему. У Брана, Маррока, — белое пятно на хвосте, словно он окунул его в ведро с краской. Мне это кажется забавным — но мне никогда не хватало духу сказать ему об этом.

Адам склонился над мертвецом, не обращая на Мака никакого внимания. Когда мы вошли, Альфа поднял голову.

— Елизавета Аркадьевна, — формально поздоровался он и добавил что-то по-русски. Снова перейдя на английский, продолжил: — Роберт, и тебе спасибо за то, что пришел сюда сегодня.

Елизавета сказала Адаму что-то по-русски.

— Еще не совсем, — ответил Адам. — Можешь поменять назад его форму? — Он показал на мертвеца. — Я не узнаю его запах, и мне хотелось бы получше разглядеть его лицо.

Елизавета нахмурилась и быстро заговорила по-русски с внуком. Тот кивнул. Они еще какое-то время общались, потом она снова повернулась к Адаму.

— Возможно. Я попробую.

— Есть ли у тебя здесь фотоаппарат, Мерси? — спросил Адам.

— Есть. — Я работаю со старыми машинами. Иногда попадаютсся авто, «восстановленные» другими, у них бывает новый и необычный внешний вид. Я обнаружила, что если сделать снимок машины перед тем, как ее разобрать, потом легче собирать. — Сейчас принесу.

— Прихвати листок бумаги и чернильную подушечку, если есть. Я пошлю отпечатки пальцев своему другу для идентификации.

К тому времени как я вернулась, труп уже был в человеческой форме, и рана на шее, которую я сделала, выглядела как лопнувший воздушный шарик. Кожа посинела от потери крови. Мне приходилось видеть мертвецов и раньше, но тех я не убивала.

Перемена привела к тому, что его одежда разорвалась — и не так живописно, как изображают комиксы и художники-фантасты. Брюки лопнули в промежности, рубашка разошлась на шее и по швам на плечах, и все это выглядело ужасно непристойно.

Адам взял у меня цифровой фотоаппарат и сделал несколько снимков под разными углами, потом убрал аппарат в сумку и повесил себе через плечо.

— Верну, как только получу фотографии, — с отсутствующим видом пообещал он, взял принесенные мною канцелярские принадлежности и вначале искусно смазал подушечки пальцев мертвеца чернилами, а потом сделал отпечатки на бумаге.

После этого все происходило очень быстро. Адам помог внуку Елизаветы поместить тело в роскошные внутренности машины, чтобы от него избавились. Елизавета провела необходимый ритуал — танцы и жесты, — очищая мой гараж от волшебства; я надеялась, что теперь ничего не свидетельствует о том, что в мастерской находилось мертвое тело. Она взяла и одежду Мака.

— Тихо, — велел Адам, когда Мак угрожающе заворчал. — Все равно теперь это рваные тряпки. У меня дома есть одежда, которая тебе подойдет, а завтра раздобудем другую.

Мак сердито взглянул на него.

— Ты идешь со мной, — сказал Адам тоном, не терпящим возражений. — Я не позволю новому волку свободно бегать по моему городу. Тебе придется кое-чему научиться, потом я разрешу тебе остаться или уйти — но только когда буду уверен, что ты себя контролируешь.

— Я уйду; такой старой женщине, как я, не следует поздно ложиться, — заявила

Елизавета. Она кисло посмотрела на меня. — Хоть ненадолго воздержись от глупостей, Мерседес. Я не хочу еще раз появляться здесь.

Звучало это так, словно она постоянно занималась моим гаражом, хотя была у меня впервые. Я устала, и мысль об убитом мной человеке по-прежнему вызывала желание освободиться от содержимого желудка. К тому же я была слишком напряжена, поэтому мой ответ оказался не настолько дипломатичным, как следовало бы.

— Я тоже этого не хочу. Она уловила невысказанный вызов, но я смотрела широко раскрытыми ясными глазами, так что она не поняла, серьезно ли я говорю. Оскорбленная колдунья в одном списке с разгневанным вервольфом-Альфой и пребыванием рядом с новым волком и с мертвым телом — все это я проделала за один вечер. Но тут уж я ничего не могла поделать.

Мне пришлось научиться вызывающему поведению, чтобы выжить в стае огромных доминирующих вервольфов. Они, как и другие хищники, уважают храбрость. Если уж слишком будешь стараться не задеть их, они воспримут это как слабость, а слабые — это добыча.

Завтра я снова буду чинить старые машины и какое-то время не стану поднимать голову. На сегодня я издержала всю свою удачу.

Адам, по-видимому, был согласен с этим, потому что он взял Елизавету под руку, отвлекая ее, и отвел к машине. Ее внук Роберт лениво улыбнулся мне.

— Не слишком наседай на бабушку, Мерси, — негромко сказал он. — Ты ей нравишься, но это ее не остановит, если она решит, что ты проявляешь недостаточно уважения.

— Знаю, — ответила я. — Пойду домой и проверю, укоротят ли несколько часов сна мой язычок, чтобы он больше не приводил к неприятностям.

Мне хотелось пошутить, но получилось слишком устало.

Уходя, Роберт сочувственно посмотрел на меня.

Кто-то прислонился к моей ноге. Опустив голову, я увидела Мака. Он поднял на меня глаза, вероятно, считая, что тоже смотрит сочувственно. Адам оставался с Елизаветой, но у Мака, по-видимому, никаких неприятностей не было. Я слегка почесала его за ухом.

— Пойдем. Закроем мастерскую.

На этот раз я свой кошелек не забыла.

Глава четвертая

Оказавшись наконец дома, я решила, что от последствий такого вечера можно спастись только одним способом. Мои запасы темного шоколада кончились, мятное печенье я доела, поэтому включила печь и вытащила миксер. Когда кто-то постучал в дверь, я налиwała шоколад в тесто для печенья.

На пороге стояла девчонка — чертенок с ярко-оранжевыми волосами (новая краска «Дневное сияние»), которые рассыпались мятежными завитками; на глаза она потратила столько косметики, что профессиональной команде девушек, разогревающих зрителей перед матчем, хватило бы на целый месяц. В руке у нее был мой фотоаппарат.

— Привет, Мерси. Папа велел отнести его тебе и убраться на время, пока он занят какими-то делами. — Закатив глаза, она протянула мне аппарат. — Он ведет себя так, словно я не знаю, что ему приходится иметь дело с чужими вервольфами.

— Привет, Джесси, — ответила я и впустила ее в дом.

— К тому же, — продолжала она, заходя и сбрасывая обувь, — этот волк забавный. Такая смешная полоска вот здесь. — Она провела пальцем у себя под носом. — Он не причинил бы мне вреда. Я только почесала ему живот, но тут вошел папа, и началось... О, у тебя такое вкусное тесто! Можно попробовать?

Джесси — дочь Адама. Ей пятнадцать лет, но она изо всех сил старается выглядеть на сорок, Большую часть года она живет у матери в Юджине — должно быть, приехала к нам, чтобы встретить День благодарения с отцом. Мне показалось, что немного рановато, потому что праздник только в четверг, но она ходит в школу для одаренных и эксцентричных детей, так что, возможно, каникулы у них длиннее.

— Ты специально для отца выкрасила волосы? — спросила я, передавая ей ложку с основательным количеством теста.

— Конечно. — Она набила рот и так и продолжала говорить. — Если у него есть возможность на меня поворчать, он чувствует себя настоящим отцом. К тому же, — г с видом праведника добавила она, — в Юджине все так делают. Через одну-две недели смоемся. Когда мне надоели его нотации, я заявила, что ему повезло: я не воспользовалась суперклеем для острых концов, как мой друг Джаред. Может, сделаю на следующих каникулах. Вкусно.

Она протянула ложку за новой порцией, но я шлепнула ее по руке.

— Нельзя: она уже побывала у тебя во рту.

Я дала ей другую ложку, закончила мешать тесто и стала наливать его на противень.

— Да, чуть не забыла, — произнесла она, прожевав, — отец вместе с фотоаппаратом прислал сообщение. Оно зашифрованное, но я знаю: ты мне расскажешь, что в нем. Готова?

Я поставила первый противень в духовку и начала загружать второй.

— Давай!

— Он сказал: «Кое-что узнал. Не волнуйся. Это наемный убийца». — Джесси помахала пустой ложкой. — Теперь объясни мне.

Вероятно, мне следовало уважать стремление Адама уберечь свою дочь, но ведь это он ее послал ко мне.

— Вечером я убила человека. Твой отец узнал, кто он.

— Правда? И он был наемным убийцей? Круто! — Она бросила ложку в раковину рядом

с первой, потом взобралась на стул у моего бара и начала задавать множество вопросов, тут же на них отвечая. — Поэтому ты ему звонила раньше? Он выглядел усталым. Как получилось, что ты позвонила папе? Нет, погоди. Тот, кого ты убила, был вервольфом, верно? Поэтому папа так быстро отправился. А кто этот волк, которого он привел с собой? — Она остановилась. — Ты убила вервольфа? У тебя есть пистолет?

«Несколько. Но в гараж я их с собой не беру». Поскольку она смолкла, я ответила на два ее последних вопроса:

— Да и нет.

— Ужасно. — Джесси улыбнулась. — Эй, как это вышло?

— Не нарочно, — проговорила я покорно: с таким же успехом я могла пытаться сдержат голыми руками приливную волну, результат был такой же.

— Конечно, нет. Если бы ты не остерв... — Я подняла бровь, и она тут же поправилась, не прерывая стремительного потока слов: — Не рассердилась. А нож у тебя есть? Или ты убила его гаечным ключом?

— Зубами.

— Ух ты! — Джесси скривилась. — Отвратительно. А, понимаю. Значит, ты прикончила его, когда была койотом?

Большинство людей знают только о меньших других, и многие считают, что другие — это надувательство, обман правительства или со стороны правительства, выбирайте на вкус. Но Джесси, хотя она и человек, будучи дочерью вервольфа, прекрасно знала о существовании тех, кого она называла «дикими тварями». Отчасти это моя вина. При первой нашей встрече, когда Альфа только поселился рядом со мной, она меня спросила, вервольф ли я, как ее папа. Я рассказала ей, кто я, и она приставала ко мне, пока я не показала ей, как это выглядит, когда я принимаю другую форму. Мне кажется, ей тогда было девять лет и она уже была мощным паровым катком.

— Да. Я просто пыталась его отвлечь, чтобы он погнался за мной и оставил Мака... этого полосатого вервольфа. — Я повторила ее жест, чиркнув пальцем под носом. — Он хороший. — Потом, чувствуя, что нужно отдать должное Адаму, добавила: — Но он недавно укушенный и еще не умеет владеть собой. Так что слушайся отца во всем, что касается Мака, ладно? Если Мак тебя укусит или причинит боль, он будет ужасно себя чувствовать, а у него и так было достаточно трудных дней. — Я поколебалось. Это не мое дело, но Джесси мне нравится. — В стае твое отца есть несколько волков, от которых тебе стоит держаться подальше.

Она кивнула, но с довольным видом сказала:

— Они меня не тронут, с моим отцом. Ты имеешь в виду Бена, верно? Папа велел мне не попадаться ему на пути. Я вчера с ним встретилась: он остановился возле меня. — Она наморщила нос. — Он снарк — со своим холодным британским акцентом. ^[8]

Я не знала, кто такой снарк, но была уверена, что Бену это слово подходит.

Печенье поспело, мы его попробовали, и я дала ей с собой тарелку, укутанную фольгой. Вышла с ней на порог и увидела у дома Адама множество машин, словно на распродаже автомобилей. Должно быть, он созвал стаю.

— Провожу тебя до дома. — Я стала надевать туфли, которые держу на пороге на случай грязи.

Она закатила глаза, но подождала меня.

— Правда, Мерси, а что ты сделаешь, если кто-нибудь из стаи к нам пристанет?

— Я умею очень громко кричать. Конечно, если не решу использовать свою новую технику убийства.

— Отлично. Но я предпочитаю крик. Не думаю, что папа обрадуется, если ты начнешь убивать его волков.

Вероятно, никто из них к ней и не притронется, как она и считает. Я была почти уверена, что она права. Но одна из машин, которые мне видны, красный грузовичок Бена. А я не стала бы оставлять с Беном наедине пятнадцатилетнюю девочку, чьей бы дочерью она ни была.

Нас никто не потревожил, когда мы шли по моему заднему двору.

— Отличная машина, — заявила Джесси, проходя мимо моего «кролика». — Папа ценит то, что тыставляешь ее здесь напоказ. Ты правильно поступаешь. Я ему сказала, что в следующий раз, когда ты на него рассердишься, распишешь машину граффити.

— Твой папа умный человек, — ответила я. — Граффити я приберегу на потом. Я решила, что когда появится повод, сниму три шины.

Я протянула руку и сделала вид, что веду машину на одном колесе.

Джесси захихикала.

— Это выведет его из себя. Посмотрела бы ты на него, когда картины на стене не висят прямо.

Мы дошли до изгороди, и Джесси пробралась через старую проволочную ограду.

— Если все же решишь раскрасить — можно, я помогу?

— Конечно, — пообещала я. — Подожду, пока ты не войдешь.

Она снова закатила глаза, но улыбнулась и побежала к заднему крыльцу. Я помедлила, пока она не помахала мне с крыльца и не исчезла в доме.

Вынося мусор, перед тем как лечь спать, я заметила, что у дома Адама по-прежнему много машин. Значит, встреча затянулась. Я почувствовала удовлетворение от того, что я не вервольф.

Повернулась, чтобы возвратиться, и остановилась. Я была глупа: какие бы острые чувства у тебя ни были, это не поможет, если не будешь внимательна.

— Привет, Бен, — сказала я мужчине, стоявшему между мной и домом.

— Рассказываешь всякие басни, Мерседес Томпсон, — ответил Бен приятным голосом. Как и сказала Джесси, у него изящный английский акцент. И выглядит он привлекательно, правда, чуть женственно, на мой вкус.

— М-м-м-м? — спросила я.

Он подбросил ключи от машины вверх и поймал одной рукой — раз и другой. Сделал так трижды, не отводя от меня взгляда. Если я закричу, Адам услышит, но, как я уже говорила, я ему не принадлежу. Конечно, у него есть чувство собственника, большое спасибо. Я серьезно не опасалась, что Бен настолько глуп и что-то мне сделает — особенно когда Адам рядом.

— Постой здесь немного, Бен. — Вервольф карикатурно изобразил акцент Адама, который детство провел в глубинке на юге. — Подожди, пока моя дочь не поднимется в свою комнату... Не хочет, чтобы она с мной встретилась. — Последняя фраза была произнесена опять с четким английским акцентом. Не совсем как принц Чарльз, ближе к Феджину из «Оливера».^[9]

— Не знаю, какое это имеет отношение ко мне. — Я пожала плечами. — Но это тебя изгнали из лондонской стаи. Если бы Адам не принял тебя, у тебя были бы большие

неприятности.

— Это не я, которым это сделано, — ответил он с нарушением правил грамматики. Я с усилием удержалась от того, чтобы поправить. — А что до того, какое ты имеешь отношение, Адам сказал мне, что ты его предупредила, чтобы он держал Джесси подальше от меня.

Не помню, чтобы я это делала, хотя и могла бы. Бен появился в нашем городе несколько месяцев назад в сопровождении целого хвоста сплетен. В Лондоне, в его районе, произошли три особенно жестоких изнасилования, и полиция подозревала его. Виновен он или нет, но его Альфа решил, что ему лучше уйти от внимания общественности, и переправил его к Адаму.

У полиции ничего против него не было, но после того как он эмигрировал, изнасилования прекратились. Я проверяла: Интернет — поразительная штука. Помню, я посоветовала Адаму следить за Беном, когда этот англичанин крутится по соседству с уязвимыми женщинами. Я думала о Джесси, но, кажется, ее имени не называла.

— Ты не уважаешь женщин, — бросила я ему. — Ты груб и жесток. А что, по-твоему, ему следовало делать?

— Иди домой, Бен, — послышался из-за моего правого плеча густой мягкий голос.

«Черт побери, мне нужно больше спать: я кому угодно позволяю подкрасться ко мне».

— Даррил, — выдохнула я, оглядываясь на второго по положению в стае Адама.

Даррил — рослый мужчина, гораздо выше шести футов. Джесси рассказала мне, что его мать была китаянка, а отец из африканского племени; он учился на инженера в американском университете, когда они встретились. В лице Даррила отражалась смесь этих двух культур. Выглядел он, как фотомодель или киноактер, но на самом деле обладал дипломом доктора философии и работал в Северо-западных тихоокеанских лабораториях в каком-то совершенно секретном правительственном проекте.

Я не очень хорошо его знала, но у него чрезвычайно респектабельная внешность, какая бывает у профессоров колледжа. Я предпочитала иметь за спиной его, а не Бена, но оказаться между двумя вервольфами, кем бы они ни были, совсем не хотела. И отошла в сторону, чтобы видеть одновременно обоих.

— Мерси. — Даррил кивнул мне, но продолжал смотреть на Бена. — Адам заметил, что тебя нет, и послал меня поискать. — Когда Бен ничего не ответил, Даррил добавил: — Смотри, не ошибись. Сейчас не время.

Бен задумчиво поджал губы, потом улыбнулся, и лицо его удивительно изменилось. Лишь на мгновение, но он выглядел по-мальчишески очаровательным.

— Никаких неприятностей. Просто поздоровался с привлекательной девушкой. Спокойной ночи, милая Мерседес. Хочу, чтобы я тебе приснился.

Я открыла рот, собираясь резко ответить, но Даррил перехватил мой взгляд и сделал отрицательный жест рукой. Если бы нашелся действительно злой ответ, я бы его все равно озвучила, но не нашелся, и я промолчала.

Даррил дождался, когда Бен направился восвояси, потом очень серьезно сказал:

— Спокойной ночи, Мерси. Запрись на ночь. И пошел к дому Адама.

После убийства вервольфа и встречи с Беном у меня должны были быть кошмары, но ничего подобного — я спала крепко и без сновидений; во всяком случае я ничего не помнила.

Я сплю с включенным радио, иначе при моем слухе я всю ночь лишь дремала бы. Я

пробовала ушные затычки, но они для моего спокойствия слишком хорошо блокируют звук. Поэтому я предпочла негромкую музыку, чтобы заглушить нормальные ночные шумы, но не пропустить чего-нибудь серьезного.

Что-то разбудило меня утром, за час до будильника, но хотя я выключила музыку и прислушалась, разобрала только, как отъезжает «Шевроле 350» с негромко работающим мотором.

Я снова легла, собираясь уснуть, но Медея сообразила, что я поднялась, и принялась проситься, чтобы я ее выпустила. Она мяукала не очень громко, но очень настойчиво. Я решила, что после записки Адама прошло достаточно времени, и, если я выпущу Медею побегать, он не решит, что я делаю это нарочно. К тому же это даст мне немного тишины, и я смогу снова уснуть.

Я неохотно выбралась из теплой постели и натянула джинсы и футболку. Счастливая тем, что заставила меня встать, Медея терлась о мои ноги и вообще все время путалась под ногами, когда я в полусне вышла из спальни и через гостиную направилась к выходу. Зевнув, я повернула дверную ручку, но когда попыталась открыть дверь, та не подалась. Что-то удерживало ее снаружи.

С раздраженным вздохом я нажала плечом, дверь неохотно приоткрылась на дюйм или два, и я уловила запах того, что лежало за ней, — запах смерти.

Мгновенно проснувшись, я захлопнула дверь и заперла ее. Я учуяла кое-что еще, но не хотела признаваться в этом. Бегом вернулась в спальню, сунула ноги в туфли и открыла свой оружейный сейф. Схватила свой 9-миллиметровый СИГ (пистолет фирмы «Сигармз») вставила в него обойму с серебряными пулями и сунула пистолет за пояс пижамных брюк. Пистолет был холодным, неудобным и успокаивающим. Но успокаивал недостаточно.

Я никогда не стреляла ни по чему живому, только по мишеням. Если я охочусь, то делаю это на четырех лапах. Мой приемный отец, который сам был вервольфом, настоял на том, чтобы я научилась стрелять и делать серебряные пули.

Если это дело вервольфа — а после предыдущей ночи приходилось это признавать, — мне понадобится что-нибудь помощнее. Я взяла «Марлин-444» и зарядила его против вервольфа. Это ружье с коротким стволом; оно кажется небольшим, если не смотреть на диаметр ствола. Серебряные пули размером с тюбик помады гарантируют, как говорил мой приемный отец, что на них обратит внимание любой вервольф. После чего он приставлял палец к носу, улыбался и добавлял: «Или упадет и обратит внимание, если ты понимаешь, что я имею в виду». «Марлин» был его любимцем.

Ружье внушало уверенность, поэтому я неслышно раскрыла заднюю дверь и вышла в предрассветную ночь. Воздух неподвижный и холодный; я глубоко вдохнула и ощутила запах смерти, неопровержимый и бесповоротный.

Завернув за угол трейлера, я сразу увидела тело на своем пороге, то самое, что помешало мне открыть дверь. Человек лежал лицом вниз, но нос уже сообщил мне, кто он, — точно так же, как когда я открыла дверь в первый раз. Кто бы его ни бросил здесь, он действовал очень тихо и разбудил меня, только когда отъезжал. Больше никого здесь не было, только Мак и я.

Я поднялась на четыре ступеньки крыльца и склонилась к мальчишке. Дыхание паром вырывалось в воздух, но над его лицом никакого пара не было, не было и сердцебиения.

Я перевернула его на спину: тело еще теплое. Там, где он лежал, на пороге растаял иней. От него пахло домом Адама: ароматной смесью древесного дыма и очистителя

воздуха, который предпочитает экономка Адама. Я не учуяла ничего, что сказало бы мне, кто убил Мака и оставил его как предупреждение.

Я села на заиндеветый порог, положила рядом ружье и осторожно коснулась волос Мака. Я недостаточно долго его знала, чтобы привязаться по-настоящему, но он мне нравился.

Услышав шорох шин, я снова вскочила с ружьем в руке и увидела, как от дома Адама отъезжает спортивная машина — причем так поспешно, словно бежит от адских огней. Мне трудно было понять, какого она цвета: черного, темно-синего или даже зеленого. Это мог быть тот же автомобиль, на котором бандиты прошлым вечером подъехали к мастерской — новые машины все кажутся мне одинаковыми.

Не знаю, почему мне так долго не приходило в голову, что появление на моем пороге тела Мака означает, что в доме Адама что-то неладно. Я оставила мертвого в надежде оказаться полезной живым и по-спринтерски побежала через свой задний двор, неся с собой ружье.

Дом Адама был освещен, как новогодняя елка. Обычно в нем темно, если нет гостей. Вервольфы, как и ходячие, хорошо видят в темноте.

Подойдя к изгороди, разделяющей наши участки, я подальше отвела ружье в сторону, взялась одной рукой за столб и перескочила. «Марлин» был у меня на предохранителе, но приземлившись, я тут же вернула курок в боевое положение.

Я вошла бы через заднюю дверь, если бы у передней не послышался громкий шум. Я поменяла цель, обогнула дом и успела увидеть, как диван, очевидно, выброшенный из окна гостиной и перелетевший через перила крыльца, приземлился на цветочной клумбе.

Не считая парня, которого я убила накануне, всех вервольфов учат сохранять тишину, когда они дерутся, — от этого зависит их выживание. Через раскрытое окно и дверной проем, с повисшей на петле входной дверью, я слышала из дома рычание.

Я шепотом выругалась — подобное выражение я использую только по отношению к ржавым болтам и запасным частям, которые не соответствуют рекламе. Но это помогает мне сохранять храбрость.

«Боже милосердный, — искренне взмолилась я, взбегая по ступенькам крыльца, — не дай ничему плохому случиться с Адамом и Джесси».

Войдя, я колебалась — с сердцем в горле и «марлином» в руке. Я тяжело дышала не только от бега, но и от нервного напряжения, и этот шум мешал мне слушать.

Больше всего беспорядка было в гостиной с высокими потолками, сразу за входом. Белый берберский ковер никогда не будет прежним. Одно из обеденных кресел лежало у стены грудой щепок, но пострадала и стена: пол усеивала отбитая штукатурка.

Почти все осколки разбитого окна оказались на пороге; стекло — на ковре от зеркала, которое сорвали со стены и разбили о чью-то голову.

Вервольф по-прежнему находился здесь. Это была женщина, и большой кусок зеркала торчал из ее спины. Она была мне незнакома: к стае Адама не принадлежит, потому что в стае только три самки, и я всех их знаю. Женщина почти при смерти и какое-то время не будет представлять проблему, так что я не стала ею заниматься.

Второго вервольфа я нашла под кушеткой для обмороков (Мне нравилось дразнить Адама: «Сколько женщин ты здесь в своей гостиной доводил до обморока, Адам?»). Теперь ему придется покупать новую. Сиденье сломано, и обломки дерева торчат сквозь разодранную плюшевую обивку. Вервольф лежал на полу лицом вниз. Ему свернули голову,

и затуманенные смертью глаза обвиняющее смотрели на меня.

Я переступила через пару согнутых и разорванных наручников. Не сталь или алюминий, а какой-то сплав серебра. Специально сделаны, чтобы удерживать вервольфа, или куплены в дорогом сексшопе. Должно быть, их применили к Адаму: сам он никогда не впустил бы в дом волка, которого считал бы нужным сдерживать, когда в доме Джесси.

Звуки борьбы доносились из-за угла гостиной, откуда-то из глубины дома. Я пробежала вдоль стены — стекло хрустело под ногами — и остановилась перед входом в столовую, когда затрещало дерево и пол задрожал.

Я осторожно выглянула, но беспокоиться было не о чем. Дерущиеся верволфы были слишком заняты друг другом, чтобы обращать на меня внимание.

Столовая у Адама большая, она переходит в маленький дворик с кустами роз. Пол паркетный — настоящий дуб. Бывшая жена Адама купила стол под паркет; за него можно было усадить пятнадцать человек. Теперь стол был перевернут и вбит в стену примерно в четырех футах от пола. Передняя часть шкафа для фарфора разбита, словно в нее бросили что-то тяжелое и большое. В результате всех этих разрушений образовалось большое свободное пространство, где верволфы могли драться. Увидев их, я в первое мгновение могла только затаить дыхание от скорости и грациозности их движений. Несмотря на свой размер, верволфы очень похожи на своих лесных братьев — больше мастифа или сенбернара, которые ближе к ним по весу. Верволфы бегают с неслышной смертоносной грацией. Но они не созданы для бега, они созданы для схваток, и когда они сражаются, то делают это смертельно красиво.

Я видела Адама в волчьей форме всего четыре-пять раз, но такое никогда не забудешь. Шерсть у него темно-серебристая, почти синяя, с более светлым подшерстком, как у сиамских кошек, на морде, ушах, хвосте и лапах шерсть темнее, становится почти черной.

Волк, с которым он дрался, был крупнее, коричнево-серебристой масти, более распространенной у койотов. Я его не знала.

Вначале разница в размере меня не тревожила. Альфой не станешь, если не умеешь драться — а Адам был бойцом и до того, как его подвергли перемене. Но тут я поняла, что вся кровь, которой залит пол, — из живота Адама, а нечто белое у него в боку — сломанное ребро.

Я отодвинулась, чтобы лучше прицелиться, и подняла ружье. Направила ствол на незнакомого вервольфа, дожидаясь, когда можно будет выстрелить, не попав в Адама.

Вервольф с коричневой шерстью схватил Адама за шею и стал трясти, как собака, убивающая змею. Он хотел свернуть ему шею, но хватка оказалась недостаточно сильной: Адам отлетел к обеденному столу и упал, предоставляя мне возможность, которую я предвкушала.

Я пальнула вервольфу в затылок с расстояния меньше шести футов. Как учил меня приемный отец, ствол был слегка опущен, чтобы пуля не вылетела наружу и не попала в кого-нибудь, случайно оказавшегося в неудачном месте на расстоянии в четверть мили.

«Марлин-444» не создан для защиты дома; его придумали для охоты на гризли и иногда используют даже против слонов. Но для вервольфов — как доктор прописал. Один точный выстрел, и пациент мертв. Я подошла к нему и выстрелила еще раз, просто для уверенности.

Обычно я не склонна к насилию, но как приятно было нажать на курок. Это чуть смягчило то страшное чувство гнева, который я испытала, обнаружив на своем пороге тело Мака.

Я взглянула на Адама, лежавшего под обеденном столом: он не шевелился, даже не открыл глаза. Элегантная морда вся в крови. Серебристая шерсть потемнела от крови и так спуталась, что трудно было понять, насколько серьезны раны. Но то, что я видела, было достаточно неприятно.

Кто-то основательно над ним поработал: там, где плоть отошла от ребер, я видела бледные внутренности и белые кости.

«Может, он еще жив», — сказала я себе. В ушах все еще звенело. Я тяжело дышала, сердце билось слишком часто и громко, достаточно, чтобы заглушить звук его сердца и дыхания. Мне не приходилось видеть, чтобы вервольф оправлялся от таких ран. Повреждений было больше, чем у двух незнакомых вервольфов и у того, которого я убила вчера вечером.

Я снова поставила ружье на предохранитель и пробралась через обломки, чтобы дотронуться до носа Адама. Но по-прежнему не могла понять, дышит ли он.

Мне нужна была помощь.

Я побежала на кухню, где у Адама, согласно его привычкам, находился аккуратный список имен и телефонных номеров — под баром у настенного телефона. Палец сам отыскал рабочий и домашний номера Даррила и номер его пейджера. Я прислонила ружье к спине, чтобы быстрее набирать.

— Вы позвонили домой доктору Даррилу Зао. Оставьте сообщение после гудка или отправьте на пейджер 543... — несмотря на безличную мембрану, низкий бас Даррила звучал очень интимно.

Я позвонила на работу, но его не было и там. Начала набирать номер пейджеров, но при этом думала о том, что произошло накануне вечером.

«Сейчас не время», — сказал он Бену. Тогда я об этом не задумалась, но не было ли особого смысла в его словах? Может, он имел в виду совсем не то, что я: негативную оценку поведения Бена после изгнания из Лондона? Или тут что-то иное: не сейчас, когда у нас есть более важные дела? Вроде смены Альфы.

В Европе убийство — все еще норма при смене главы стаи. Старый Альфа правит до тех пор, пока более молодые волки-доминанты не решат, что он стал слишком слаб, и не нападут на него. Я знала по меньшей мере одного европейского Альфу, который убивал всех, кто проявлял признаки доминанта.

В Новом Свете, благодаря железной руке Маррока, правила более цивилизованные. Лидерство обычно навязывается сверху — и никто не оспаривает решения Маррока, по крайней мере я о таком не слышала. Но мог ли кто-нибудь проникнуть в дом Адама и нанести такой ущерб без помощи членов стаи?

Я повесила трубу и просмотрела перечень имен: никому из них я не решусь звонить, пока не разберусь в том, что происходит. Взгляд мой упал на фотографию в деревянной рамке возле списка номеров.

Джесси на несколько лет младше смотрела на меня с бейсбольной битой через плечо и в бейсболке, чуть сдвинутой набок. *Джесси.*

Я схватила ружье и побежала по лестнице к ее комнате. Ее там не было. Я не могла решить, была ли здесь борьба: Джесси жила неорганизованно, и это отражалось на убранстве ее комнаты.

В форме койота у меня острее чувства. Поэтому я сунула пистолет и ружье под кровать, разделась и переоделась. Все в комнате пропахло Джесси, но я уловила и запах человека,

который прошлым вечером разговаривал с Маком возле моего гаража. Я спустилась по лестнице, потому что в комнате запах Джесси мешал мне взять след.

И уже почти добралась до выхода из дома, когда какой-то звук заставил меня остановиться. Я решила на время оставить след. Вначале я решила, что просто оседает разбитая мебель, но потом заметила, как шевельнулась передняя лапа Адама.

Увидев это, я поняла, что уже какое-то время слышу еле различимые звуки его дыхания. Может, дело в более остром слухе койота, но я готова была поклясться, что раньше он не дышал. Если мне не показалось, очень велика вероятность, что выживет. Вервольфы очень живучи.

Я счастливо взвыла, проползла через обломки стола и облизала его окровавленное лицо, прежде чем возобновить поиски его дочери.

Дом Адама — в конце дорожного тупика. Прямо перед ним разворот. Спортивная машина, которую я видела — вероятно, с Джесси внутри, — оставила короткий след горячей резины, но у большинства авто индивидуальный запах появляется, только когда они постареют. Эта не оставила мне ничего, кроме запаха горелых шин.

Другого следа не было, и я ничего не могла сделать ни для Джесси, ни для Мака. Я вернулась к Адаму.

То, что он жив, означает, что я не могу обратиться к стае, когда он в беспомощном состоянии. Если кто-нибудь из доминантов мечтает стать Альфой, Адама убьют. Не могла я и привезти его в свой дом. Как только будет обнаружено его исчезновение, прежде всего его станут искать у меня. Кроме того, тяжело раненный вервольф опасен и для самого себя, и для всех окружающих. Даже если бы я доверяла его вервольфам, в стае бассейна Колумбии нет такого сильного доминанта, который мог бы держать волка Адама под контролем, пока он не окрепнет настолько, что будет способен сам его контролировать.

Но где найти такого вервольфа, я знала.

Фургон-вэнегон больше всего напоминает туинки^[10] на колесах: печенье в пятнадцать футов длиной и шесть шириной, с аэродинамическими свойствами амбарной двери. За те двенадцать лет, что «фольксваген» импортирует эти фургоны в США, фирма никогда не ставила на них мотор мощнее четырехцилиндрового. Мой собственный четырехтысячечунтовый двигатель фирмы «Синкро» позволяет мне подгонять девяносто лошадей.

На языке непрофессионалов это означает, что я ехала по федеральной автостраде с трупом и полумертвым вервольфом на скорости шестьдесят миль в час. На спусках, да с хорошим ветром в хвост, фургон мог давать и семьдесят пять. А вот на подъемах мне везло, если я шла на пятидесяти. Я могла бы двигаться и быстрее, но с риском вывести из строя мотор. Почему-то мысль о том, что я застряну на обо-, чине со своим нынешним грузом, заставляла меня убирать ногу с газа. Шоссе впереди простиралось некрутыми спусками и подъемами и отличалось, полным отсутствием живописных видов, если, конечно, вам нравится пустынный скрэб. Мне не хотелось думать о мертвом Маке, о Джесси, испуганной и одинокой, — и об Адаме, который, возможно, умрет, потому что я решила увезти его, а не обращаться к стае. Поэтому я взяла свой сотовый.

Сначала я позвонила соседям. Денис Картер — слесарь-водопроводчик на пенсии, его жена Энн — медсестра, тоже на пенсии. Они поселились рядом года два назад и приняли меня в семью, когда я починила их трактор.

— Да. — Голос Энн после всего, что я испытала сегодня утром, звучал так нормально, что я несколько мгновений не знала что сказать.

— Простите, что звоню так рано. Но меня вызвали по срочному семейному делу. Я ненадолго — всего на день-два, но, пожалуйста, проследите, чтобы у Медеи была еда и вода.

— Не волнуйся, дорогая, — ответила Энн. — Мы за ней присмотрим. Надеюсь, ничего серьезного.

Не сдержавшись, я посмотрела в зеркало заднего обзора на Адама. Он все еще дышал.

— Серьезно. Заболел один из членов семьи отца.

— Поступай, как считаешь нужным, — решительно произнесла Энн. — Мы здесь позаботимся обо всем.

Только закончив разговор, я подумала, а не втянула ли я их во что-нибудь опасное. Мака не зря оставили на моем пороге — это предупреждение, чтобы я не совала нос в чужие дела. А я сую в них не только нос, но и всю голову.

Для Адама я делаю все, что могу. Но кое-что можно предпринять и для Джесси. Я позвонила Зи.

Зибольд Адельбертсмайтер, сокращенно Зи, научил меня всему, что я знаю о машинах. Большинство других очень чувствительны к холодному железу, но Зи Metallzauber^[11] — так называют малых других, которые умеют обращаться с металлом. Сам Зи предпочитает современный американский термин «гремлин»; он считает, что он более соответствует его талантам. Однако я звонила ему не из-за его талантов, а из-за связей.

— Ja, — послышался грубоватый мужской голос.

— Привет, Зи, это Мерси. Хочу попросить тебя об одолжении.

— Ja, конечно, Liebling, — ответил он. — Что случилось?

Я колебалась. Даже в нынешние времена правило не выносить сор из стаи строго соблюдается, но Зи знает все о том, что происходит с другими.

Как можно короче я рассказала ему о прошлом дне.

— Так ты считаешь, что этот малыш-вервольф принес к тебе свои неприятности? Зачем тогда они забрали нашу kleine Джесси?

— Не знаю. Надеюсь, когда Адам поправится, он узнает больше. В Тройном городе появились по меньшей мере четыре новых вервольфа. Как ты думаешь, кто-нибудь из других мог их заметить?

Тройной город расположен вблизи резервации Уолла-Уолла, поэтому в нем больше, чем обычно, других.

— Ja, — тяжело согласился Зи. — Ты права. Я поспрашиваю. Джесси хорошая девочка. Она пробудет в руках этих злых людей не больше, чем мы допустим.

— Если будешь проходить мимо гаража, пожалуйста, помести за окном объявление, — попросила я. — В конторе под прилавком есть готовое «Закрыто на праздники».

— Думаешь, они придут за мной, если я открою вместо тебя? — спросил он. (Зи часто работал в гараже, если я уезжала из города.) — Может, ты и права. Ja, gut. Открою гараж сегодня и завтра.

Уже очень дано не слышно песен о Зибольде Адельбер-тсмайтере из Черного Леса, они забылись, но в Зи все еще есть что-то от Heldenlieder,^[12] старинных немецких песен о героях.

— Вервольфу не нужен меч или пистолет, чтобы разорвать тебя на куски, — сказала я, хотя знала, что бесполезно спорить со старым гремлином, если он принял решение. — Твое металлическое колдовство против них не подействует.

Он фыркнул.

— Не тревожься обо мне, Liebling. Я убивал вервольфов, когда эта страна еще была колонией викингов.

Многие меньшие другие хвастаются своим долгожительством, но Зи мне говорил, что у многих из них продолжительность жизни сопоставима с человеческой. А вот сам Зи был действительно очень стар.

Я вздохнула и сдалась.

— Хорошо. Но будь осторожен. Если будешь в гараже, имей в виду, мне должны доставить запчасти. Проверь их, пожалуйста. Я раньше в этом месте не заказывала, но мой обычный поставщик больше не работает.

— Ja wohl. Предоставь это мне.

Затем я позвонила на автоответчик Стефана.

— Привет, Стефан. Это Мерси. Сегодня я уехала в Монтану. Не знаю, когда вернусь. Вероятно, в конце недели. Я тебе позвоню. — Я поколебалась, но у меня не было возможности приукрасить следующую часть. — Мне пришлось перевозить в твоём автобусе мертвеца. Но все в порядке: Елизавета Аркадьевна его очистила. Объясню, когда вернусь.

Упоминание о Елизавете напомнило мне еще об одном деле. Дом Адама находится в конце дороги, но он хорошо виден с реки. Кто-нибудь может заметить, что диван лежит посреди клумбы, и позвонить в полицию, если не прибраться достаточно быстро.

У меня был в телефоне ее номер, хотя я никогда раньше по нему не звонила. Я оставила ей сообщение на автоответчике: в дома Адама беспорядок, у меня на пороге лежал мертвец, Джесси исчезла, а я везу раненого Адама в безопасное место, — потом закрыла телефон и убрала его. Не знаю, что произошло в доме Адама, но это не мешало мне чувствовать себя

виноватой и ответственной за неприятности. Если бы я не вмешалась, когда два бандита вечером пришли за Маком, были бы сегодня все живы? Если бы я отправила Мака в Монтану, к Марроку, вместо того чтобы посылать его к Адаму, что изменилось бы?

Мне не приходило в голову отрядить Мака к Марроку. Я не связывалась с Браном с тех пор, как он выслал меня из стаи, и он отвечал мне тем же. Я бросила быстрый взгляд назад, на синий брезент, под которым лежало тело. Что ж, теперь я сама везу Брану Мака.

Я вспомнила, как застенчиво улыбнулся Мак, когда я назвала ему свое имя. Вытерла щеки и глаза, но бесполезно. Я плакала о нем, о его родителях и брате, который даже не знает, что он мертв. Несомненно, они все сидят у своих телефонов и ждут его звонка.

Я спускалась с холмов к Спокану, когда более насущные потребности притупили мое горе и чувство вины: Адам начал шевелиться. Страх, что он умрет, сменился более сильным страхом, что он слишком быстро выздоровеет.

Мне оставалось проехать еще около двухсот миль, в основном по двухполосному горному шоссе, которое извивается между двумя десятками маленьких городков и где нельзя двигаться быстрее двадцати пяти миль в час. Последние шестьдесят миль — по дороге, которая на карте дорог штата отнесена к разряду «другие». Как я помню, в основном это гравий. Я подумала, что ехать нужно еще не менее четырех часов.

Доминантные волки залечивают раны быстрее подчиняющихся волков. По моим примерным подсчетам, пройдет не менее двух суток, прежде чем Адам сможет контролировать своего волка — но наносить увечья сможет задолго до этого. Мне нужно добраться до Брана раньше, чем Адам сможет передвигаться, и если он уже начал шевелиться, мне очень повезет, если я сумею это сделать.

Добравшись до Кер-д'Алена, где мне предстояло с федерального шоссе перебраться на обычное, я отыскала первый попавшийся фастфуд и купила тридцать гамбургеров. Девочка-подросток, подававшая мне пакеты, удивленно смотрела на меня. Я ничего не стала объяснять, а моих пассажиров она не могла видеть: окна фургона были завешены.

Припарковавшись на стоянке ресторана, я взяла несколько пакетов, перешагнула через Мака и стала снимать булки с мяса. Адам был слишком слаб: он лишь ворчал и хватал мясо, вымазанное кетчупом и сыром, так быстро, как только я могла ему давать. Он съел почти двадцать гамбургеров, потом снова впал в коматозное состояние.

Когда я свернула на идущее на север шоссе, в воздухе появились первые снежинки.

Я въехала в Трою, штат Монтана, браня густой влажный снег, который отвлек меня и заставил пропустить поворот, который остался в нескольких милях позади. Я залила доверху бак, попросила рассказать о дороге, надела на колеса цепи и направилась назад, туда, откуда прибыла.

Снег шел так густо, что дорожные рабочие не успевали его убирать. Следы машин, прошедших передо мной, быстро исчезали.

Указания парня с заправки я хорошо запомнила. Снова переехав реку Яаак, я замедлила ход. По сравнению с рекой Кутеней, вдоль которой мне предстоит катить следующие два часа, эта совсем крошечная.

Я внимательно смотрела на дорогу — и правильно делала. Небольшой зеленый знак, указывавший на поворот, почти совсем залепило снегом.

Впереди был виден след только одной машины. Но он свернул на узкую тропу, и после этого я отыскивала дорогу, направляясь туда, где нет деревьев. К счастью, деревья по сторонам росли густо и достаточно хорошо обозначали путь.

Дорога вилась по узкой речной долине, то поднимаясь, то спускаясь, и я радовалась тому, что у меня привод на все колеса. Однажды прямо передо мной пробежала пара чернохвостых оленей. Они бросили на меня раздраженный взгляд и удалились.

Давно я здесь не бывала — тогда у меня даже прав не было. Дорога мне была не знакома, и я начала тревожиться, что пропущу нужный поворот. Но вот она раздвоилась: одна часть обозначена четко, другая, по которой мне и предстоит двигаться, едва видна мне из фургона.

— Что ж, — сказала я Адаму, который непрерывно подвывал, — если мы окажемся в Канаде и ты меня все еще не съешь, мы сможем повернуть и начать все сначала.

Я уже думала, что именно это и придется сделать, когда, завершив очередной подъем, увидела деревянный знак. Я остановила фургон.

На знаке были вырезаны и выкрашены белым на темно-коричневом фоне красивые буквы: «Осиновый Ручей, 23 мили». Поворачивая туда, куда показывала стрелка, я удивилась тому, что Бран разрешил поставить знак, ведущий к нему. Может, ему надоело посылать провожатых — когда я уезжала, он настаивал на том, что нужно оставаться незаметным.

Не знаю, почему я решила, что здесь все по-прежнему. Ведь сама я за эти годы стала совсем другой. Следовало ожидать, что и Осиновый Ручей изменится. Но мне это не нравилось.

Непосвященному простительно подумать, что в Осиновом Ручье только четыре здания: заправочная станция и одновременно почта, школа, церковь и мотель. Дома, расположенные в конце подъездного пути под деревьями, совершенно незаметны. У заправки стояли несколько машин, но в остальном город выглядел покинутым. Однако я знала, что это не так. Здесь всегда есть наблюдатели, но они меня не беспокоят, если я не сделаю ничего необычного — например, не привезу в своем фургоне мертвого вервольфа. Я остановилась под вывеской «Мотель Осиновый Ручей», очень напоминавшей знак, указывавший на город. Старый мотель был построен в середине прошлого столетия — это было длинное, узкое, без выкрутасов здание, рассчитанное на то, чтобы гости могли оставлять машину прямо у входа в свой номер.

В офисе никого не было, но дверь открыта. С последнего раза как я тут была, ее переделали, в результате она приобрела своеобразное сельское очарование — что гораздо лучше захудалого вида 50-х годов.

Я зашла за стойку и взяла ключ под номером «1». Это специальная безопасная комната Маррока, предназначенная для непокорных вервольфов.

Найдя листок бумаги и ручку, я написала: «Раненый в номере 1. Прошу не беспокоить». Оставила записку в таком месте, где ее не могли не увидеть, вернулась к фургону и подогнала его ко входу в номер.

Извлечь Адама из фургона — задача потрудней. По крайней мере когда я его втаскивала, он был без сознания. Я открыла усиленную металлическую дверь номера и осмотрелась. Мебель новая, но ее немного, только кровать и ночной столик, прочно прикрепленный к стене, — ничего такого, что помогло бы мне перетащить сюда вервольфа вдвое тяжелее меня, не причинив вреда ни ему, ни мне. Крыльца, как в доме Адама, нет — значит, между полом фургона и землей не менее четырех футов.

В конце концов я решила позвать на помощь, чтобы еще больше не поранить Адама. Вернулась в офис и взяла телефон. С незапамятных времен я не звонила Сэму, но некоторые вещи запоминаются навсегда. Хотя именно он был причиной моего отъезда, он первый, на

кого я могу положиться.

— Алло! — ответил совершенно незнакомый женский голос.

Я ничего не смогла сказать. Не понимала, насколько рассчитывала сразу услышать Сэма, пока вместо его голоса не раздался другой.

— Марли? Что-то случилось в мотеле? Хочешь, я пошлю Карла?

«Должно быть, у нее стоит определитель номеров», — тупо подумала я.

В голосе звучала тревога, но я его наконец узнала и почувствовала большое облегчение. Не знаю, почему по номеру Сэма отвечает Лиза Стовал, но неожиданное напряжение в голосе послужило мне подсказкой. Лиза Стовал никогда не говорила со мной оживленно.

Кое-что не меняется, но кое-то я просто забыла. В Осиновом Ручье живет около пятисот человек, но только семьдесят из них вервольфы, хотя люди в моем представлении никогда не были большинством. Лиза и ее муж Карл — люди. Марли тоже — по крайней мере была, когда я уезжала. Тогда ей было лет шесть.

— Не знаю, где Марли, — проговорила я. — Это Мерседес, Мерседес Томпсон. В офисе мотеля никого нет. Была бы очень признательна, если бы ты прислала сюда Карла или посоветовала мне, кого еще можно позвать. В моем фургоне Альфа из стаи бассейна Колумбии. Он тяжело ранен, и мне нужна помощь, чтобы поместить его в номер мотеля. Еще лучше, если ты сообщишь мне, как связаться с Браном.

У Брана нет дома телефона — вернее, не было до моего отъезда. Насколько мне известно, теперь у него есть сотовый.

Лиза, как большинство женщин Осинового Ручья, никогда меня не любила. Но она была из тех людей, которым подобные мелочи не мешают поступать правильно.

— Бран и остальные повели новых волков на первую охоту. Марли, наверно, где-нибудь заперлась и плачет. Ее брат Ли был одним из тех, кто пытался измениться. Но у него не получилось.

Я забыла. Как я могла забыть? Последнее полнолуние октября — время, когда всем, кто хочет стать вервольфом, разрешается сделать попытку. Во время формальной церемонии на них нападет Бран или какой-нибудь другой волк, который их любит и надеется, что они выдержат Перемену. Но большинство не выдерживает. Я вспомнила, какое напряжение охватывает город в октябре, и в какую печаль он погружается в ноябре. Для жителей Осинового Ручья Благодарение имеет совсем другой смысл, чем для остальных американцев.

— Мне жаль, — неловко сказала я, чувствуя себя совершенно не способной иметь дело еще с одним мертвым парнем. К тому же я помнила Ли. Он был хорошим мальчиком.

— Я пошлю Карла. — Голос Лизы звучал резко, лишая меня права сочувствовать или сожалеть. Она повесила трубку не попрощавшись.

Сидя в фургоне в ожидании помощи, я старалась ни о чем не думать и не смотреть на брезент, укрывавший тело Мака. Я скормила Адаму оставшиеся гамбургеры. Они были холодными и жесткими, но это как будто не беспокоило волка. Покончив с едой, он закрыл глаза, не обращая на меня внимания.

Наконец рядом остановился побитый джип, и из него вышел Карл. Этот рослый мужчина всегда был скорее человеком действий, чем слов. Он обнял меня и похлопал по спине.

— Не будь такой незнакомой, Мерси. — Он рассмеялся и потрепал меня по волосам.

Я забыла, как он любил это делать, забыла, как дружелюбно он обращался со всеми, даже с Браном.

— Лиза сказала, что у тебя здесь Адам и он в плохой форме.

Конечно, он знал, кто такой Альфа стаи бассейна Колумбии. Стая Адама — ближе всех к Осиновому Ручью.

Я кивнула и открыла заднюю дверь фургона, чтобы он увидел, с чем мы имеем дело. Адам выглядел лучше, чем когда я его туда втаскивала, но ненамного. Ребра больше не были видны, но вся шкура окровавлена и усеяна ранами.

Карл свистнул сквозь зубы, но произнес только:

— Надо связать ему челюсти, пока не внесем. У меня кое-что есть в джипе.

Он принес бинт, и мы замотали им морду Адама. Волк один раз открыл глаза, но сопротивляться не стал.

Потребовалось много кряхтения, несколько крепких словечек и немного пота, но вдвоем мы смогли извлечь Адама из фургона и поместить в номер. Как только мы уложили его на кровать, я попросила Карла отойти, прежде чем размотать бинт и освободить волка. Я действовала быстро, но Адам успел цапнуть меня за мизинец и пустить кровь. Я отскочила, а он перевалился на бок и попытался встать — с намерением защищаться от боли, которую мы ему причинили.

— Вон. — Карл открыл передо мной дверь.

Я послушалась, и мы захлопнули за собой дверь. Карл придерживал ее, пока я поворачивала ключ в замке. Большинство комнат мотеля можно было закрыть и изнутри, и снаружи — именно из-за таких ситуаций. Окна забраны решетками, вентиляционные отверстия запечатаны. Первый номер служил тюрьмой и больничной палатой — иногда и тем и другим одновременно.

Адам — в безопасности, пока. Как только он станет сильнее, положение может осложниться — если я не найду Брана.

— Не знаешь ли, куда Бран отвел новых волков? — спросила я, закрывая дверь фургона. Карл не спрашивал меня о Маке — у него нет волчьего носа, который подсказал бы ему, что под брезентом, — и я подумала, что Мак может еще немного поездить со мной. Бран решит, что делать с его телом.

— Не стоит идти за ним, Мерси, — проговорил Карл. — Слишком опасно. Лучше пойдем ко мне. Мы накормим тебя, пока будем ждать.

— Сколько волков осталось в городе? — осведомилась я. Есть ли среди них такой, кто мог бы устоять перед волком Адама?

В этом недостаток положения доминанта. Если тебя призывает луна, ты берешь с собой всех, кто менее доминантен.

Карл колебался.

— Адам еще очень слаб. А к темноте Бран вернется. Что-то ударило в дверь, и мы оба вздрогнули.

— Он отвел их в каньон Любовников. — Карл сдался перед очевидным. — Будь осторожна.

— Бран удержит новых волков, — ответила я. — Со мной все будет в порядке. — Меня не они тревожат. У тебя есть и другие враги, девочка.

Я натянуто улыбнулась.

— Не могу стать другой. Если они мои враги, то не по моему выбору.

— Знаю. Но они тебя убьют, если смогут.

Любовниками назывались два дерева, которые переплелись друг с другом у входа в

небольшой каньон в десяти милях к северу от города. Я припарковалась рядом с двумя «лендровеерами» старинного стиля, почти новым «Шевроле-Тахо» и внедорожником «хаммером» — дорогой версией. Чарльз, сын Брана, был гением финансов, и стае Маррока никогда не придется просить милостыню на углах. Когда я уезжала отсюда, у меня на счете в банке было десять тысяч долларов — результат минимальных инвестиций, сделанных под руководством Чарльза.

Я разделась в фургоне, выпрыгнула в снег, провалившись по колено, и захлопнула дверь. В горах было холодней, чем в Трое, и снег покрывала ледяная корка, которая врезалась в голую кожу ног.

Как можно быстрее я сменила форму. Было бы безопасней идти в человеческом облике, но у меня нет подходящей зимней одежды. Я вообще не знаю, какая одежда подходит для зимней прогулки в Монтане, а в форме койота я не очень реагирую на холод.

Я привыкла к запахам и звукам города. Лесные запахи не менее сильные, просто они другие: сосна, осина и ель вместо выхлопов, перегоревшего масла и людей. Я слышала отчетливый стук дятла и вдалеке — вой, слишком низкий, чтобы принадлежать лесному волку.

Снег, который продолжал идти, замел следы, но я продолжала их ощущать. Бран и его подруга Ли — оба терлись о куст белой сосны. Чарльз оставил след там, где поверхность прикрыта нависшим камнем. Как только мой нос учуял запахи, я обнаружила, что на наст, до того, как пошел свежий снег, остались отпечатки лап, и идти по ним было нетрудно.

Я остановилась, когда волчьи следы начали расходиться. Бран повел новых волков — их как будто трое, — а его сыновья Чарльз и Сэмюэль, а также Ли, свернули, надеясь отыскать добычу, чтобы гнать ее к остальным.

Мне необходимо было найти Брана, рассказать ему, что случилось, помочь Адаму, но вместо этого я пошла по следу Сэмюэля. Ничего не могла с собой поделать. С четырнадцати лет я была в него влюблена.

«Сейчас все совсем по-другому», — заверяла я себя, идя по крутому спуску, а потом поднимаясь на вершину холма, где снег был не такой глубокий, потому что его сметал ветер.

«Я была подростком, когда в последний раз его видела, — думала я. — С тех пор я с ним не разговаривала, и он не пытался со мной связаться. Тем не менее именно по его телефону я попросила о помощи. Даже не подумала позвонить кому-нибудь другому».

И тут я поняла, что лес за мной затих.

В зимнем лесу вообще тихо. Птицы, кроме свиристелей, дятлов, вроде того, что я слышала, и некоторых других, улетают на юг. Но в этой тишине было что-то зловещее, она была слишком тяжелой: кто-то крадется за мной.

Я не оглянулась и не побежала быстрее. Вервольфы преследуют тех, кто от них убегает.

Я не испугалась. Где-то здесь Бран, а Сэмюэль еще ближе. Я чувствовала запах земли и мускуса, который принадлежит только ему: ветер принес его ко мне. След, по которому я шла, проложен несколько часов назад. Должно быть, Сэмюэль возвращается по своему следу; в противном случае вервольф был бы слишком далеко, чтобы я могла уловить его запах.

Все новые волки — с Браном, а тот, кто меня преследует, один; если бы их было больше, я бы что-нибудь услышала. Поэтому я не беспокоилась о том, что новые волки могут убить меня, приняв по ошибке за койота.

Не думала я и о том, что мой преследователь — Чарльз. Было бы ниже его достоинство

нарочно пугать меня. Сэмюэль любит розыгрыши, но ветер не лжет, говоря, что он где-то впереди.

Я была уверена, что это Ли. Она не станет меня убивать, на что бы ни намекал Карл, тем более когда Бран поблизости, но ранит, если сможет, потому что она меня не любит. Никто из женщин стаи Брана меня не любил.

Ветер, приносящий запах Сэмюэля, дул главным образом с запада. В той стороне растут молодые пихты, вероятно, заполняющие пустоту, образовавшуюся во время лесного пожара лет десять назад. Пихты расположены очень часто; меня это не задержит, а вот вервольф гораздо крупнее меня.

Задней ногой я почесала за ухом, используя это движение, чтобы оглянуться. Никого не видно: значит, мой преследователь еще далеко. Я опустила ногу и бросилась к зарослям.

Волк за мной издал охотничий вой. Когда волк преследует добычу, им правит инстинкт. Если бы Ли могла рассуждать, она никогда бы не завывала, потому что ей немедленно отозвался целый волчий хор. Большинство волчьих голосов доносились с расстояния в милю и больше, но вой Сэмюэля прозвучал не далее ста ярдов передо мной. Я соответственно изменила направление и через заросли пробралась на другую сторону, где бежал Сэмюэль.

При моем появлении он мгновенно остановился — вероятно, ожидал увидеть оленя или лося — не койота. Не меня.

Сэмюэль большой, даже для вервольфа. У него белая зимняя шерсть, и глаза почти такого же цвета, ледяного бело-голубого — холоднее снега, по которому я бежала; этот цвет особенно поразителен на фоне черных колец вокруг зрачков. Мне хватило места, чтобы нырнуть под его брюхо и выскочить, так что он оказался между мной и преследователем.

Прежде чем у него возникла возможность что-нибудь сделать, кроме как с удивлением взглянуть на меня, появилась Ли, серебристо-золотистая охотница, по-своему такая же прекрасная, как Сэмюэль: свет и огонь по сравнению с его льдом. Она увидела Сэмюэля и неловко затормозила.

Вероятно, так увлеклась погоней, что не заметила его призыва.

Я видела, что Сэмюэль мгновенно узнал меня. Он наклонил голову и застыл. Да, он меня узнал, но я не могла определить, что он при этом почувствовал. Спустя несколько мгновений он повернулся и бросил взгляд на Ли.

Ли пригнулась и перевернулась на спину — хотя как жена Брана она стоит выше Сэмюэля. Ее поведение не произвело на него впечатления — он оскалил клыки и заворчал, низкий глубокий звук отозвался в моей груди. словно в добрые старые времена: Сэмюэль снова защищает меня от стаи.

Ближе, чем раньше, завыв волк, и Сэмюэль прервал рычание, чтобы ответить. Он выжидающе посмотрел на север, и через несколько минут показались еще два волка. Первый цвета корицы с черными лапами. Он был немного крупнее даже Сэмюэля.

Второй вервольф был значительно меньше. На расстоянии его можно было принять за одного из волков, которые лишь недавно начали возвращаться в Монтану. Шкура у него всех оттенков между белым и черным, в целом это делает его серым. Глаза у него светло-золотистые, а кончик хвоста белый.

Чарльз, волк цвета корицы, остановился на краю заросли и начал меняться. Он большая редкость среди волков: вервольф от природы, а не измененный. Единственный такой, о котором я слышала.

Мать Чарльза была из племени сэлиш, плоскоголовых, дочь шамана. Когда Бран вскоре

после приезда в Монтану встретил ее, она умирала. По словам моей приемной матери, которая рассказала мне эту историю, ее красота так поразила Брана, что он не мог позволить ей лечь в могилу и поэтому изменил и сделал своей подругой. Моего воображения не хватало, чтобы представить себе Брана, влюбившегося с первого взгляда, но, может, двести лет назад он был другим.

Во всяком случае, забеременев, она с помощью знаний, полученных от отца, смогла не меняться в полнолуние. Самки вервольфов не могут иметь детей: перемена слишком потрясает организм, убивая плод. Но у матери Чарльза, как дочери своего отца, было и собственное волшебство. Она сумела выносить Чарльза до нормального срока, но так ослабла от усилий, что умерла вскоре после родов. Сыну она оставила два дара. Во-первых, он мог меняться быстрее и легче всех других. Во-вторых, он обладал даром волшебства, не характерного для вервольфов. Стае Брана не нужно было нанимать колдуна, чтобы уничтожить свои следы: у нее был Чарльз.

Бран, меньший их двух волков, продолжал двигаться туда, где я стояла. Сэмюэль неохотно посторонился, хотя по-прежнему занимал позицию между Ли и мной.

В Бране не чувствовалась сила, как она чувствуется в его сыновьях или Адаме, — не знаю, как это получается. Мне говорили, что даже некоторые вервольфы, у которых нюх острее моего, иногда по ошибке принимают его за настоящего волка или помесь волка с собакой — из-за его размера.

Не знаю, сколько ему лет. Знаю только, что когда в конце восемнадцатого века он в качестве траппера явился на этот континент, то был уже старым. Он пришел в Монтану вместе с картографом-валлийцем Дэвидом Томпсоном и поселился здесь со своей женой из племени плоскоголовых.

Он подошел ко мне и коснулся носом места у меня за ухом. Мне не обязательно было покорно прижиматься к земле, тем не менее я присела. Он сжал мне нос челюстями и тут же отпустил — одновременно приветствие и добродушная насмешка; впрочем, я не знала, почему он надо мной смеется.

Выпустив меня, он направился мимо Сэмюэля к своей жене, все еще лежавшей на снегу. Она тревожно завывала, но он, не смягчившись, оскалил зубы. Кажется, хоть он когда-то и попросил меня уехать, я все же не рассматриваюсь как добыча.

Повернувшись к жене спиной, Бран посмотрел на Чарльза, который завершил переход и стоял уже в виде человека. У Чарльза внешность настоящего плоскоголового, словно единственное, что он унаследовал от отца, это способность менять форму.

Мне известно, что коренные американцы относились к своему телу с застенчивостью. Это характерно и для Чарльза. Он сразу воспользовался волшебством, чтобы одеться; на нем были штаны из оленьей шкуры, и выглядел он так, словно явился из другого столетия.

Я, подобно большинству изменяющихся, нагой чувствую себя почти так же уверенно, как в одежде, — конечно, не в середине ноября высоко в Скалистых горах Монтаны под ледяным северо-западным канадским ветром. Снег наконец прекратился, и температура быстро падала. Как только Чарльз заговорит, я должна приобрести человеческую форму, чтобы ответить ему.

— Отец приветствует тебя на территории Маррока, — сказал Чарльз. Голос его звучал равномерно, как у большинства людей из племени его матери, и лишь немного чувствовался валлийский акцент, унаследованный от отца. У самого Брана такой акцент появляется только когда он сильно рассердится. — Однако удивлен тем, что ты пришла именно сейчас.

Я приняла человеческое обличье, сбросила с себя снег и наклонилась, чтобы оставаться ниже Брана. От холодного ветра и снега под ногами у меня перехватило дыхание. Сэмюэль встал так, чтобы заслонить меня от ветра. Это помогло, но лишь чуть-чуть.

— Я пришла по делу, — ответила я. Чарльз приподнял брови.

— От тебя пахнет кровью и смертью.

У Чарльза всегда было острое обоняние. Я кивнула.

— Я привезла с собой Альфу из стаи бассейна Колумбии. Он тяжело ранен. Еще я привезла тело другого волка, надеюсь, что кто-нибудь объяснит мне, как он умер и кто его убил.

Бран издал негромкий звук, и Чарльз кивнул.

— Сейчас — только самое необходимое. Подробности позже.

И я как можно более сжато сообщила им все, что знала, начиная с истории Мака, как он мне ее рассказал, и заканчивая его смертью, ранением Адама и похищением Джесси. И даже вернувшись в форму койота, я не могла согреться.

Бран взглянул на Сэмюэля, тот коротко фыркнул и убежал.

— Бран закончит охоту с новыми волками, — объявил мне Чарльз. — Это их первая охота, и ее нельзя прерывать. Сэмюэль позаботится об Адаме. Он пошел коротким путем, по которому не проехать на машине, так что будет там раньше нас. Я поеду с тобой и позабочусь о твоём мертвеце.

Не успел Чарльз закончить, как Бран исчез в лесу, не взглянув на меня. Ли встала, заворчала на меня — как будто это моя вина, что она попала в неприятности, — и последовала за Браном.

Чарльз, по-прежнему находясь в облике человека, пошел к машинам. И в лучшие времена он был неразговорчив, а мне — ведь я бежала на четырех лапах и говорить не могла — он не посчитал нужным сказать и слова. Он терпеливо ждал на заднем сиденье фургона, пока я снова изменюсь и оденусь.

Он не возражал, как сделал бы Сэмюэль, против того, чтобы вела я. Я никогда не видела, чтобы Чарльз управлял машиной; он предпочитал ездить верхом или бегать волком. Пересаживаясь на пассажирское место, он оглянулся на закутанное в брезент тело. И без всяких комментариев пристегнулся ремнем.

Когда мы вернулись в мотель, я потянула дверь офиса. В конторе находился Карл с молодой рыжеволосой девушкой, должно быть, пропавшей Марли, хотя я не могла узнать в ней знакомую мне шестилетку.

— Мерседес нужна комната, — произнес Чарльз. Карл ни о чем не спрашивал, просто протянул мне ключ.

— По ту сторону дороги, самый дальний от номера один.

Я посмотрела на число «18» на ключе.

— Разве ты не в курсе, что теперь нельзя помечать ключи?

— У нас не бывает воровства, — с улыбкой ответил Карл. — К тому же, ты работала здесь года два и знаешь: один и тот же ключ подходит ко всем номерам, кроме первого.

Я подбросила ключ в воздух.

— И то верно.

Чарльз открыл передо мной дверь.

— Если заберешь багаж и дашь мне ключи от твоей машины, я позабочусь о теле.

Должно быть, я выглядела удивленной.

— Не волнуйся, — сухо проговорил он. — Я попрошу вести Карла.

— У меня нет багажа. — Я достала ключи и протянула ему, но схватила его за руку, прежде чем он ее отдернул. — Мак был хорошим парнем, — сказала я, не знаю почему.

Чарльз ни к кому не притрагивается небрежно или случайно. Мне всегда казалось, что он меня презирает, хотя со мной он обращался так же отчужденно вежливо, как со всеми. Но теперь он положил свободную руку мне на голову и на мгновение прижал ее к своему плечу.

— Я о нем позабочусь, — пообещал он, тут же отступая.

— Его звали Алан Маккензи Фрейзер. Он кивнул.

— Я присмотрю, чтобы с ним обошлись достойно.

— Спасибо. — Я повернулась и пошла в свой номер, чтобы не заплакать при нем.

Глава шестая

На ночном столике лежала аккуратная стопка журналов «Нэйшнл джиогрэфик» и одинокий пейпербек. Как я помнила, все это первоначально раздобыли, чтобы компенсировать отсутствие телевизоров. Когда я здесь убирала комнаты, так высоко в горах не было приема. Теперь на крыше мотеля стоит тарелка, а в номере — небольшой телевизор, который можно смотреть либо с кровати, либо со стула из кухни.

Мне не интересны повторы старых фильмов и мыльные оперы, поэтому я стала лениво перелистывать журналы. Они казались знакомыми. Может, та самая стопка, которая лежала здесь, когда я в последний раз приводила в порядок этот номер: самый свежий за май 1976 года, так что это вполне вероятно. А может, просто журналы, много лет пролежав в приемных, становятся похожими друг на друга.

Я подумала, не лежит ли сейчас Джесси где-нибудь в больнице. Мысль метнулась к моргу, но я тут же призвала ее к порядку. Паника ничему не поможет. Я делаю все, что могу.

Взяв книгу, я села на кровать. Обложка выглядела малообещающе — рисунок амбара в стиле Висконсина, но я все равно раскрыла книгу. И закрыла, не прочитав и первого предложения. Не могла вынести одиночество и ничегонеделание.

Вышла из комнаты. Стало холодней, чем раньше, а я все еще в футболке, поэтому к первому номеру я побежала.

Адам лежал на кровати на боку в волчьей форме, морда его была замотана. Над ним стоял Сэмюэль лишь в старых джинсах и пластиковых перчатках. То, что я не задержалась на нем взглядом, свидетельствовало о том, как меня беспокоил Адам. Сидевший у стены Чарльз ничего не сказал.

— Закрой дверь! — рявкнул Сэмюэль, не поднимая головы. — Черт побери, Мерси, нужно было обработать рану, прежде чем бросать его в машину и ехать — ты должна знать, как быстро у нас срастаются кости. Теперь придется ломать ему ногу.

Раньше Сэмюэль никогда не кричал на меня. Из всех знакомых мне вервольфов он меньше всего склонен к насилию.

— Я не умею вправлять кости, — ответила я, обхватывая себя руками. Но он прав. Я знала, что вервольфы излечиваются невероятно быстро — просто не подумала, как это связано со сломанными костями. Я представления не имела, что у него с ногой. Это было глупо. Все-таки следовало позвонить Даррилу.

— Долго ли нужно учиться, чтобы вправлять ногу? — продолжал Сэмюэль, не сделав никакой паузы. — Надо было только потянуть за нее. — Он мягко прощупывал ногу Адама. — В его стае должен быть кто-нибудь с медицинской подготовкой. Надо было позвать на помощь, если самой мозгов не хватило. — Обратившись к Адаму, он произнес: — Приготовься.

Со своего места у двери я не видела, что он делает, но кость явно хрустнула; Адам дернулся и издал звук, который я не хотела бы слышать снова.

— Я боялась, что кто-то в стае связан с нападавшими, — прошептала я. — Адам был без сознания. Я не могла его спросить. И в стае нет никого достаточно сильного, чтобы сдерживать волка Адама.

Сэмюэль взглянул на меня и выругался.

— Если можешь только хныкать, убирайся отсюда! Несмотря на свое состояние, Адам

заворчал, повернул голову и посмотрел на Сэмюэля.

— Прости, — сказала я и вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Двадцать минут я таращилась на первую страницу книги, прежде чем кто-то постучал в дверь. Нос сообщил мне, что это Сэмюэль, поэтому я не стала отвечать.

— Мерси?

Голос его звучал мягко, точно как я его помнила, с легким кельтским акцентом.

«Уеду рано утром и сразу же отправлюсь искать Джесси, — решила я, глядя на дверь. — Кто-нибудь сможет отвезти Адама, когда он будет готов к пути. Если выеду, как собираюсь — смогу больше не видаться с Сэмюэлем».

— Мерси, я знаю, ты меня слышишь.

Я молчала, не хотела с ним разговаривать. Он прав. Я оказалась бесполезной: шесть часов везла израненного Адама из-за случайного замечания Даррила, которое, возможно, вообще ничего не значило. Конечно, как я и сказала Сэмюэлю ранее, стае все равно пришлось бы везти Адама в Монтану или по крайней мере просить прислать доминанта, пока Адам не в состоянии контролировать себя, но его сломанная нога была бы вправлена. Даррил и стая могли бы начать поиски Джесси, а Адам благополучно поправлялся бы, не будь я так глупа. Я привыкла быть компетентной в моем мире двигателей и запасных частей автомобилей. Будь Адам машиной, я бы знала, как с ним поступить. Но в Осиновом Ручье я всегда была недостаточно хороша — по-видимому, некоторые вещи никогда не меняются.

— Послушай, Мерси, прости. Если ты не умеешь оказывать первую помощь и не доверяла его стае, то ничего не могла сделать.

Голос его был сладким, как патока; но мать научила меня, что следует верить первому, что исходит из уст мужчины: именно это правда. Если у мужчины есть время подумать, он меняет сказанное на более социально приемлемое, на что-то такое, что тебе понравится и поможет ему легче достичь своего. Я знала, чего он хочет, чего он всегда от меня хотел, даже если, занятый ранами Адама, сам Сэмюэль об этом забыл.

— Адам вырвал из меня кусок, за то что я был груб с тобой, — уговаривающим тоном продолжал Сэмюэль. — Он прав. Я вышел из себя, потому что не люблю причинять без необходимости боль, и сорвал зло на тебе. Могу я войти, чтобы мы поговорили не через дверь?

Я устало потерла лицо. Мне больше не шестнадцать, чтобы убегать от трудностей, каким бы привлекательным ни казался выбор. Приходилось неохотно признать, что и мне надо кое-что ему сказать.

— Хорошо, — произнес он. — Хорошо, Мерси. Увидимся утром.

Он уже собрался было уйти, когда я открыла дверь.

— Заходи. — Я дрожала на ветру, пробиравшем меня сквозь футболку. — Но поторопись. Здесь ужасно холодно.

Он повернулся и принялся отряхивать снег с ног, прежде чем вошел в мой номер. Здесь он снял пальто и бросил на стул у двери, и я увидела, что он где-то раздобыл футболку. У вервольфов повсюду в городе припасена одежда на случай, если кому-нибудь понадобится быстро одеться: в основном вещи унисекс, вроде джинсов, футболок и свитеров. Футболка была ему немного мала и облегала, как вторая кожа. Если бы у него была хоть унция жира или меньше мышц, это выглядело бы глупо, но он сложен, как стриптизер.

Тело у него великолепное, но не знаю, кто бы назвал его красивым. У него определенно нет обворожительной внешности Адама. Глаза Сэма посажены глубоко, нос слишком

длинный, рот чересчур широкий. Внешность в человеческой форме гораздо менее поразительна, чем в волчьей: светлые серо-голубые глаза и каштановые волосы, немного выцветшие на солнце.

Я не могла судить о нем объективно: это Сэм, который был моим другом, защитником и возлюбленным.

Я отвела взгляд от его лица и опустила глаза, чтобы он не мог прочесть в них гнев — да и другие кипевшие во мне чувства, пока я не взяла их под контроль. Если он что-то понял неверно, это не моя вина. И я не позволю ему со мной спорить.

— Не думал, что ты захочешь поговорить со мной, — произнес он с тенью прежней легкой улыбки в голосе.

— Я тоже, — мрачно сказала я своей обуви — не могла заставить себя посмотреть на него. — Но я должна извиниться.

— Нет, — осторожно ответил он. Очевидно, он слишком умен, чтобы поверить в мою покорность. — Тебе не за что извиняться. Мне не следовало щелкать тебя по носу.

— Все в порядке. Вероятно, ты прав. Я нашла Мака мертвым, а Адама — почти мертвым и запаниковала. — Подойдя к кровати, я села на нее, потому что это было самое удаленное от Сэма место в номере. И только тут решилась снова взглянуть на него. — Мое извинение запоздало на многие годы. Мне следовало поговорить с тобой перед отъездом. Я должна была предупредить, что решила уехать в Портленд.

«Боялась, что сделаю какую-нибудь глупость: застрелю тебя или — еще хуже — заплачу, но этого тебе знать не обязательно».

Легкая улыбка исчезла с лица Сэма, осталась только нейтральная осторожность, настороженность, словно он ожидал ловушки.

— Отец сказал мне, что уговорил тебя уехать к матери, вместо того чтобы бежать со мной.

— И долго ли ты меня ждал? После того как Бран застал нас обнимающимися и целующимися в лесу и объявил мне, что отсылает меня в Портленд, Сэмюэль решил, что мы с ним убежим. Мне надлежало незаметно ускользнуть и встретиться с ним в лесу в миле от дома. Но Маррок все знал — он такой. Он мне объяснил, почему Сэмюэль хочет сделать меня своей подругой — и это были совсем не те причины, о которых я помышляла.

Поэтому пока Сэмюэль меня ждал, Чарльз вез меня в Либби, где на следующее утро я должна была сесть в автобус до Портленда.

Не отвечая, Сэмюэль отвел взгляд.

По-своему Сэмюэль самый благородный из всех, кого я знаю, и это делало его предательство особенно болезненным: теперь я увидела, что он никогда не любил меня. Он пообещал, что будет ждать меня, и я была уверена, что даже после того, как он понял, что я не приду, не уходил очень долго.

— Так я и думала, — тихо сказала я.

«Черт побери, он не должен на меня так действовать!» Я поймала себя на том, что вдыхаю глубже, чтобы уловить его запах.

— Я должна была дать знать тебе, что изменила свое решение. — Я ногтями цеплялась за обрывки прошлого. — Прости, что уехала, не сказав тебе ни слова. Это было неправильно и нехорошо.

— Отец мне признался, что велел тебе так поступить. — Голос Сэма звучал отчужденно, он отвернулся от меня и смотрел на влажное пятно у своих ботинок.

— Я не из его стаи! — выпалила я. — Мне всегда давали это понять совершенно отчетливо. Это значит, что тогда я не обязана была подчиняться Брану. Мне не следовало его слушаться, и я знала это. Прости. Не за то, что уехала — это было верное решение, — но за то, что не сказала тебе. Я струсилa.

— Отец рассказал мне, о чем беседовал с тобой. — Начал Сэм достаточно спокойно, по мере продолжения в его голосе появились признаки гнева. — Но ты и так должна была все сознавать. Я ничего от тебя не скрывал.

Ни его голос, ни поза не были оборонительными; он действительно не понимал, что сделал со мной — каким бы очевидным мне это ни казалось. Но его сила в том, что он волк доминант. Эта сила подняла меня на ноги, и я только на полпути к нему сообразила, что делаю.

— Послушай, Сэмюэль. — Я резко затормозила, чтобы не коснуться его. — Я устала. День был тяжелый. Не хочу ссориться с тобой из-за прошлого.

— Хорошо. — Теперь голос его звучал спокойно, и Сэмюэль слегка кивнул, словно самому себе. — Поговорим завтра. — Он надел пальто и пошел к выходу, но потом повернулся. — Едва не забыл. Чарльз и Карл увезли тело...

— Мака, — резко сказала я.

— Мака, — мягко повторил он. (Жаль, что он это сделал: от его сочувствия у меня слезы навернулись на глаза.) — Мака отвезли в нашу больницу и пригнали фургон назад. Чарльз отдал ключи мне. Он вернул бы их сам, но ты слишком быстро ушла. Я ему сообщил, что пойду извиняться, и он передал их мне.

— Он закрыл фургон? — спросила я. — У меня там пистолет и ружье, заряженные против вервольфов... — Упоминание об оружии воскресило в памяти кое-что странное. — Да, возле Адама, когда забирала его, я обнаружила шприц с транквилизатором.

— Фургон заперт, — ответил Сэм. — Чарльз отнес шприц в лабораторию; он заявил, что от него пахнет серебром и Адамом. Теперь, зная, при каких обстоятельствах ты его нашла, я попрошу изучить его внимательней.

— Мака использовали в экспериментах, исследовали какой-то наркотик, действующий на вервольфов.

Сэмюэль кинул.

— Помню, ты уже говорила нам об этом.

Он протянул мне ключи, и я взяла их, стараясь не притронуться к его руке. Он улыбнулся, как будто я сделала что-то забавное, и я поняла, что была недостаточно бдительна. Если бы я ничего к нему не испытывала, меня бы не беспокоило прикосновение к его руке. Живя с людьми, я забываю, как трудно что-нибудь утаить от вервольфа. — Спокойной ночи, Мерси, — произнес он и ушел. Комната после его ухода опустела. «Мне лучше завтра уехать», — подумала я, слушая, как снег скрипит под его ногами.

Я в третий раз перечитывала одну и ту же страницу, когда в дверь снова постучали.

— Я принес обед, — послышался приятный мужской голос.

Я отложила книгу и открыла дверь.

Светловолосый молодой человек с непримечательным лицом держал поднос с двумя завернутыми в полиэтилен сэндвичами и парой пластиковых чашек с горячим шоколадом, а также темно-синюю зимнюю куртку. «Может, это и еда, — подумала я, — но если Бран решил выглядеть как стандартный доставщик, то, вероятно, не без причины. Он любит быть незаметным».

Он слегка улыбнулся, когда я не уступила ему дорогу.

— Чарльз рассказал мне, что с Адамом все будет нормально, а Сэмюэль сваял дурака.

— Сэмюэль извинился, — заметила я, впуская его в номер.

На крошечной кухоньке — плита на две горелки, небольшой холодильник и крытый пластиком стол с двумя стульями. Бросив куртку на кровать, Бран поставил поднос на стол и разложил его содержимое так, что с каждой стороны оказались сэндвич и чашка.

— Чарльз сообщил мне, что у тебя нет пальто, поэтому я принес это. И решил, что ты не прочь что-нибудь съесть. Потом можем обсудить, что делать с твоим Альфой и его исчезнувшей дочерью.

Он сел на стул и жестом пригласил меня сесть на другой. Я села и поняла, что целый день ничего не ела — не была голодна. И сейчас не хотела.

Верный своему слову, Бран молчал, пока ел, а я клевала по чуть-чуть. У сэндвичей был привкус холодильника, но какао оказалось горячим, с ароматом зефира и ванили.

Бран ел быстрее меня, но терпеливо ждал, пока я закончу. Сэндвичи относились к категории тех огромных «сабвеев», после которых вы остаетесь сытыми целую неделю. [\[13\]](#) Я съела часть, а остальное завернула в полиэтилен. Бран съел все: вервольфам нужно много пищи.

Моя приемная мать говаривала: «Никогда не держи вервольфа голодным, иначе он присоединит тебя к своему ленчу». И после этого всегда трепала мужа по голове, даже если он был в форме человека.

Не знаю, почему я тогда об этом подумала и почему от этой мысли у меня на глаза навернулись слезы. Мои приемные родители уже почти семнадцать лет как мертвы. Мать умерла, пытаясь стать вервольфом. Как-то раз она сказала, что стареет с каждым годом, а он — нет. Женщин, призванных луной, очень мало, потому что они обычно не переживают перемену. Месяц спустя мой приемный отец умер от тоски по матери. Мне тогда было четырнадцать.

Я отпила какао и ждала, когда Бран заговорит.

Он тяжело вздохнул и откинулся на стуле, держа его в равновесии на двух ножках; его собственные ноги повисли в воздухе.

— Люди так не делают, — заметила я. Он приподнял бровь.

— Что не делают?

— Не балансируют так. Только подростки, выделяясь перед девочками.

Он резко поставил стул на все четыре ножки.

— Спасибо.

Бран старается казаться как можно более похожим на человек, но все равно его благодарность прозвучала чуть резковато. Я торопливо глотнула какао, чтобы он не заметил моей улыбки.

Он оперся локтями о стол и сложил руки.

— Что собираешься делать, Мерси?

— О чем ты?

— Адам — в безопасности и выздоравливает. Мы узнаем, кто убил твоего друга. А каковы твои действия?

Бран может испугать. Он психический — по крайней мере он сам так это называет, если его спросить. А значит это, что он с любым вервольфом может общаться мысленно, мозг с мозгом. Именно поэтому Чарльз мог в лесу говорить за него. Бран использует это свое

качество наряду с другими, чтобы держать под контролем североамериканские стаи. Он утверждает, что может заставить других слышать свои мысли, но в обратную сторону это не действует.

В стае шепчутся, что у него есть и другие способности, но какие именно, никто не представляет. Чаще всего утверждают, что он действительно умеет читать мысли. Он всегда точно знает, кто повинен в той или иной неприятности, случающейся в его городе.

Моя приемная мать, обычно смеясь, заявляла, что именно эта репутация делает его непогрешимым: ему стоит только войти в комнату и определить, кто смотрит на него самыми виноватыми глазами. Может, она и права, но когда как-то раз я попыталась выглядеть невинной, это не сработало.

— Уеду завтра утром.

«Очень рано, — подумала я. — Чтобы снова не разговаривать с Сэмюэлем — и начать и искать Джесси». Бран покачал головой и нахмурился.

— Днем.

Я почувствовала, как от удивления поднялись мои брови.

— Что ж, — осторожно произнесла я, — если ты знаешь, что я собираюсь делать, почему бы прямо мне не сказать об этом, а не спрашивать?

Он слегка улыбнулся.

— Если подождешь до середины дня, Адам будет способен ехать с тобой, а Сэмюэль что-нибудь разузнает о том, как твой молодой человек... Алан Маккензи умер. Сэм сегодня всю ночь проведет в лаборатории за вскрытием и изучением шприца. — Бран наклонился ко мне. — Это не твоя вина, Мерси.

Я пролила какао на футболку.

— Дерь... — Я прикусила язык. (Бран не одобряет бранные слова.) — Ты можешь читать мысли.

— Я знаю, как работает твой ум, — ответил Бран с легкой улыбкой, которая совсем не была самоуверенной. Сразу взяв бумажное полотенце, он смочил его над раковиной и протянул мне, а я тем временем отлепила футболку от тела: какао все еще горячее, хотя и не обжигающее.

И пока я промокала футболку и кожу у раковины, он продолжал:

— Если только ты не слишком изменилась — а это вряд ли возможно, — когда кому-нибудь больно, ты считаешь это своей виной. Мне Адам рассказал все, что знает, и никакого отношения к тебе это не имеет.

— Ха... ты точно телепат. Он в волчьей форме и говорить не может. — С футболкой я сделала все возможное, но пожалела, что у меня нет смены.

Бран усмехнулся.

— Уже может. Иногда перемена помогает нам быстрее выздоравливать. Обычно мы из человека становимся волком, но перемена в противоположную сторону тоже действует. Сэмюэль ему не очень понравился. — Улыбка Брана стала шире. — Прежде всего Адам выругался. Заявил, что Сэм любитель, а не профессионал. Что Альфа не имеет дел с теми кто не умеет обращаться с ранами. И добавил, что у тебя иногда больше мужества, чем ума. — Бран указал чашкой на меня. — Кстати, я с ним согласен — именно поэтому я попросил Адама присмотреть за тобой, когда ты оказалась на его территории.

«Вот как, — подумала я, стараясь не выглядеть слишком ошеломленной. — Значит, Адаму было приказано опекать меня? Мне казалось, что наши странные взаимоотношения

основаны на чем-то другом». Знание того, что Бран велел следить за мной, меняло окраску всех наших разговоров.

— Не люблю лгать, — сказал Бран, и я поняла, что не сумела скрыть реакцию на его откровения, — даже умолчанием. С самой жестокой правдой можно иметь дело, можно победить ее, но ложь уничтожает душу. — Он выглядел так, словно говорит на основании личного опыта. — Эта нелюбовь заставляет меня вмешиваться, когда следовало бы отойти в сторону. — Бран помолчал, как будто ждал ответа, но я понятия не имела, к чему он ведет. Он сел и сделал глоток какао. — Были такие, кто считал, что от тебя нужно скрыть правду о смерти Брайана.

Брайан — это мой приемный отец.

Я вспомнила, как проснулась однажды после Рождества, услышав на кухне низкий голос Брана. Когда я вышла из своей комнаты, Бран сообщил мне, что полиция нашла тело Брайана в реке Кутеней.

Вервольфу трудно совершить самоубийство. Даже серебряная пуля не в состоянии помешать самоизлечению. Эффективно отсечение головы, но его трудно достичь при суициде. Хорошо действует утопление. Вервольфы очень мускулисты и плотно сложены; даже если они хотят плыть, им это трудно, потому что, как у шимпанзе, у них слишком много мышц и слишком мало жира, чтобы держаться на поверхности.

— Кое-кто в стае хотел представить все как несчастный случай. — Голос Брана звучал задумчиво. — Мне говорили, что четырнадцать лет — слишком мало, чтобы воспринять мысль о самоубийстве, особенно сразу после смерти подруги Брайана.

— Ее звали Эвелин, — напомнила я. У Брана есть тенденция не обращать внимания на окружающих людей, словно их не существует. Сэмюэль однажды сказал мне, что это происходит потому, что люди очень хрупки и Бран видел слишком много их смертей. Я подумала, что если я в четырнадцать лет смогла справиться со смертью Эвелин, то Бран тем более.

Он бросил на меня подавляющий взгляд. Когда я не опустила глаза, как требует протокол, он скривил губы и спрятал их за чашкой.

— Действительно, Эвелин. — Он вздохнул. — Когда ты решила жить одна, а не возвращаться к одной матери, я с этим согласился: ты доказала свое мужество и имела право на выбор. — Он осмотрел комнату. — Помнишь наш последний разговор?

Я кивнула и наконец села. Даже если он сегодня не настаивает на соблюдении протокола, как-то неловко стоять, когда он сидит.

— Тебе было шестнадцать, — произнес он. — Ты была слишком молода для него — слишком молода, чтобы понять, что ему действительно от тебя нужно.

Когда Бран застал нас с Сэмом целующимися в лесу, он отослал меня домой, потом пришел на следующее утро и сообщил, что он уже переговорил с моей настоящей матерью и она в конце недели ждет меня. Он меня отправляет, и я должна собрать все, что хочу взять с собой.

Да, я собралась, но не для того, чтобы ехать в Портленд; собралась, чтоб бежать с Сэмюэлем. Он обещал, что мы поженимся. Мне не приходило в голову, что в шестнадцать лет невозможно выйти замуж без разрешения родителей. Несомненно, Сэмюэль нашел бы решение и в этом случае. Мы хотели перебраться в большой город и жить вне всякой стаи.

Я любила Сэмюэля, любила с тех пор, как умер мой приемный отец и Сэмюэль принял на себя роль моего опекуна. Брайан был мне дорог, но Сэмюэль оказался гораздо более

эффективным защитником. Даже женщины перестали меня преследовать, когда за моей спиной встал Сэмюэль. Он был забавен и очарователен. Вервольфы не часто бывают веселыми и беспечными, но у Сэмюэля эти качества были в изобилии. Под его крылом я научилась радоваться — весьма соблазнительное ощущение.

— Ты заявил, что Сэмюэль меня не любит, — сказала я Брану, чувствуя себя так, словно рот у меня набит опилками. (Не знаю, как он узнал о планах Сэмюэля.) — Что ему просто нужна самка, которая выносила бы ему детей.

Беременность от вервольфов в половине случаев заканчивается выкидышем. До нормального срока женщины способны выносить только тех детей, которые станут полностью людьми. У женщин вервольфов выкидыш происходит в первое же полнолуние. Но волки и койоты могут скрещиваться и давать жизнеспособное потомство, почему бы тогда не смогли мы с Сэмюэлем? Он считал, что некоторые наши дети могут быть людьми, может, даже ходячими, как я, но некоторые родятся вервольфами — и все они будут жить.

До тех пор, как Бран не объяснил мне все это, я не осознавала, почему и Ли, и все женщины так враждебно ко мне относятся. — Мне не следовало говорить тебе это, — произнес Бран.

— Пытаешься извиниться? — спросила я. Я не понимала, что он хочет мне сказать. Мне было шестнадцать. Сэмюэль мог казаться молодым, но, насколько помню, он всегда был вполне взрослым. Сколько? Пятьдесят лет? Шестьдесят?

Когда я любила его, меня это не тревожило. Он никогда не вел себя так, будто он старше меня. Вервольфы обычно не распространяются о своем о прошлом, как это делают люди. Большую часть того, что мне было известно о Бране, я узнала от приемной матери Эвелин. Но она была человеком.

— Я была молода и глупа, — заявила я. — Мне нужно было слышать то, о чем он вел речь. Так что если ищешь прощения, оно тебе не нужно. Спасибо.

Он наклонил голову. В человеческой форме глаза у него теплого зеленоватого цвета, как освещенный солнцем дубовый лист.

— Я не прошу прощения. Не у тебя. Я объясняю. — Тут Бран улыбнулся, и сразу стало заметнее обычно слабое сходство с ним Сэмюэля. — А Сэмюэль немного старше шестидесяти. — Веселость, как и гнев, возвращали в речь Брана следы старого его родины — Уэллса. — Сэмюэль — мой первенец.

Я удивленно смотрела на него. У Сэмюэля нет ничего общего со старшими волками. Он водит машину, у него есть стереосистема и компьютер. Он на самом деле любит окружающих, даже людей, и, когда необходимо, именно его Бран использует для переговоров с полицией и властями.

— Чарльз родился через несколько лет после того, как ты приехал сюда с Томпсоном, — сказала я Брану, как будто он сам этого не знал. — Это было когда... в 1812?

Учась в колледже, я много читала о Дэвиде Томпсоне, привлеченная его связью с Браном. Валлиец по рождению, картограф и торговец мехами, он вел дневники, но ни разу не упомянул Брана. Читая, я гадала, не было ли тогда у Брана другого имени, или Томпсон знал, кто такой Бран, и потому не упоминал о нем в дневниках, которые были в основном адресованы его нанимателям: в них было очень мало личного.

— Я пришел с Томпсоном в 1809 году, — уточнил Бран. — Чарльз родился весной, я думаю, 1813. К тому-времени я оставил Томпсона и «Северо-Западную компанию», а ээлиши считают время не по христианскому календарю. Сэмюэль родился от моей первой

жены, когда я еще был человеком.

Я никогда не слышала, чтобы он так много рассказывал о своем прошлом.

— Когда это было? — спросила я, ободренная его необычной откровенностью.

— Очень давно. — Он отбросил этот вопрос, пожав плечами. — Поговорив с тобой тем вечером, я оказал плохую услугу своему сыну. Я решил, что слишком усердствую с правдой, и Сообщил тебе только часть ее.

— Да?

— Я сказал то, что считал необходимым в то время. Но в свете последующих событий я лучше понял сына и хочу, чтобы ты тоже его поняла.

Меня всегда бесило, когда он начинал говорить загадочно. Я стала резко возражать, но заметила, что он опустил глаза. Я привыкла жить среди людей, для которых язык телодвижений менее значителен, чем язык слов, и потому едва не пропустила главное. Альфы — особенно этот Альфа — никогда не отводят взгляд, когда на них кто-нибудь смотрит. Это показывает, как он себя чувствует от того, что ему предстоит сделать.

Поэтому я сбавила тон и просто попросила:

— Расскажи.

— Сэмюэль стар. Почти так же стар, как я. Первая его жена умерла от холеры, вторая — от старости, третья — во время родов. У его жен было восемнадцать выкидышей; дюжина детей умерла во время родов и только восемь дожили до трех лет. Один умер от старости, четверо — от эпидемии, трое погибли, не пройдя перемену. У него нет живых детей, и только один, родившийся раньше Чарльза, достиг зрелого возраста. — Бран помолчал и поднял на меня взгляд. — Возможно, это даст тебе понять, как много для него значило, что в тебе он нашел партнершу, которая могла рожать ему детей неуязвимых перед судьбой, таких, которые могли бы стать вервольфами, как Чарльз. У меня было достаточно времени, чтобы обдумать наш разговор, и я понял, что еще тогда должен был тебе сказать все это. Ты не первая принимаешь Сэмюэля за молодого волка. — Он слегка улыбнулся. — В те дни, когда Сэмюэль еще был человеком, шестнадцатилетние девушки часто выходили за мужчин, гораздо старше себя. Иногда представления мира о добре и зле меняются для нас слишком быстро.

Изменилось ли что-нибудь, если бы я понимала степень потребности Сэмюэля? Страстная, тоскующая по любви девочка-подросток, столкнувшаяся с холодными фактами? Разглядела бы я за числами ту боль, которую причинили все эти смерти?

Вряд ли я пересмотрела бы свое решение. Я и сегодня не вышла бы за того, кто меня не любит; но, наверно, я стала бы лучше думать о нем. Оставила бы письмо или позвонила бы, добравшись до дома матери. Может быть, я даже набралась бы храбрости, чтобы попрощаться с ним, не будь так обижена.

Я отказалась размышлять о том, как рассказ Брана повлиял на мое теперешнее отношение к Сэмюэлю. В любом случае это неважно. Завтра я возвращаюсь домой.

— Всегда существовали такие вещи, которые я не мог тебе объяснить. — Бран улыбался, но улыбка его была невеселой. — Я упустил из виду, что знаю не все. Два месяца спустя после твоего отъезда Сэмюэль исчез.

— Он рассердился из-за твоего вмешательства? Бран покачал головой.

— Вначале может быть. Но мы все обсудили с ним в день твоего отъезда. Он был бы более сердит, если бы не чувство вины за то, что воспользовался положением ребенка. — Он потрепал меня по руке. — Он знал, что делает, и понимал, что ты почувствуешь, что бы ни

говорил себе и тебе. Не заставляй его ощущать себя жертвой.

«Никаких проблем».

— Не буду. Но если он не злился на тебя, то почему исчез?

— Ты многое понимаешь в нас, потому что выросла среди нас, — медленно произнес Бран. — Но иногда даже я кое-что упускаю. Сэмюэль видел в тебе ответ на свою душевную боль, но не на сердечную. Но это не все, что испытывал к тебе Сэмюэль, — сомневаюсь, что он сам это осознавал.

— Что ты имеешь в виду?

— Он чах после твоего ухода, — сказал Бран, и старомодное слово показалось странным в устах такого молодого человека, каким он выглядел. — Он похудел, не мог спать. Первый месяц он почти все время проводил в облике волка.

— Но что, по-твоему, с ним было? — осторожно спросила я.

— Он тосковал по утраченной подруге, — сказал Бран. — В некоторых отношениях вервольфы не отличаются от своих диких братьев. Но мне понадобилось слишком много времени, чтобы понять это. И прежде чем я это понял, он исчез, не сказав нам ни слова. Два года я ждал, что в газетах напечатают сообщение о его теле, найденном в реке, подобно Брайану. Когда Сэмюэль наконец начал снимать деньги со своего банковского счета, Чарльз его выследил. Сэмюэль купил себе документы и поступил в колледж.

— Насколько мне известно, Сэмюэль по крайней мере один раз закончил колледж — медицинский.

Он снова получил диплом врача, какое-то время руководил клиникой в Техасе и вернулся к нам года два назад, — закончил Бран.

— Он не любил меня, — заявила я. — Так, как мужчина любит женщину.

— Конечно, — согласился Бран. — Но он выбрал тебя своей парой. — Он резко встал и протянул руку к пальто. — Сейчас не волнуйся ни о чем. Я просто решил, что ты должна знать. Спи спокойно.

Глава седьмая

На следующее утро я в куртке Брана отправилась на заправку и купила на завтрак буррито. ^[14] Буррито было если не вкусное, то по крайней мере горячее, а я была достаточно голодна, чтобы съесть что угодно.

Молодой человек за кассой выглядел так, словно готов был задать мне немало вопросов, но я укротила его взглядом. Мои знакомые осведомлены, что не стоит вступать со мной в борьбу взглядов. Я не была вер-кто-нибудь, но и он тоже, а обо мне он этого не знал. Напугать его было приятно, но я не слишком хорошо себя чувствовала после этого.

Мне необходимо было что-то делать, все, что угодно, а приходилось все утро ждать. Ждать означало беспокоиться о Джесси, представляя себе, как она страдает в руках похитителей, и думать о Маке и гадать, могла ли я предотвратить его смерть. Это означало снова переживать унижение от того, что Бран объясняет мне: мужчина, которого я люблю, просто меня использует. Мне хотелось убраться из Осинового Ручья, где воспоминания о шестнадцатилетней девочке преследовали меня, как я ни старалась от них избавиться; подчинение Брану слишком глубоко укоренилось во мне — особенно когда его приказ был совершенно ясен. Но испытывать при этом радость было совсем не обязательно.

Я возвращалась в мотель, дыхание паром вырывалось изо рта, снег скрипел под ногами, когда что-то меня окликнул:

— Мерси!

На шоссе остановился зеленый грузовик: очевидно, водитель увидел меня. Но сам он не показался мне знакомым. Яркое солнце, отражавшееся от снега, очень мешало, поэтому я заслонила глаза рукой и повернулась, чтобы лучше его рассмотреть.

Как только я сделала это, водитель выключил мотор, выпрыгнул из машины и пошел по шоссе..

— Я слышал, что ты здесь, — сказал он, — но решил, что ты уехала рано утром, иначе давно бы тебя разыскал.

Голос определенно знакомый, но никак не сочетается с курчавыми рыжими волосами и гладким лицом. Человек как будто обиделся, даже рассердился оттого, что я сразу его не узнала. Потом покачал головой и рассмеялся.

— Я все забываю, что каждый раз, как погляжу в зеркало, вижу незнакомого человека.

Глаза, мягкие и голубые, соответствуют голосу, но окончательно я узнала его благодаря смеху.

— Доктор Уоллес? — спросила я. — Это действительно вы?

Он сунул руки в карманы, наклонил голову и улыбнулся.

— Точно, как лунный свет, Мерседес Томпсон, как лунный свет.

Картер Уоллес работал в Осиневом Ручье ветеринаром. Нет, вервольфов он обычно не лечил, но здесь были кошки, собаки и скот — достаточно, чтобы он был занят. Его дом стоял по соседству с тем, в котором я росла, и он помог мне пережить первые месяцы после смерти приемных родителей.

Доктор Уоллес, которого я помнила, был человеком средних лет, лысеющим, с животиком, который свешивался над ремнем. Лицо и руки его загорели и покрылись морщинами из-за долгих часов, проведенных на солнце. Встреченный мною человек был худым, поджарым и выглядел голодным; кожа у него была как у двадцатилетнего, но больше

всего изменилась не его внешность.

Картер Уоллес, которого я помнила, был медлителен и мягок. Я видела, как он выманил скунса из груды шин, и при этом тот не окутал никого своей вонью; он голосом удерживал испуганную лошадь, доставая из ее ноги колючую проволоку. В нем было что-то мирное, прочное и подлинное, как в дубе.

Больше этого не было. Глаза его оставались яркими и добрыми, но в его взгляде, который был устремлен на меня, было что-то хищническое. Облако насилия окутывало его, я почти ощущала запах крови.

— Давно ли вы стали волком? — поинтересовалась я.

— В прошлом месяце исполнился год, — ответил он. — Не отрицаю, я клялся, что никогда этого не сделаю. Слишком много и в то же время недостаточно я знал о волках. Но год назад мне пришлось уйти на пенсию, потому что руки больше не работали. — Он с некоторой тревогой оглядел свои руки и чуть успокоился, показав мне, что все пальцы свободно шевелятся. — Я правильно поступил. Если ветеринар к чему-либо и привыкает, особенно здесь, так это к старости и смерти. Джерри снова принялся за меня, но я упрям. Потребовалось нечто большее, чем артрит и Джерри, чтобы я согласился.

Джерри — это его сын. Он вервольф.

— А что случилось? — спросила я.

— Рак костей. — Доктор Уоллес покачал головой. — Мне сказали, что он зашел слишком далеко. Ничего, кроме месяцев в постели и надежды умереть до того, как перестанут действовать уколы морфия. У всего есть своя цена, но этого я перенести не мог. Поэтому попросил Брана.

— Большинство людей не переживают Перемену, особенно если они уже больны, — заметила я.

— Бран говорит, что я слишком упрям, чтобы умереть. — Он снова улыбнулся, и его улыбка начала меня тревожить: было в ней нечто такое, чего у доктора Уоллеса, моего доктора Уоллеса, никогда не было. Я забыла, как быть знакомым с человеком по обе стороны Перемены, забыла, насколько волк меняет личность человека. Особенно когда человек его не контролирует.

— Я хотел возобновить практику, но Бран не разрешает. — Доктор Уоллес чуть раскачивался на каблуках и щурил глаза, словно видел то, чего не видела я. — Дело в запахе мяса. Со мной все в порядке, пока нет крови.

Последнюю фразу он произнес шепотом, и в его голосе я услышала желание.

С глубоким вздохом он взял себя в руки и посмотрел на меня глазами, которые были лишь чуть темней снега.

— Помнишь, годами я утверждал, что вервольфы не очень отличаются от диких хищников.

«Как большая белая акула или гризли», — говорил он мне.

— Помню, — ответила я.

— Самцы гризли не нападают на своих самок, Мерси.

Они не жаждут насилия и крови. — Он закрыл глаза. — Несколько дней назад я едва не убил свою дочь за то, что она сказала что-то такое, с чем я был не согласен. Если бы Бран не остановил... — Он покачал головой. — Я стал не животным, а чудовищем. И никогда не смогу снова быть ветеринаром. Пока я жив, моя семья никогда не будет в безопасности.

Последние его слова отозвались эхом. «Черт побери, — думала я. — К этому времени у

него уже должен быть прочный контроль. Если он уже целый год волк и все еще не в состоянии контролировать себя в гневе, значит, никогда не сможет, а контроль необходим для выживания. Волки, не умеющие себя контролировать, уничтожаются ради безопасности стаи. На самом деле единственный вопрос: почему Бран до сих пор не принял меры?»

Хотя ответ я знала: доктор Уоллес был одним из немногих, кого Бран считал своим другом.

— Я бы хотел, чтобы Джерри вернулся на День благодарения, — заявил доктор Уоллес. — Но я рад и возможности увидеться с тобой до твоего отъезда.

— А почему здесь нет Джерри? — спросила я. Джерри всегда куда-то ездил по поручениям Брана, но, конечно, он может вернуться до того, как его отец...

Доктор Уоллес провел рукой по моей щеке, и я поняла, что плачу.

— У него дела. Он присматривает за одинокими волками, которые находятся вне стаи. Это важно, Конечно, важно. Но если доктор Уоллес скоро умрет, сын его должен быть здесь.

— Обычно жить легче, чем умирать, Мерси, девочка, — произнес он ласково, повторив любимое высказывание моего приемного отца. — Танцуй, когда зовет луна, и не думай о неприятностях, которые еще не пришли.

Улыбка его смягчилась, и на мгновение я ясно увидела человека, каким он был когда-то.

— Здесь холодно, Мерси, и куртка тебе не очень помогает. Согрейся, девочка. Я не знала, как с ним попрощаться, поэтому ничего не сказала. Просто повернулась и ушла.

Когда часы пробили полдень, я покинула свой номер и направилась к фургону, который Чарльз — или Карл — подогнал к самой двери номера один. «Если Адам не готов ехать, ему придется искать другую машину. Я и минуты здесь не останусь».

Я открыла заднюю дверь, чтобы проверить антифриз: у фургона была небольшая течь, которую я еще не ликвидировала. А когда закрыла, рядом стоял Сэмюэль, держа полный брезентовый саквояж.

— Что ты здесь делаешь? — осторожно спросила я.

— Разве отец тебе не сообщил? — Он лениво улыбнулся той улыбкой, от которой у меня всегда начинало сильнее биться сердце. Я была в отчаянии от того, что улыбка по-прежнему на меня действует. — Он посылает меня с тобой. Кто-то должен разобраться с бандитами, которые напали на Адама, а сам он пока это сделать не в состоянии.

Я резко повернулась, но остановилась, потому что не знала, где найти Брана. И потому что Сэмюэль прав, черт побери. Мне нужна помощь.

К счастью, прежде чем я нашла подходящее оправдание своему явному отчаянию, дверь номера открылась.

Адам выглядел так, словно за последние сутки потерял двадцать фунтов. На нем были чужие штаны из шкуры оленя и куртка, расстегнутая на голой груди. Кожа вся в синяках: пурпурные, синие и черные пятна чередовались с чуть более светлыми, красными, но открытых ран не было. Адам всегда очень тщательно следил за своей одеждой и лицом, но сейчас его щеки покрывала темная щетина, а волосы были встрепаны. Он хромал и опирался на трость.

Я не ожидала, что он так быстро сможет ходить; должно быть, это удивление отразилось на моем лице, потому что он слегка улыбнулся.

— Мотивация ускоряет выздоровление, — сказал он. — Мне нужно найти Джесси.

— Мотивация способствует глупости, — пробормотал рядом со мной Сэмюэль, и улыбка Адама стала шире, хотя Потеряла свою веселость.

— Я должен найти Джесси. — Вот все, чем ответил Адам на явное неодобрение Сэмюэля. — Мерси, если бы ты не пришла вовремя, я был бы мертв. Спасибо.

Я еще не определила, каковы теперь наши взаимоотношения, и то, что теперь я знала: Бран просил его присмотреть за мной, не облегчало понимание. Но даже теперь я не могла удержаться, чтобы не подразнить его: слишком серьезно он воспринимает жизнь.

— Всегда готова прийти на выручку, — оживленно откликнулась я и с радостью увидела, как гневно вспыхнули его глаза. Но потом он рассмеялся.

Ему пришлось остановиться и справиться с дыханием.

— Черт возьми, — проронил он, закрыв глаза. — Не поступай так со мной.

Сэмюэль незаметно подошел ближе, но успокоился, видя, что Адам смог возобновить движение, не упав. Я открыла боковую дверь за пассажирским сиденьем.

— Хочешь лечь? — спросила я его. — Или будешь располагаться полусидя. Сидеть прямо тебе нельзя — трудно будет заходить и выходить.

— Я сяду. Когда ложусь, болят ребра.

Когда Адам подошел к фургону, я отступила, а Сэмюэль помог ему устроиться.

— Мерси. — За моей спиной возник Бран. Он застал меня врасплох, потому что я следила за выражением лица Адама.

Бран держал несколько одеял.

— Я хотел прийти раньше и объявить, что Сэмюэль едет с тобой, — произнес Бран, протягивая мне одеяла. — Но было дело, которое задержало меня дольше, чем я предполагал.

— А ты уже решил, что пошлешь его, когда беседовал Ар мной прошлым вечером? — осведомилась я.

Он улыбнулся.

— Да, я считал это вероятным. Хотя после ухода от Telia я еще раз переговорил с Адамом, и это кое-что прояснило. Чарльза с несколькими волками для поддержки я отправляю в Чикаго. — Он улыбнулся шире, отвратительной улыбкой хищника. — Он узнает, кто создает новых волков без разрешения, и позаботится, чтобы это прекратилось и у нас больше никогда не было такой проблемы.

— Почему бы не послать Сэмюэля и не отправить со мной Чарльза?

— У Сэмюэля нутро слишком слабое, чтобы справиться в Чикаго, — чуть задышавшись, проговорил Адам. Я оглянулась и увидела, что он сидит прямо на коротком среднем сиденье. На лбу у него испарина.

— Сэмюэль врач и доминант, он помешает Адаму съесть кого-нибудь, пока тот не выздоровеет, — сказал Сэмюэль, выбираясь из фургона и беря у меня из рук одеяла.

Улыбка Брана смягчилась и повеселела.

— Сэмюэль долго отсутствовал, — объяснил он. — Из всей стаи, кроме Адама, с ним встречался только Даррил, второй по рангу. И пока мы не поймем, что происходит, я бы предпочел, чтобы никто не знал о моем вмешательстве.

— Мы думаем, что наступает время, когда мы больше не сможем скрывать от людей свое существование, — заявил Сэмюэль, который закончил укутывать Адама одеялами. — Но мы предпочли бы контролировать это *появление* и не позволим волкам-убийцам сделать это раньше времени.

Должно быть, я выглядела ошеломленной, потому что Бран рассмеялся.

— Вопрос времени. Малый народ был прав. Развитие науки, наблюдение со спутников и

цифровые фотоаппараты делают все более трудным сохранение нашей тайны. Сколько бы ирландских волкодавов и английских мастифов ни скрещивал Джордж Браун, они не делаются похожими на волков.

В Осиновом Ручье три-четыре заводчика выводят огромных собак, чтобы объяснить странные следы и необычные зрелища. Джордж Браун, один из них, получил несколько национальных премий за своих мастифов. Собаки, в отличие от кошек, спокойно воспринимают вервольфов.

— Подыскиваете образцовый пример, вроде Кирана Макбрайда? — спросила я.

— Нет, — ответил Адам. — У вервольфов не найдется Кирана Макбрайда. Мы не безвредны и не скромны. Но можно найти героя: полицейского или еще кого-нибудь.

— Ты об этом знал? — осведомилась я.

— Слышал.

— Нам сегодня совершенно не нужен ублюдок, бегающий по Тройному городу и использующий для убийств вервольфов. — Бран через плечо оглянулся на сына. — Найди мерзавца и устрани его раньше, чем он привлечет внимание людей, Сэмюэль.

Бран единственный, кто может произнести «мерзавец» так, словно это грязное ругательство. Он даже «рождественский кролик» может сказать так, что меня страх охватывает.

Но дрожала я не от страха, а от холода. В Тройном городе большинство дней температура выше нуля. Для ноября в Монтане не очень зябко — например, ноздри у меня не слипались при дыхании, так что сейчас выше минус десяти, но все же значительно холодней, чем я привыкла.

— Где твоя куртка? — Бран заметил, что я стучу зубами.

— В номере, — ответила я. — Она не моя.

— Можешь ее взять.

— Далеко возвращаться.

Он покачал головой.

— Тогда поезжай побыстрее, пока не замерзла насмерть. — Он взглянул на Сэмюэля. — Держи меня в курсе.

— Бран, — произнес Адам. — Спасибо.

Бран улыбнулся и прошел мимо меня, чтобы поклониться и взять руку Адама.

— В любое время.

Отступив, он закрыл дверцу точно с таким усилием, чтобы она снова не открылась. Мне потребовалось три месяца, чтобы научиться этому.

Бран сунул руку в карман, достал карточку и дал мне. На белом прямоугольнике было написано его имя и два телефонных номера.

— Чтобы ты могла мне позвонить, если понадобится. Верхний номер мой сотовый — так что не рискнешь нарваться на жену.

— Бран, — подчиняясь порыву, спросила я. — Чем таким важным занят Джерри, что не может вернуться к доктору Уоллесу?

— Жалеет себя! — выпалил Сэмюэль.

Бран положил ладонь на руку Сэмюэля, но заговорил со мной.

— Случай Картера трагичный и необычный. Как правило, если волк переживает Перемену, но не протягивает и года, причина в том, что человек не может контролировать инстинкты волка.

— Я считала, что это всегда вопрос контроля, — сказала я Брану.

Он кивнул.

— Но в случае Картера дело не в недостатке, а в слишком сильном контроле.

— Он не хочет быть вервольфом, — пояснил Сэмюэль — Не хочет ощущать пламя убийства или страсть преследования. — На мгновение солнце отразилось в глазах Сэмюэля, и они блеснули. — Он целитель — и не желает отнимать жизни.

«Ах, — подумала я, — как это знакомо, доктор Сэмюэль Корник?» Сэмюэль никогда не был склонен к разговорам по душам — впрочем, это могло быть связано с моим возрастом, а не его нежеланием, — но я помнила, что у него бывали тяжелые времена: инстинкт излечивать был у него слабее инстинкта убивать. Он мне говорил, что перед хирургической операцией всегда старался наесться. Может, он считает, что доктор Уоллес лучше него, потому что предпочел умереть, а не жить с таким конфликтом?

— Если Картер не позволит волку стать частью себя, он не сможет его контролировать. — Уголки рта Брана опустились. — Он опасен и с каждой лунной становится все опаснее, Мерси. Ему нужно только один раз вступить в компромисс со своей проклятой старомодной моралью, чтобы он мог принять себя таким, каким он стал, и все будет в порядке. Но если это не произойдет скоро, то не произойдет вообще. Я не могу позволить ему увидеть еще одну луну.

— Это Джерри уговорил его перемениться, — устало проговорил Сэмюэль. — Он и курсе, что вскоре кому-то придется заняться доктором Картером. Будь он здесь, это была бы его обязанность, а он с этим не справится.

— Я этим займусь, — с глубоким вздохом произнес Бран. — Мне приходилось это делать. — Он перенес ладонь с руки Сэмюэля на его плечо. — Не все так сильны, как ты, сын мой.

В его голосе звучала бесконечная печаль, и я вспомнила троих детей Сэмюэля, не переживших Перемены.

— Забирайся в фургон, Мерси, — предложил Сэмюэль. — Ты дрожишь.

— Конечно, — откликнулась я, делая шаг в сторону. — Береги себя, Бран.

Я обошла машину спереди. Единственная причина, по которой я не бранилась вполголоса: вервольфы все бы слышали.

Я тронула фургон. Он протестовал — из-за холода, — но не очень. Пока я прогревала двигатель, Бран сказал несколько последних слов Сэмюэлю.

— Насколько хорошо Бран тебя знает? — негромко спросил Адам. Звук мотора и включенное радио помешают стоящим на улице услышать нас.

— Не очень хорошо, если думает, что я позволю все делать тебе и Сэмюэлю, — ответила я.

— Я на это и надеялся. — В его голосе прозвучало такое удовлетворением, что я оглянулась на него. Он устало улыбнулся. — Сэмюэль хорош, Мерси. Но Джесси для него ничего не значит. Я какое-то время не очень на многое гожусь: ты мне нужна ради Джесси.

Пассажирская дверца открылась, Сэмюэль плюхнулся на сиденье и закрыл ее за собой.

— Отец желает лучшего, — сказал он мне, и тем самым доказал, что знает меня гораздо лучше отца. — Он привык иметь дело с теми, кто слушается, когда он что-нибудь велит. Однако, Мерси, он прав. Ты не подготовлена для того, чтобы управляться с вервольфами.

— А мне кажется, что до сих пор у нее хорошо получалось, — спокойно сказал Адам. — За несколько дней убила двоих и не получила ни царапины.

— Повезло, — парировал Сэмюэль.

— Неужели? — В зеркало я видела, что Адам закрыл глаза; закончил он почти шепотом: — Может быть. Когда я служил в армии, везучих солдат мы держали там, где они могли принести нам удачу.

— Адам хочет, чтобы я помогла найти Джесси, — сообщила я Сэмюэлю, нажимая на газ: мы выезжали из Осинового Ручья.

После этого общение пошло на убыль. Адам после нескольких замечаний замолчал и откинулся на сиденье. Не помню, чтобы раньше я пререкалась с Сэмюэлем, но сейчас я не влюбленная шестнадцатилетняя девчонка.

Когда я подчеркнуто перестала с ним разговаривать, Сэмюэль расстегнул ремень и перебрался на заднее сиденье рядом с Адамом.

— Никогда не спорь с Мерси о том, к чему она равнодушна, — посоветовал Адам, очевидно, очень довольный. — Даже если она перестанет с тобой спорить, она все равно поступит по-своему.

— Заткнись и съешь что-нибудь, — проворчал Сэмюэль. Голос его звучал как-то необычно. Я слышала, как он открыл переносной холодильник, и фургон наполнил сладковатый запах крови.

— М-м-м, — без энтузиазма проворчал Адам. — Сырое мясо.

Но он поел, а потом уснул. Немного погодя Сэмюэль вернулся на переднее сиденье и опять пристегнулся.

— Не помню, чтобы ты была так упряма.

— Может, и не была, — согласилась я. — А может, ты не пытался мной распоряжаться. Я не член твоей стаи или стаи Брана. Я не вервольф. У тебя нет права приказывать мне.

Он хмыкнул, и какое-то время мы ехали молча. Наконец он поинтересовался:

— Ты поела?

Я отрицательно покачала головой.

— Думала перекусить в Стейндпойнте. Город вырос с тех пор, как я последний раз его проезжала.

— Туристы, — с отвращением сказал Сэмюэль. — С каждым годом их все больше и больше.

Я подумала, помнит ли он, каково было, когда он появился здесь впервые.

Мы остановились и купили достаточно жареных цыплят, чтобы накормить целую команду малой лиги — или двух вервольфов, и мне кое-что осталось. Адам ел со сдержанной яростью. Выздоровление требует очень много энергии, и он нуждался в большом количестве белков.

Когда он насытился и мы снова были в дороге — Сэмюэль опять сидел рядом со мной, — я спросила:

— А что произошло в ту ночь, когда на тебя напали? Я понимаю, что ты уже все рассказал Брану и, наверно, Сэмюэлю, но я тоже хотела бы знать.

Адам тщательно вытер пальцы влажной салфеткой, которую выдали вместе с цыплятами, — очевидно, считал, что просто вылизать недостаточно.

— Я созвал стаю, чтобы представить Мака и сообщить о твоей драке с его похитителями.

Я кивнула.

— Спустя пятнадцать минут после ухода последнего, примерно в три тридцать утра,

кто-то постучал в дверь.

Он замолчал, и я повернула зеркало, чтобы лучше видеть его лицо, но не смогла разглядеть его выражение.

— Я был на кухне, поэтому точно не знаю, что произошло, но судя по звукам, они застрелили его сразу, как только он открыл дверь.

— Что было глупо, — заметил Сэмюэль. — Они должны были понимать, что ты услышишь: даже пистолет, стреляющий шприцем, дает хлопок.

Адам хотел пожать плечами, но застыл с болезненным выражением лица.

— Черт побери — прости, Мерседес, — будь я проклят, если знаю, о чем они думали.

— Они ведь убили его не нарочно? — спросила я. «Пистолет с серебряными пулями гораздо надежней шприца с экспериментальным наркотиком».

— Пожалуй, — согласился Сэмюэль. — Похоже на обширную аллергическую реакцию на серебро.

— В шприце, который нашла Мерседес, было серебро? Так считает Чарльз? — спросил Адам. — Да, — подтвердил Сэмюэль. — Я послал шприц вместе с образцом крови Мака для более точного анализа. Похоже, они соединили ДМСО с специальным К.

— Что? — не поняла я.

— Специальный К — это кетамин, — объяснил Адам. — Его какое-то время употребляли как легкий транквилизатор, но начинали применять как успокоительное в работе с животными. На вервольфов он не действует. Нитрат серебра необходим для производства пленки. А что такое ДМСО?

— Нитрат серебра позволяет поместить серебро в раствор, — уточнил Сэмюэль. — Его использовали и при лечении инфекций глаза, хотя я бы не рекомендовал его вервольфам.

— Никогда не слышала о вервольфах с глазной инфекцией, — сказала я, хотя поняла, о чем Сэм говорит.

Он, улыбнувшись мне, ответил Адаму.

— ДМСО — это диметилсульфоксид. У него много необычных свойств. Но самое интересное то, что он помогает наркотикам пройти через защитные мембраны.

Я смотрела на дорогу перед собой, положив правую руку на нагреватель, чтобы согреть ее. Надо бы заделать щели в окнах: нагреватель не справляется с холодным воздухом Монтаны. Забавно. Я не помнила, чтобы здесь было так холодно. «Но нет места простым неудобствам, когда пытаешься кого-нибудь спасти», — решила я.

— Я помню кое-что из лабораторных работ первого курса, — заявила я. — Мы смешивали его с мятным маслом и совали палец. Я чувствовала вкус мяты.

— Верно, — произнес Сэмюэль. — То самое вещество. Взять ДМСО, смешать с раствором серебра — и готово: серебро разносится по телу вервольфа, отравляя его по пути, так что транквилизатор, в данном случае кетамин, действует на организм; в противном случае метаболизм вервольфа этому помешал бы, и средство вообще не оказало бы действия.

— Ты считаешь, что Мак умер от серебра, а не от слишком большой дозы кетамина? — спросил Адам. — В него выстрелили только два раза. В меня — четыре, может, и больше.

— Чем раньше начнешь подвергаться действию серебра, тем тяжелее последствия, — заметил Сэмюэль. — Думаю, если бы мальчишка последние несколько месяцев при их нежной заботе не был насыщен серебром, он тоже выжил бы.

— Очевидно, и кетамин, и нитрат серебра легко раздобыть, — немного погодя сказал Адам. — А как насчет ДМСО?

— Я могу его достать. Можно получить по рецепту... наверно, и в магазинах для ветеринаров тоже.

— Значит, им нужен врач? — спросила я. Но Сэмюэль покачал головой.

— Для ветеринарных препаратов — нет. Думаю, что и в аптеках его раздобыть достаточно легко: он не из числа тех наркотиков, за которыми тщательно следят. Они могли приготовить сколько угодно своего коктейля — и без всякого труда.

— Отлично. — Адам закрыл глаза, очевидно, представляя армию вторжения, вооруженную пистолетами со шприцами.

— Итак, они убили Мака, — произнесла я, когда стало очевидно, что Адам не собирается продолжать. — А что дальше?

— Я, как дурак, выбежал из кухни, и они выстрелили и в меня. — Адам покачал головой. — Я привык к тому, что почти неуязвим, это меня и подвело. Как бы то ни было, то, чем они меня начинили, лишило меня сознания, а когда я очнулся, то руки и ноги у меня были в кандалах. И я пребывал не в той форме, чтобы что-то предпринять. С трудом мог головой пошевелить и был как пьяный.

— Ты их видел? — осведомилась я. — Я знаю, что один из них человек, сопровождавший вервольфа, убитого мной у гаража. Я почувствовала его запах в комнате Джесси.

Адам приподнялся на заднем сиденье, чуть оттянув ремень.

— Адам. — Голос Сэмюэля звучал спокойно, но настойчиво.

Адам кивнул и немного расслабился, чуть потянулся, чтобы снять напряжение. — Спасибо. Когда я рассержен, мне трудней. Да, я знаком с одним из них, Мерседес. Ты в курсе, как я стал вервольфом?

Вопрос казался совершенно неуместным, но у Адама всегда есть причина того, что он говорит.

— Только, что это было во время войны во Вьетнаме, — ответила я. — Ты был в спецназе.

— Верно, — согласился он. — На долговременном задании. Меня с пятью другими отправили на охоту за особенно жестоким командиром — его нужно было убить. Нам и раньше приходилось такое делать.

— Этот командир был вервольфом? — спросила я. Адам невесело рассмеялся.

— Он нас всех перебил. Его убил один из его собственных людей, пока он пожирал беднягу Маккью. — Он закрыл глаза и прошептал: — Я по-прежнему слышу его крик.

Мы — я и Сэмюэль — ждали, и немного погодя Адам продолжил:

— Все его люди разбежались и оставили нас одних. Думаю, они не верили в его смерть, хотя ему отрубили голову. Спустя какое-то время — думаю, очень продолжительное, хотя тогда я этого не сознавал, — я обнаружил, что могу шевелиться. Все были мертвы, кроме специалиста 4 ранга^[15] Кристиансена и меня. Держась друг за друга, мы кое-как убрались оттуда. Мы были достаточно тяжело ранены, чтобы нас отправили домой: срок службы Кристиансена все равно был коротким, а меня сочли свихнувшимся, я все время бредил, поминая волков. Нас демобилизовали так быстро, что никто не обратил внимание на наше чересчур скорое выздоровление.

— С тобой все нормально? — поинтересовался Сэмюэль.

Адам вздрогнул и плотней закутался в одеяла.

— Прошу прощения. Я нечасто такое рассказываю. Это труднее, чем я предполагал. Ну

так вот, один из армейских приятелей, который вернулся за несколько месяцев до меня, узнал о моем возвращении и пришел меня навестить. Мы напились — я во всяком случае старался. Я только начал замечать, что мне нужно огромное количество виски, чтобы немного расслабиться, но тут было достаточно, чтобы у меня развязался язык, и я рассказал ему о вервольфах.

И хорошо сделал, потому что он мне поверил. Позвал родственника, и вдвоем они меня убедили, что в следующее полнолуние я отращу шерсть и кого-нибудь убью. Они отвели меня в свою стаю и держали там в безопасности, пока я не научился самоконтролю.

— А второй раненый? — спросила я.

— Кристиансен? — Адам кивнул. — Мои друзья нашли его. Должны были успеть, но он, вернувшись домой, застал жену с другим мужчиной. Он вошел в дом, а его вещи уже были упакованы, и жена с любовником ждали с документами на развод.

— И что произошло? — осведомился Сэмюэль.

— Он разорвал их в клочья. — Взгляд Адама встретился в зеркале с моим. — Даже в первый месяц, если очень сильно рассердишься, можно пройти Перемену.

— Знаю, — сказала я.

— Его убедили остаться в стае, которая научила его всему необходимому для выживания. Но насколько мне известно, он официально так и не присоединился к ним. Все эти годы жил одиноким волком.

Одинокий волк — это самец, который либо не уживается в стае, либо не может найти стаю, которая приняла бы его. Могу добавить, что у самок такого выбора нет. Что касается женщин, вервольфы еще не вступили в двадцатый век, не говоря уже о двадцать первом. Хорошо, что я не вервольф, — а может, и жаль. Кому-то следовало бы их встряхнуть.

— Кристиансен был одним из волков, пришедших в твой дом? — спросила я.

Он кивнул.

— Я его не видел и не слышал, он держался от меня подальше, но я чувствовал его запах. Было несколько людей и три или четыре волка. — Ты убил двоих, — сказала я. — Я — третьего. — Я попыталась вспомнить, что учуяла тогда, но я только искала Джесси. В доме Адама перебивала вся его стая, и некоторых из его волков я знала только по имени. — Я распознала человека, который накануне приходил к Маку, но в остальных не уверена.

— Я абсолютно уверен, что они хотели, чтобы я оставался в стороне, пока они занимаются своим делом, но весь их план был дурацким, — заявил Адам. — Да и исполнение не лучше. Сначала они убили Мака. Очевидно, судя по первой попытке у тебя в мастерской, он им был нужен, но не думаю, чтобы они хотели убить его в моем доме.

— Они оставили его у меня на пороге, — сообщила я.

— Правда? — Адам нахмурился. — Предупреждение? Я видела, что он обдумывал эту новость и пришел к тому же выводу, что и я:

— Не суйся в наши дела, и останешься в живых.

— Быстро сообразили. Ведь они не рассчитывали, что у них будет мертвец. Кто-то привез его к моему дому, бросил на порог и уехал, прежде чем я вышла. Кое-кого они оставили в твоём доме. Те все перевернули, очевидно, из-за Джесси. Я вовремя пришла, чтобы убить последнего вервольфа, с которым ты дрался. — Я попыталась сообразить, который тогда был час. — Примерно в четыре тридцать утра, насколько я могу судить.

Адам потер лоб. Сэмюэль произнес:

— Итак, они выстрелили в Мака, пальнули в Адама и подождали, пока Мак не умер.

Бросили его тело на твой порог — тогда Адам пришел в себя, а они схватили Джесси и скрылись, оставив трех вервольфов что-то закончить — убить Адама? Но тогда зачем им Джесси? Вероятно, эти трое не должны были погибнуть.

— Первый волк, с которым я дралась, был определенно новый, — заметила я. — Если и остальные такие же, они могли просто увлечься, а прочие бежали, потому что не могли их успокоить.

— Кристиансен не новый, — напомнил Адам.

— Одним из волков была женщина, — сказала я ему. — Тот, кого я убила, светло-желтой масти, почти как Ли, только потемнее. Второй был более стандартной расцветки — черно-белой. Никаких отметин не помню.

— Кристиансен рыже-золотистый, — сообщил Адам.

— Итак, пришли ли они специально за Джесси или похищение было попыткой в последнюю минуту исправить ошибку?

— Джесси. — Адам произнес это хрипло, и, оглянувшись, я поняла, что он не слышал вопроса Сэмюэля. — Я очнулся из-за крика Джесси. Теперь я вспомнил.

— На полу твоей гостиной я нашла сломанные наручники. — Я слегка затормозила, чтобы не наткнуться на дом на колесах, который полз по подъему перед нами. — Серебряные. Пол был усеян обломками стекла, мертвыми вервольфами и кусками мебели. Думаю, что где-нибудь там были и ножные кандалы. — Мне пришла в голову мысль: — Может, им все-таки был нужен Мак, а Адама наказали за то, что он его принял?

Сэмюэль покачал головой.

— Мерси, тебе они могли оставить предупреждение — или попытаться преподать урок. Стая новорожденных вервольфов, особенно если их возглавляет опытный волк, не попытается отделать Альфу, просто чтобы «наказать» его за вмешательство в их дела. Прежде всего, это самый верный способ привлечь внимание Маррока. Во-вторых, сам Адам. Он не просто Альфа бассейна реки Колумбия, он, вероятно, самый сильный Альфа во всех США, не считая, разумеется, присутствующих.

Адам хмыкнул: оценка Сэмюэля не произвела на него впечатления.

— У нас недостаточно информации, чтобы делать разумные предположения о том, что им было нужно. Мак мертв — его убили, специально или случайно. Потом они почти угробили меня и похитили Джесси. Присутствие людей, о которых ты рассказывала, свидетельствует, что это имеет отношение к происшествию, случившемуся с Маком, а присутствие Кристиансена — отношение ко мне. Будь я проклят, если знаю, что общего у нас с Маком. — Мерси, — сказал Сэмюэль.

— Я забыла сообщить, что вступила в тайное общество негодяев, пока отсутствовала, — раздраженно бросила я Сэмюэлю. — Я не пытаюсь собрать гарем из мускулистых жеребцов-вервольфов. Помните, я не была знакома с Маком, пока он не свалился на меня, уже после того как ему сломали жизнь.

Сэмюэль, успешно подцепив меня на приманку, наклонился и потрепал меня по ноге.

Я случайно посмотрела на Адама и увидела, что его глаза из шоколадных стали янтарными, а взгляд сосредоточился на руке Сэмюэля. Но тут мне пришлось снова обратить внимание на дорогу, чтобы убедиться, что дом на колесах не тормозит еще сильнее. За нами по подъему медленно тащились еще четыре машины.

— Не трогай ее, — прошептал Адам. В его голосе звучала легкая угроза, и он, должно быть, сам ее услышал, потому что добавил: — Пожалуйста.

Последнее слово остановило резкое замечание, которое я собиралась сделать: я вспомнила, что Адам еще болен, он с трудом контролирует своего волка, и наш разговор предназначался для того, чтобы его успокоить.

Но тревожилась я не о себе.

Пальцы Сэмюэля согнулись, так что он охватил мое колено и сжал его, правда, недостаточно сильно, чтобы причинить боль. Я даже не уверена, что Адам заметил бы это, если бы Сэмюэль не сопровождал свои действия низким вызывающим рычанием.

Я не хотела видеть, что сделает Адам. Резко повернув руль вправо, я нажала на тормоза, как только мы оказались на обочине. Расстегнув ремень, я повернулась и наткнулась на взгляд желтых глаз Адама. Он тяжело дышал. Реакция на насмешку Сэмюэля обострилась из-за боли, вызванной моим резким маневром.

— Ты, — произнесла я твердо, показывая на него. — Оставайся на месте. — Иногда, если говоришь достаточно решительно, даже Альфа подчиняется. Особенно если приказываешь сидеть, а каждое движение причиняет боль.

— Ты, — обратилась я к Сэмюэлю, — наружу, немедленно!

Потом я выдернула ногу из-под руки Сэмюэля и, выпрыгнула из фургона, едва не попав под проходивший мимо грузовик.

Я не была уверена, станет ли кто-нибудь из них меня слушать, но по крайней мере я разведу пару волков, стремящихся разорвать друг друга. Однако, пока я обходила фургон, Сэмюэль открыл свою дверь. К тому времени как я отошла на десяток шагов, он оказался рядом со мной, а дверь фургона была закрыта.

— И что, по-твоему, ты делаешь? — Я старалась перекрыть проходящие машины. (Ладно, я тоже рассердилась.) — Я думала, ты здесь, чтобы оберегать Адама, пока он нездоров, а не самому бросать ему вызов!

— Ты ему не принадлежишь! — резко ответил он, щелкнув зубами.

— Конечно, нет, — откликнулась я раздраженно — и немного в отчаянии. — Но тебе я тоже не принадлежу! Ради бога, Сэм, он не сказал тебе, что я принадлежу ему, он не считает, что ты вторгся на его территорию. Он просит о помощи. — Мне должны бы присудить степень доктора в психологии вервольфов; какой-то награды я заслуживаю за то, что разбираюсь в этой мешанине. — Это был не вызов, глупец. Его едва не убили, и сейчас он с трудом контролирует своего волка. Два неженатых самца вервольфа всегда вступают в спор из-за территории в присутствии самки, ты знаешь это лучше меня. Это ты должен обладать более прочным контролем, а ты ведешь себя хуже, чем он.

Я вдохнула воздух с запахом выхлопных газов. Сэмюэль помолчал и перенес тяжесть тела на каблучки — явный признак того, что он пытается уйти от спора.

— Ты назвала меня Сэм, — произнес он странным голосом, который испугал меня больше, чем исходивший от него запах насилия, потому что я не понимала, что заставляет его так себя вести. Сэмюэль, которого я помнила, был добродушен и приветлив — особенно с вервольфами. Я начинала думать, что не я одна изменилась за эти годы. Как отвечать на его слова? Какое отношение ко всему этому имеет то, что я назвала его Сэмом? Я не имела представления, поэтому решила просто не обращать на это внимания.

— Как ты можешь помочь Адаму, если сам себя не контролируешь. Что с тобой? — Я была искренне удивлена.

Сэмюэль отлично успокаивает бурные воды. Одна из его обязанностей — обучать новых волков контролю, чтобы они могли выжить. Не случайно, что у большинства волков

случаются нарушения контроля, как у Адама. Я не знала, что случилось с Сэмюэлем, — но была уверена, он не вернется в фургон, пока не разберется с тем, что его тревожит.

— Дело не в том, что ты женщина, — сказал он наконец, хотя я едва различила его слова из-за двоих проехавших мимо мотоциклистов.

— А в чем же? — осведомилась я.

Он выглядел несчастным, и я почувствовала, что он предпочел бы, чтобы я не слышала его дальнейших слов.

— Мерседес... Мерси... — Он отвел взгляд, глядя вниз по склону горы на луга, как будто искал там какую-то тайну. — Я неуверен, как только что появившийся щенок. Ты лишила меня контроля.

— Это моя вина? — недоверчиво спросила я: достаточно того, что он пугает меня до смерти. — Я не собираюсь принимать на себя вину за это.

Неожиданно он рассмеялся. И кипящий гнев, привкус насилия, стремление к господству — все то, что делало воздух вокруг нас слишком тяжелым для дыхания, — внезапно рассеялось. Остались только мы вдвоем и теплый запах Сэмюэля, запах дома и леса.

— Постой здесь, Мерси, насладись выхлопными газами, — сказал Сэмюэль: мимо как раз прошел нуждающийся в новом двигателе доставочный фургон, оставивший за собой облако черного дыма. — Дай мне несколько минут, чтобы разрядить атмосферу, прежде чем зайдешь. — Он повернулся и сделал два шага к машине. — Я тебе махну.

— Никакого насилия? — спросила я.

Он приложил руку к сердцу и поклонился.

— Клянусь!

Прошло так много времени, что я забеспокоилась, но наконец он открыл дверь и позвал меня. Окон Сэм не опускал, потому что ключи были у меня, а окна управляются электрически. По какой-то причине, которую я до сих пор не установила, окна работают только тогда, когда машина на ходу.

Я забралась на сиденье водителя и осторожно посмотрела на Адама, но у него глаза были закрыты.

Как только в моем телефоне перестало появляться «нет роуминга», я позвонила Зи.

— Кто это? — осведомился он. — Мерси.

— Не говори мне, что запчасти были для автобуса вампира, — коротко произнес он.

Я потеряла лицо.

— Я все еще не рассчиталась с ними по процентам, — не в первый раз объяснила я.

В бассейне Колумбии, который включает Ричленд, Кен-невик и Паско, а также небольшие окружающие города, такие, как Бербанк и Вест-Ричленд, всякий бизнес, который вампиры считают относящимся к их юрисдикции (а это все сверхъестественные существа, которые недостаточно сильны, чтобы им противостоять), должен платить им за покровительство. И, естественно, как и обычные рэкетиры-бандиты, вампиры защищают вас только от самих себя.

— Мы договорились, что вместе этого я буду ремонтировать их машины, а они платят за запчасти. Таким образом обе стороны сохраняют лицо, и мне приходится обслуживать только автобус Стефана и иногда «мерседес» или БМВ. Для вампира Стефан совсем не плохой.

С соседнего сиденья послышалось рычание.

— Все в порядке, — сказал Адам Сэмюэлю. — Мы присматриваем за ней. И она права для вампира Стефан не так уж плох. Говорят, он следит, чтобы у нее не было неприятностей.

Я не знала, что кто-то из вампиров собирается создать мне проблемы — и что Стефан их сдерживает.

— Я был не в курсе, — заявил Зи, который, очевидно, услышал комментарий Адама. Он поколебался. — Вампиры опасны, Мерси. Чем меньше имеешь с ними дела, тем лучше, а выписать им раз в месяц чек и отправить почтой менее рискованно, чем каждый день сталкиваться лицом к лицу.

— С этим я справляюсь, — заметила я. — Мне все еще нужно платить банку, и я буду делать это, пока не стану такой же старой, как ты.

— Ну, неважно, — произнес он наконец. — Мне не приходится иметь с ними дело. Твой новый поставщик прислал не те запчасти. Я отправил их и связался с их торговым менеджером. Нужные детали придут в пятницу — быстрее он не может, потому что завтра День благодарения. Я позвонил на автоответчик вампиру и оставил сообщение. И какой вампир проигрывает в автоответчике песню Скуби Ду? — Вопрос был риторический, поэтому он продолжил: — И заходила женщина и сказала, что ее послал друг Politzei.

Я потеряла лоб. Совсем забыла о девушке Тони.

— Ты установил, что с ее машиной?

— Мерси! — оскорблено выпалил он.

— Не обижайся. Что-нибудь нужно ремонтировать?

— Проводка ни к черту...

Я улыбнулась: помнила, какое впечатление произвела эта женщина на «женатого на работе» Тони.

— Она тебе понравилась? Зи хмыкнул.

— Ты сообщил ей расценки?

— Я еще с ней не разговаривал. На ней прямо написано «бедная и гордая». Не

разрешила мне подвезти ее и с детьми пошла домой пешком. У нее нет домашнего телефона, только рабочий.

Я про себя рассмеялась. Есть немало причин, по которым у Зи не так много денег, как у остальных старых друзей. Что ж, я тоже, вероятно, никогда не разбогатею.

— Ну хорошо. И о какой же сделке мы говорим? — поинтересовалась я.

— Я позвонил Politzei, — ответил Зи. Он знает его имя; Тони ему даже нравится, хотя Зи изо всех сил старается это скрыть. Он просто не одобряет контакты с человеческими властями. И он прав, хотя я не всегда следую его мудрым советам. Если бы следовала, не везла бы в своем фургоне двух вервольфов.

— Что он сказал? — спросила я.

— Что у нее есть старший мальчик, который ищет ра-, боту после уроков.

Я позволила ему это сказать: забавно слушать, как он ворчит. Он любит поворчать, отвратительный старик, но сердце у него из зефира.

— Теперь, когда Тед ушел, тебе не мешает пара рук. «И когда Мак умер». — Я утратила интерес к поддразниванию старого гремлина.

— Отлично, Зи. Если будешь с ней беседовать, можешь передать, что ее сын может у меня подрабатывать. Я предложу ему место Теда. Полагаю, ты уже отремонтировал ее машину?

— Да, — ответил он. — Но тебе придется самой говорить с женщиной, если завтра я тебе не понадоблюсь. Сегодня у нее рабочий день.

— Ты мне не понадобишься. Завтра Благодарение. Мастерская будет закрыта, — если ты не забудешь поставить в окно объявление об этом.

— Никаких проблем. — Он поколебался. — Возможно, у меня есть для тебя ниточка к Джесси. Я уже собирался сам тебе звонить. Одна из местных друзей, которая еще не открылась, сказала мне, что может помочь, но не станет ничего сообщать мне, пока я не поговорю с тобой.

«Еще не открылась» — значит, либо Серые Повелители еще ее не заметили, либо она относится к числу самых ужасных или могучих друзей.

На этот раз рыкнул Адам. Таковы недостатки беседы по телефону в присутствии вервольфов. Когда я сама подслушиваю, меня это почему-то не беспокоит. — Мы примерно в часе от города, — известила я Зи. — Можешь назначить встречу сегодня на вечер в месте по выбору?

— Хорошо, — буркнул он и повесил трубку.

— Все слышали? — спросила я.

— Адам не может идти, — решительно заявил Сэмюэль. — Адам, ты сам это знаешь.

Адам вздохнул.

— Хорошо. Я даже согласен, что не в состоянии сам о себе позаботиться, но я хочу, чтобы Мерси была со мной. Мы можем позвать Даррила и...

Сэмюэль поднял руку.

— Мерси, что заставило тебя отвезти Адама в Монтану, вместо того чтобы позвать на помощь стаю?

— Это было глупо, — ответила я.

— Может быть, но все равно Расскажи нам.

— Я решила связаться с Даррилом и неожиданно ощутила беспокойство. Вспомнила отрывок разговора Даррила с Беном в тот вечер ранее, но когда думаю об этом сейчас, мне

это кажется неважным.

— Что нужно было от меня Бену и Даррилу? — осведомился Адам спокойным голосом: так он говорит, когда пытается убедить, что не сердится.

— Я могу сама о себе позаботиться, Адам. Я вынесла мусор и наткнулась на них. Даррил попросил Бена оставить меня в покое. Он произнес: «Не сейчас». И мне показалось он знает: что-то должно произойти.

— Сначала ты почувствовала беспокойство, — спросил Сэмюэль, — потом придумала эту глупую причину?

— Да.

Я ощутила, как вспыхнуло мое лицо.

— А что ты сейчас чувствуешь относительно его стаи?

Я открыла рот и снова закрыла. Потом выпалила:

— Черт побери. Что-то не так. Не думаю, что Адам должен появляться в стае, пока не сможет защититься.

Сэмюэль откинулся в кресле с легкой самодовольной улыбкой.

— В чем дело? — поинтересовалась я.

— Ты что-то заметила, — ответил Адам. — Запахи или что-то еще в моем доме заставили тебя предположить, что кто-то из стаи с этим связан. Инстинкты. — Он говорил мрачно. — Мне кажется странным, что они появились сразу, как только ушли мои волки.

Я покачала головой.

— Послушайте, я ничего не знаю.

— Мы не собираемся никого убивать, — заявил Сэмюэль. — Во всяком случае не на основе твоих инстинктов — но разве вредно проявить осторожность? Позвони еще раз своему другу. Мы займемся его информацией завтра, когда Адам сможет достаточно себя контролировать.

— Нет, — сказал Адам.

— Будь я проклята, если послушаюсь. — Я не собиралась спорить с Адамом. — Чем быстрее мы найдем Джесси, тем лучше.

— Я не могу быть в двух местах одновременно, — объяснил свою позицию Сэмюэль. — И не позволю тебе одной идти бог знает куда и вести переговоры бог знает с кем.

— Мы должны начать поиски Джесси.

— Моя дочь на первом месте, — вторил мне Адам. Сэмюэль повернулся и посмотрел на него.

— У тебя в стае есть волк-доминант, которому ты доверяешь? Кто-то не в очереди на пост лидера?

— Уоррен, — одновременно произнесли мы с Адамом. Уоррен — мой любимец в стае Адама и единственный волк, чьего общества я ищу. Я познакомилась с ним сразу после переезда из Монтаны. Я тогда даже не знала, что в Тройном городе есть стая.

После отъезды из Монтаны я не сталкивалась с вервольфами и уж точно не ожидала встретить одного, работающего в ночную смену в местном магазинчике «Стоп энд Роб». [\[16\]](#) Он настороженно взглянул на меня, но в магазине были другие покупатели, поэтому он взял у меня деньги, не сказав ни слова. А я с кивком и улыбкой взяла сдачу.

После этого мы в основном игнорировали друг друга, пока однажды вечером в магазине не появилась женщина со свежим синяком под глазом. Она платила за бензин, который накачивал ее муж. Она дала Уоррену деньги, потом крепче взяла за руку мальчика, с

которым пришла, и спросила, не может ли выйти через другую дверь.

Уоррен мягко улыбнулся и провел двух испуганных людей в небольшую контору в задней части магазина, которой раньше я не замечала. Меня он попросил последить за прилавком, а сам вышел и недолго поговорил с женщиной у насоса. А когда вернулся, принес для женщины двести долларов, а ее муж умчался со скоростью, указывающей на то, что он в ужасе.

Мы с Уорреном оставались с этой избитой парой, пока за новыми клиентами не прибыла управляющая местным убежищем для женщин. Когда они уехали, я повернулась к Уоррену и наконец представилась.

Уоррен — то, что называется «хороший парень», герой.

И еще он был одиноким волком. Ему потребовалось немало времени, чтобы начать доверять мне и объяснить почему. Возможно, в другую эпоху и в другой стране не имело бы значения, что он гей. Но большинство волков, обладающих властью в США, родились тогда, когда гомосексуализм предавался анафеме, а в некоторых местах даже наказывался смертью.

Один из моих профессоров рассказывал мне, что последним официальным актом, который отказалась подписать королева Виктория, был закон, объявлявший нелегальными однополые браки. Я бы лучше думала о ней, если бы не причина, по которой королева это сделала: она считала, что женщины на такое не способны. Парламент переписал закон, сделав его распространяющимся только на мужчин, и она его подписала. Королева Виктория не была поклонником просвещения и свободы нравов. Как я уже отмечала, волчьи стаи тоже.

Безусловно, Уоррен не мог жить в тесном соседстве с другими вервольфами. Как продемонстрировали Адам и Сэмюэль всего несколько часов назад, вервольфы очень остро ощущают сексуальное возбуждение. Они воспринимают не только запах, но и повышение температуры, и учащение сердечного ритма. Сексуальное возбуждение вервольфа будит боевые инстинкты во всех окружающих самцах.

Не стоит добавлять, что волк-самец, который испытывает влечение к другим самцам, сталкивается с необходимостью постоянно драться. То, что Уоррен выжил, красноречиво свидетельствует о его бойцовских качествах. Но стая не примет волка, который причиняет столько неприятностей, поэтому столетие своей жизни Уоррен провел вдали от других вервольфов.

Это я познакомила Уоррена с Адамом, который тогда только поселился рядом со мной. Я пригласила Уоррена на ужин, и мы о чем-то — уж не помню о чем — разговаривали и смеялись, когда завыл один из волков Адама. Никогда не забуду отчаяния, промелькнувшего на лице Уоррена.

Когда я росла, я постоянно слышала: волки могут жить только в стаях. До сих пор не знаю как, но выражение лица Уоррена дало мне понять, что одиночество для волка — совсем не обычное обстоятельство.

На следующее утро я постучала в переднюю дверь Адама. Он вежливо меня выслушал и взял листок с телефонным номером Уоррена. Я ушла из его дома, зная, что потерпела поражение.

Уоррен рассказал мне, что произошло дальше. Адам пригласил его к себе и два часа расспрашивал. В конце разговора заявил, что ему все равно, с кем спит волк, пусть даже с утками, лишь бы слушался приказов. Не точно в таких выражениях, но суть Уоррен передал мне верно. Адам, как и любое свое оружие, использует грубость редко, но с большим эффектом.

Вероятно, некоторые сочтут странным, что, хотя Дар-рил выше по положению в стае, Уоррен — лучший друг Адама. Но они оба герои, две горошинки из одного стручка, — ну, разве что Адам не гей.

Стая была недовольна, когда в ней появился Уоррен. Помогло отчасти то, что большинство волков стаи моложе даже Адама, а за последние несколько десятилетий жесткие нравы Викторианской эпохи значительно изменились. К тому же никто из стаи не хотел иметь дело с Адамом. С Уорреном тоже.

Уоррену было все равно, что думают остальные волки, лишь бы у него была стая, к которой он мог принадлежать. Если Уоррену нужны были друзья, у него была я и был Адам. Ему было достаточно.

Уоррен никогда не предаст Адама: без Адама у него не будет стаи.

— Я позвоню ему, — с облегчением произнесла я. Он отозвался после второго гудка.

— Уоррен слушает. Это ты, Мерси? Где ты была? Знаешь ли ты, где Адам и Джесси?

— Адам ранен. Те, кто это сделал, забрали Джесси.

— Попроси его, чтобы он никому не говорил, — сказал Сэмюэль.

— Кто это? — неожиданно холодным тоном осведомился Уоррен.

— Сэмюэль. Сын Брана.

— Это заговор? — спросил Уоррен.

— Нет, — ответил Адам. — По крайней мере не со стороны Брана.

— Прошу прощения, — заявила я. — Но по телефону беседую я. Не будете ли так добры сделать вид, что это частный разговор? Это относится и к тебе, Уоррен. Перестань прислушиваться к тем, кто у меня в фургоне.

— Хорошо, — согласился Уоррен. Он уловил голос Адама и слегка успокоился, перешел на свой обычный тexasский говор. — Как ты, Мерси? — начал он любезно, но постепенно тон его становился все серьезней. — Слышала ли ты поразительную новость: дом Альфы взломан, а он сам и его дочь исчезли? Единственная ниточка — сообщение, оставленное на автоответчике это проклятой русской колдуньи. И она никому не дает его прослушать. Говорят, это сообщение от тебя, но точно никто не знает.

Сэмюэль откинулся на спинку и закрыл глаза.

— Скажи ему, что объяснишь, когда мы приедем. Я любезно улыбнулась.

— Мои дела с каждым днем все лучше, Уоррен. Спасибо за заботу. Монтана прекрасное место, но я не рекомендую проводить там отпуск в ноябре, если ты не катаешься на лыжах.

— Двадцать лет не вставал на лыжи, — ответил Уоррен гораздо спокойнее. — Адам тоже увлекся лыжами во время вашей поездки?

— Лыжи у него есть, но здоровье не позволило. Я везу с собой врача, но выяснилось, что нам обоим нужно будет вечером уйти, так не согласишься ли ты поухаживать за больным?

— С радостью. Я сегодня вечером все равно не работаю. Так значит, Джесси похитили?

— Да. И в данный момент нам нужно, чтобы ты это сохранил в тайне.

— Сегодня утром я проезжал мимо твоего дома, — сообщил Уоррен. — Там было очень оживленно. Возможно, это просто стая пытается разобраться, но если хочешь избежать внимания, можешь провести ночь у меня.

— Думаешь, это стая? — спросил Адам. Уоррен фыркнул.

— А кто мне доложит об этом. Даррил? Ауриэль мне позвонила и рассказала, что тебя нет, а без тебя женщин ни к чему не подпускают. Считается, что вся стая тебя ищет — ищет

вас троих, но это все, что мне известно. Долго ли мне нужно держать язык за зубами?

— День или два. — Голос Адама звучал нейтрально, но Уоррену понял все, что нужно.

— Приезжай ко мне. Не думаю, чтобы кто-нибудь, кроме тебя и Мерси, знал, где я живу. У меня хватит места на всех, если, конечно, там, у вас, нет кого-то промолчавшего.

У каждого Тройного города свой вкус, и Ричленд наиболее полно отразил всю сумятицу начала ядерной эры. Когда правительство решило соорудить здесь завод по производству оружейного плутония, ему пришлось построить и город. Повсюду разбросаны дома двадцати шести образцов, призванные предоставлять жилье работникам атомной промышленности. Каждый тип имеет свое буквенное обозначение, начиная с «А» и кончая «Z». Я не знаю их все, но серии «А» и «В», большие двухквартирные дома, весьма впечатляют. Дома «А» похожи на фермы на востоке страны — двухэтажные, прямоугольные и без всяких украшений. Дома «В» — одноэтажные параллелепипеды. Большинство домов заметно изменились: могло появиться крыльцо, если двухквартирный дом переделывали для одной семьи, а потом — снова для двух. Но как бы их ни обновляли, они оставались образцом прочности и простоты, несмотря на кирпичные фасады, крыши и обшивку кедровыми досками.

Уоррен жил в половине большого дома серии «А», перед которым рос огромный клен, занимавший почти всю переднюю лужайку. Когда я подъехала, он ждал на пороге. При первой нашей встрече у него был несколько потрепанный вид всюду побывавшего человека. Нынешний любовник уговорил его коротко постричься и немного лучше одеваться. На джинсах теперь не было дыр, а рубашка в не слишком далеком прошлом была отглажена.

Я смогла припарковаться прямо перед домом. Как только я остановилась, он сбежал по ступенькам и открыл дверь фургона.

Состояние Адама он определил одним быстрым взглядом.

— Говоришь, это произошло ночь назад? — спросил он.

— Угу.

У него такой убедительный акцент, что иногда даже я попадаюсь на удочку, хотя я знаю, что он никогда не был в Техасе.

Уоррен сунул большие пальцы рук в карманы джинсов и принялся раскачиваться на каблуках своих поношенных ковбойских сапог.

— Что ж, босс, — протянул он. — Думаю, мне повезло, что ты еще жив.

— А мне повезет, если ты сумеешь мне помочь, — проворчал Адам. — Утром я себя неплохо чувствовал, но рессоры этой штуки оставляют желать лучшего.

— Все не могут разъезжать в «мерседесах», — ответила я, выходя из машины. — Уоррен, это сын Брана, доктор Сэмюэль Корник. Он здесь, чтобы оказать нам помощь.

Уоррен и Сэмюэль осмотрели друг друга, как пара ковбоев в фильмах пятидесятых годов. Затем, повинуясь какому-то невидимому мне сигналу, Сэмюэль протянул руку и улыбнулся.

— Рад знакомству.

Уоррен промолчал, но пожал протянутую руку с таким видом, словно получал от этого большое удовольствие. Адаму Уоррен сказал:

— Боюсь, легче будет внести тебя, босс. Сначала ступеньки крыльца, потом лестница в спальню.

Адам недовольно нахмурился.

— Ладно.

Уоррен с Адамом на руках выглядел несколько странно: Адам хотя и не рослый, но широкий, а Уоррен сложен скорее как бегун марафонец. Такие вещи вервольфы не должны очень часто проделывать на публике.

Я открыла перед ними дверь, и Уоррен начал подниматься по лестнице. Сэмюэль остался со мной в гостиной.

Половина Уоррена, конечно, просторней моего фургона, но комнаты маленькие, и мой дом всегда казался мне больше.

Свое жилище Уоррен обставил мебелью, купленной на гаражных распродажах, [\[17\]](#) и книжными шкафами с самыми разными книгами, от научных монографий до потрепанных пейпербеков с ярлыками дешевых магазинчиков.

Сэмюэль уселся на доброй половине плюшевого дивана и вытянул ноги. Я отвернулась от него и принялась рыться в ближайшем книжном шкафу. Я чувствовала его взгляд, но не знала, о чем он думает.

— О, Мерси, — послышался мягкий голос. — Какой красавчик. Почему ты с ним не флиртуешь?

В дверях кухни я увидела Кайла, нынешнего любовника Уоррена. Он стоял, прислонившись к косяку, в типичной для себя позе, демонстрируя загорелую кожу и отлично сшитый костюм.

Эта поза обманчива, как и надутые губки Мэрилин Монро — она призвана скрывать острый интеллект, который сделал Кайла самым высокооплачиваемым в городе адвокатом по делам о разводе. Он сам мне однажды сказал, что открытая демонстрация принадлежности к геям так же полезна для его бизнеса, как и репутация акулы. Разводящиеся дамы предпочитают его даже женщинам-адвокатам.

Сэмюэль напрягся и жестко взглянул на меня. Я понимала, что это значит: он не хотел, чтобы в дела вервольфов вмешивался человек. Я решила не обращать на него внимания; к сожалению, Кайл обратил — и неверно истолковал причину недоброжелательного отношения к себе.

— Рада тебя видеть. Это старый друг, приехавший из Монтаны. — Я не хотела вдаваться в подробности: Уоррену решать, что рассказать Кайлу. — Сэмюэль, это Кайл Брукс. Кайл, познакомься с доктором Сэмюэлем Корником.

Кайл плечами оттолкнулся от косяка и вплыл в комнату. Он поцеловал меня в щеку и сел на диван как можно ближе к Сэмюэлю.

Конечно, его не интересовал Сэмюэль. Но он заметил неодобрительное отношение и решил немного отомстить. Уоррен обычно уходил, если окружающие хмурились, или игнорировал их. Кайл был совсем другим. Он всегда хотел заставить подонков поизвиваться.

Не хочу утверждать, что он искал повода к ссоре, но ведь он не знал, что не его сексуальная ориентация вызвала неодобрение Сэмюэля. Уоррен не поставил его в известность, что он вервольф. Было строго запрещено сообщать об этом всем, кроме постоянных спутников жизни — для вервольфов это означает только пары из самца и самки, — и за нарушение предусматривалось строгое наказание. У вервольфов нет тюрем. Те, кто не соблюдает правила, наказываются физически или уничтожаются.

К моему облегчению, вызывающее заигрывание Кайла Сэмюэля скорее позабавило, чем рассердило. Появившись на лестнице, Уоррен остановился, увидев руку Кайла на бедре Сэмюэля. Он начал спускаться и двигался легко и расслабленно, но я чувствовала растущее напряжение. Уоррен был недоволен. Не могу сказать, ревновал ли он или опасался за своего

любовника. Он не знал Сэмюэля, но лучше кого бы то ни было представлял, какова может быть реакция вервольфа.

— Кайл, может, стоит взять несколько дней и проверить состояние твоего дома. — Уоррен говорил спокойно, но тexasский акцент совершенно исчез.

У Кайла есть собственный дом в богатом районе Западного Ричленда, но он переехал к Уоррену, когда тот отказался сделать обратное. Услышав слова Уоррена, Кайл застыл.

— Я кое-кого здесь спрячу на несколько дней, — объяснил Уоррен. — Ничего незаконного, но пока он здесь, мы не будем в безопасности.

Сэмюэль мог стать невидимкой, настолько Кайл перестал обращать на него внимание.

— Дорогой, если не хочешь, чтобы я оставался, я уйду. Вероятно, мне стоит принять приглашение Джорди на Благодарение.

— Всего на несколько дней, — сказал Уоррен с болью во взгляде.

— Это имеет отношение к причине твоего расстройства в последние пару дней?

Уоррен взглянул на Сэмюэля и коротко кивнул. Кайл несколько мгновений смотрел на него, потом тоже кивнул.

— Хорошо. Несколько дней. Вещи оставлю у тебя.

— Я тебе позвоню.

— Позвони.

Кайл вышел, неслышно закрыв за собой дверь.

— Ты должен ему рассказать, — заявила я. — Объясни ему все, или ты его потеряешь.

Мне нравился Кайл, но дело не только в этом: даже слепой увидел бы, что Уоррен его любит. Уоррен болезненно усмехнулся.

— Думаешь, он обрадуется, когда узнает, что спит с чудовищем? Думаешь, все сразу станет хорошо? — Он пожал плечами и сделал вид, что ему все равно. — Так или иначе он меня бросит, Мерси. Он закончил Корнелл, а я по ночам работаю на заправке. Вряд ли это союз, заключенный на небесах.

— Никогда не замечала, чтобы это его беспокоило. Он из сил выбивается, чтобы ты был счастлив. Мне кажется, ты должен что-то дать ему взамен.

— Это запрещено, — напомнил Сэмюэль, но голос его звучал печально. — Он не может ему открыться.

— А что, по-вашему, сделает Кайл? — возмущенно спросила я. — Всем объявит, что Уоррен вервольф? Кайл так не сделает. Он приобрел нынешнее положение, потому что умеет держать рот на замке. И он не такой человек, чтобы предать кого-нибудь. Он адвокат, он умеет хранить тайны. К тому же он слишком горд, чтобы позволить поместить свое имя в заголовках таблоидов.

— Все в порядке, Мерси. — Уоррен потрепал меня по голове. — Он меня еще не бросил.

— Бросит, если ты будешь его обманывать, — буркнула я.

Оба вервольфа просто смотрели на меня. Уоррен любит Кайла и потеряет его, потому что кто-то решил: только после свадьбы можно рассказать, кто ты, — словно тогда это может помешать катастрофе.

Я была абсолютно уверена, что и Кайл любит Уоррена. Зачем иначе ему жить здесь, а не в своем большом, современном, снабженном кондиционерами особняке с плавательным бассейном? И Уоррен собирается все это уничтожить.

— Пойду погуляю, — сказала я: на сегодня с меня хватит вервольфов. — Вернусь, когда

позвонит Зи.

Я не так цивилизована, как Кайл. Я громко захлопнула за собой дверь и начала спускаться с крыльца. Страшно разозлилась и едва не прошла мимо Кайла, сидевшего в своем «ягуаре». Кайл смотрел прямо перед собой.

Прежде чем я успела передумать, я открыла пассажирскую дверцу и села.

— Отвези нас в парк Говарда Эймона, — сказала я. Кайл взглянул на меня, но лицо его было по-адвокатски непроницаемо, хотя обоняние сообщало мне о его чувствах: гнев, боли и отчаянии.

То, что я собиралась сделать, было опасно, вне всяких сомнений. Меня не сдерживают обязательства вервольфа перед его Альфой, которые не дают открыть рот Уоррену. Если Кайл начнет всем рассказывать о вервольфах, его заставят замолчать. И если Адам или Бран, как бы они ко мне ни относились, узнают, что его проинформировала я, меня заставят замолчать тоже.

«Достаточно ли хорошо я знаю Кайла, чтобы доверить ему наши жизни?»

«Ягуар» скользил сквозь редкое движение вечера среды, как тигр по джунглям. Ни манера вождения, ни лицо Кайла никак не свидетельствовали о его гнев, от которого ускорился его пульс, и о боли, которая разогревала этот гнев, но я их чуяла.

Он свернул в парк и припарковал машину на свободном месте, каковых было много: ноябрь не самое подходящее время для прогулок по речному парку.

— Холодно, — сказал он. — Можем поговорить в машине.

— Нет, — ответила я и вышла. Он прав: очень холодно. Ветер ведь день не сильный, но Колумбия добавляет сырости в воздух. Я дрожала в своей выпачканной какао футболке — а может, это нервы. Я надеялась, что не ошиблась в Кайле.

Он открыл багажник машины, достал легкий пиджак и надел. Потом достал пальто и протянул мне.

— Надень это, пока не посинела.

Я закуталась в пальто, оно пахло дорогим одеколоном. Мы примерно одного роста, и его одежда мне подошла.

— Мне нравится. Надо купить себе такое.

Он улыбнулся, но глаза его оставались усталыми.

— Погуляем. — Я взяла его под руку и повела по дорожке мимо пустых аттракционов к тропе над рекой.

«Уоррен прав, — подумала я, — если Кайл будет знать, что он чудовище, это не поможет им наладить отношения, но у меня ощущение, что сегодняшние события станут последней каплей, если никто не просветит Кайла».

— Ты любишь Уоррена? — спросила я. — Не той любовью, которая означает хороший секс и приятное общество? Я имею в виду до-самой-смерти-и-за-ней-тоже.

Мне стало легче оттого, что он помолчал, прежде чем ответить. — Моя сестра Элли единственная во всей семье, с кем я еще общаюсь. Несколько месяцев назад я рассказал ей об Уоррене. Я сам этого не замечал, пока она не обратила мое внимание: я ей не рассказывал ни об одном из прежних любовников. — Он взял мою руку в свою, согревая ее. — Мои родители не хотели много лет признавать, кто я такой. После того как я заставил их меня выслушать — мама только собиралась познакомить меня с очередной молодой женщиной из хорошей семьи, — отец лишил меня наследства. Сестра Эллис позвонила мне, как только об этом узнала, но после первого разговора мы избегали слов о том, что я гей.

Когда я беседовал с ней, мне казалось, что у меня на груди нашита алая буква и мы оба стараемся сделать вид, что ее нет. — Он рассмеялся горько и гневно. Но когда заговорил снова, голос его звучал подавленно. — Элли попросила меня привести к ней Уоррена.

Он посмотрел на меня, и я поняла, как много это для него значит.

Мы шли быстро, и парк скоро сузился и превратился в цепочку лужаек по обе стороны тропинки. Ухоженная растительность сменилась облетевшими кустами и пожелтевшей травой по колено. На возвышении, с которого открывался вид на реку, стояли качели. Я потащила Кайла к ним и села.

Очень важно было все представить верно. И теперь, когда пришло время, я боялась, что все испорчу.

Лениво покачиваясь, мы смотрели, как под нами течет река под затянутым облаками небом. Немного погодя Кайл сильно потер лицо, чтобы согреть его — и стереть невольные слезы.

— Боже, — сказал он, и я вздрогнула. Я не вампир, который не переносит Его имени, но мне не нравится, когда его используют все. Но когда он продолжил, я решила, что, может, и не все.

— Я люблю его. — Слова словно кто-то вырывал у него из горла. — Но он не подпускает меня. Ему кто-то звонит среди ночи, и он уходит, не объясняя, куда идет.

Там, откуда мы пришли, показался одинокий велосипедист в облегающем спортивном костюме. Он промчался в мелькании спиц на своем синем велосипеде супермена.

— Красивые ноги, — заметил Кайл.

Это была наша старая игра: мы с Кайлом обменивались впечатлениями о проходящих мужчинах, а Уоррен делал вид, что злится.

Я прижалась головой к плечу Кайла.

— Слишком миниатюрные. Не люблю, когда я вешу больше моих мужчин.

Кайл отклонился назад, так что смотрел скорее на небо, чем на реку.

— Когда в прошлом месяце мы вместе были в Сиэтле, он отогнал толпу пьяных красношеих ненавистников геев, просто сказав им несколько слов. Но этот Даррил обращается с ним, как... как с грязью, и Уоррен это терпит. Не понимаю. И этот сегодняшний случай... — Кайл глубоко втянул воздух, чтобы успокоиться. — Он связан с наркодельцами?

Я быстро покачала головой.

— Нет. Ничего незаконного. «Пока нет».

— Может, он другой? — спросил Кайл таким тоном, словно это его несколько не волнует.

— Все другие открылись несколько лет назад. Он фыркнул.

— Ты не настолько тупа. Я знаю нескольких врачей и учителей, которые все еще скрывают, что они геи, — а ведь их может ожидать только потеря работы, толпа идиотов не станет жечь их дома.

Я почувствовала, что он пытается убедить себя в том, что Уоррен другой, и его возбуждение заметно спадает.

— Это многое объяснило бы. Например, то, что он так силен и знает, кто пришел, еще не открыв дверь.

«Что ж, — с надеждой подумала я, — конечно, быть другим не совсем то, что быть вервольфом. Но если он может принять одно, возможно, второе не вызовет у него

отторжения».

— Он не другой, — заявила я.

Начала говорить, кто на самом деле Уоррен, но слова застревали в горле. — Это должен был рассказать мне Уоррен, — заметил Кайл.

— Верно, — согласилась я. — Но он не может.

— Ты имеешь в виду, не хочет.

— Нет, не может. — Я покачала головой. — У меня мало друзей. Не тех, кто приходит поесть попкорн и посмотреть глупое кино. Вы с Уорреном мои друзья.

Подруг у меня вообще нет. Моя работа не способствует дружбе с женщинами.

— Печально, — произнес Кайл. Потом добавил: — Вы с Уорреном единственные, с кем я ем попкорн.

— Патетично.

Болтовня помогла. Я набрала полную грудь и выдала:

— Уоррен — вервольф.

— Кто? — Уоррен перестал раскачивать качели.

— Вервольф. Ты знаешь. Вервольф, который слышат призыв луны, бегает на четырех лапах и скалит клыки.

Кайл посмотрел на меня.

— Ты серьезно? Я кивнула.

— А ты никому об этом не скажешь ни слова.

— Правда?

— Поэтому Уоррен и не мог тебе ничего объяснить. Потому что Адам — Альфа стаи — это запретил. Если теперь ты отправишься к властям или в газеты и сообщишь, даже если тебе не поверят, стая убьет тебя. — Я понимала, что говорю слишком быстро, но не могла остановиться. Это не казалось таким опасным в доме серии «А», в присутствии только самого Уоррена и Сэмюэля. Им я была небезразлична, но многие волки будут рады видеть меня — и Кайла тоже — мертвыми за то, что я ему рассказала. — Уоррен может с ними драться, но их слишком много. Он умрет, и ты умрешь вместе с ним.

Кайл поднял руку.

— Подожди. Тебе не кажется, что ты слишком рано хоронишь меня и Уоррена? Я сделала глубокий вдох.

— Надеюсь, что это не так. Тебе придется осознать: они очень серьезно относятся к своей тайне. Почему, по-твоему, они так долго смогли оставаться нераскрытыми?

— Мерси. — Он схватил меня за руку — его ладонь была холодна, но, может, только от ветра. — Вервольф?

Он мне не поверил — и это могло быть опасно.

— Двадцать лет назад никто не знал о других. Послушай, я тебе докажу.

Я осмотрела голые, без листвы, кусты. Они недостаточно густые, чтобы я могла в них раздеться и перемениться, но на реке лодок нет, и если только какой-нибудь велосипедист не покажется в самый неудачный момент... Я могу меняться и в одежде — я становлюсь меньше, а не больше, — но я предпочла бы делать это прилично, в укрытии. Койот в человеческой одежде выглядит нелепо.

— Подожди здесь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я отдала ему Пальто, чтобы не запачкать, прыгнула с качелей и пошла по тропе к

кустам. Как можно быстрее разделась и, как только сбросила последний предмет туалета, переоделась.

Потом выбралась на тропу и села, стараясь выглядеть не опасной.

— Мерси?

Типичное адвокатское выражение невозмутимости исчезло с лица Кайла; это свидетельствовало о том, как он потрясен.

Я помахала хвостом и издала успокаивающий звук. Он, как древний-древний старик, слез с качелей и подошел ко мне.

— Койот?

Когда я направилась назад к одежде, он двинулся за мной. Я переоделась прямо перед ним — и побыстрее оделась: услышала, что приближается еще один велосипедист.

— Я не вервольф, — сказала я, проводя руками по волосам. — Но можешь составить себе представление, пока не уговоришь Уоррена поменяться при тебе.

Кайл в нетерпении сам поправил мне прическу.

— Вервольфы больше, — предупредила я. — Намного. Они не похожи на волков. Скорее огромные собаки, которые могут тебя съесть. — Все в порядке. — Он отступил на шаг. Я думала, что он говорит о моих волосах, пока он не продолжил: — Уоррен — вервольф.

Я посмотрела на его лицо адвоката и вздохнула.

— Он не мог тебе сказать. Если ты после моего рассказа не сделаешь ничего глупого — мы оба в безопасности. Но если бы тебе рассказал он, как бы ты себя ни повел, он нарушил бы прямой приказ. Наказание за это очень жестокое.

Кайл по-прежнему никак не проявлял своих эмоций. Замкнулся, и я не могла понять, что он чувствует. Мало кто из людей способен на такой самоконтроль.

— А его стая... — Он запнулся на этом слове. — Они не подумают, что он мне открылся?

— Вервольфы умеют чужую ложь. Они узнают, откуда тебе известно.

Он вернулся к качелям, взял пальто и протянул мне.

— Расскажи мне о них.

Я объясняла ему, какими опасными могут быть вервольфы и как неразумно было с его стороны флиртовать с Сэмюэлем — или с Даррилом, когда зазвонил мой сотовый.

Это был Зи.

— Дела? — спросил Кайл, когда я закрыла телефон.

— Да. — Я прикусила губу. Он улыбнулся.

— Все в порядке. Для одного дня с меня достаточно тайн. Я так понимаю, что тебе нужно назад к Уоррену.

— Пока не разговаривай с ним, — попросила я. — Подожди, пока привыкнешь. Если возникнуть вопросы, звони мне.

— Спасибо, Мерси. — Он положил руку мне на плечо. — Но думаю, остальное мне нужно обговорить с Уорреном — после того как он закончит свои дела.

Глава девятая

Когда я вошла, Сэмюэль и Уоррен сидели в противоположных сторонах гостиной и в воздухе густо пахло гневом. Глядя на них, я не могла решить, сердятся ли они друг на друга или на кого-то еще. Но вервольфы всегда готовы разозлиться на что-нибудь. Я просто забыла, каково быть рядом с ними.

Конечно, не у меня одной чутье. Уоррен, сидевший ближе к двери, глубоко вдохнул.

— Она была с Кайлом, — произнес он ровным голосом. — От нее пахнет одеколоном, который я ему подарил. Она ему *сказала*.

Он отругал меня, но в его словах было больше печали, чем гнева. Я остро почувствовала свою вину.

— Ты не мог ему *сказать* сам. — Я не извинялась. — А он заслужил право знать, что все, с чем он должен считаться, не твоя вина.

Уоррен покачал головой и бросил на меня отчаянный взгляд.

— Ты хочешь умереть? Адам может приказать казнить тебя и Кайла за это. Я видел, как это делается.

— Только меня, не Кайла.

— Нет, черт побери, Кайла тоже!

— Только если твой любовник решит обратиться к полиции или прессе. — Сэмюэль говорил спокойно, но Уоррен все равно посмотрел на него сердито.

— Ты слишком рискуешь, Мерси. — Он снова повернулся ко мне. — Как, по-твоему, я буду себя чувствовать, если потеряю вас обоих? Может, ты права, но это должен был сделать я. Это мой риск. Если ему нужно знать, *сказать* должен был я.

— Нет. Ты — в стае, и поклялся повиноваться. — На верху лестницы появился Адам, он покачивался и слегка опирался на трость. На нем была белая рубашка и джинсы по размеру. — Если бы *сказал* ты, я вынужден был бы применить закон, чтобы не вызвать восстание в стае. — Он опустил на верхнюю ступеньку более резко, чем собирался, как мне кажется, и улыбнулся мне. — Я и Сэмюэль, оба, можем свидетельствовать, что Кайл все узнал не от Уоррена, а от тебя. Вопреки возражениям Уоррена, должен добавить. И, как ты продолжаешь настаивать, ты не член стаи. — Он посмотрел на Уоррена. — Я бы давно дал тебе разрешение, но я тоже должен подчиняться правилам. Я некоторое время смотрела на него.

— Ты знал, что я собираюсь *сделать*.

— Скажем так: я намеревался спуститься вниз и приказать тебе не говорить Кайлу, чтобы ты выбежала из дома до того, как он уедет.

— Ублюдок, ты мной манипулировал, — произнесла я с ноткой благоговения и страха. «Сниму три шины со своего старого „рэббита“!»

— Спасибо. — Адам скромно улыбнулся.

«А когда Джесси вернется, она поможет мне расписать его граффити».

— Как он это принял? — спросил Уоррен. Он встал с дивана и смотрел в окно. Руки его вели себя спокойно, никак не выдавая его чувств.

— Он не собирается обращаться в полицию, — заверила я Адама и Сэмюэля. Поискала слова, чтобы обнадежить Уоррена, но не захотела возбуждать его надежды, если я в Кайле ошиблась. — Он обещал поговорить об этом с тобой. После того как завершится это дело.

Уоррен неожиданно поднес ладони к лицу — очень похоже на то, как это делал Кайл.

— По крайней мере еще не все кончено. — Он не обращался ни к кому из нас, но я не могла вынести отчаяния в его голосе. Я тронула его за плечо и сказала:

— Смотри не испортить дело. Я думаю, все будет в порядке.

Мы с Сэмюэлем направлялись на встречу с Зи и его информанткой, и я все еще не решила, нужно ли мне сердиться на Адама за то, что он мной манипулировал. Хотя несколько он не манипулировал. Все, что он сделал — приписал мои действия своему влиянию.

Загорелся красный свет, и я остановилась за минифургоном чуть ближе, чем следует. При резком торможении Сэмюэль ухватился за сиденье и шумно выдохнул. Я скорчила рожу мальчишке, сидящему на заднем сиденье мини-фургона; он оглянулся на нас. Потом потянул нижние веки вниз и высунул язык.

— Я не возражаю против того, чтобы попасть в аварию, — сказал Сэмюэль. — Просто хотел бы, чтобы это было не напрасно.

— Что? — Я повернулась к нему, потом снова посмотрела вперед. Передний фургон закрывал всю видимость в двух футах от моего ветрового стекла. Неожиданная догадка заставила меня улыбнуться. — У нашего авто нет носа. Наш бампер — в футах от твоих ног. Ты мог бы легко пройти между машинами.

— Могу вытянуть руку и дотронуться до мальчишки. — Тот снова состроил гримасу, и Сэмюэль ответил ему, вставив большие пальцы в уши, а остальные растопырив, как рога лося. — Знаешь, одна из задач Адама заключалась в том, чтобы не позволить тебе рассказывать всему свету о вервольфах.

Загорелся зеленый свет, и мальчишка помахал нам: его машина свернула на дорогу, ведущую к федеральному шоссе. Мы тоже увеличили скорость, но здесь был заметный подъем, и требовалось какое-то время, чтобы достичь нормальной для такого шоссе скорости.

Я фыркнула.

— Кайл — это не весь мир. — Я оглянулась на Сэмюэля. — К тому же ты не хуже Адама понимал, что я собираюсь сделать. Если бы захотел, ты мог меня остановить.

— Может, я считаю Кайла достойным доверия. Я снова фыркнула.

— Может, луна сделана из зеленого сыра. Тебе все равно. Ты считаешь, что вервольфы, как другие, должны выйти из укрытия.

Сэмюэль никогда не боялся перемен.

— Мы просто не сможем дольше скрываться, — ответил он, подтверждая мою догадку. — Вернувшись в университет, я осознал, как далеко ушла за последние годы медицина. Лет десять назад, когда нам нужно было беспокоиться только об исследованиях военных и ФБР, — иметь нескольких волков на нужных постах было вполне достаточно. Но чтобы проникнуть в лаборатории полиции в каждом маленьком городке, волков просто не хватит. С тех пор как малый народ открылся, ученые гораздо больше внимания уделяют всяким отклонениям от нормы, которые раньше приписывали ошибкам оборудования или загрязнению образцов. Если отец сам не выберет подходящий момент, время выберет за него.

— Ты причина того, что он об этом задумался.

Это имело смысл. Бран всегда внимательно прислушивался к советам Сэмюэля.

— Он совсем не глуп. Поняв, с чем мы столкнулись, он пришел к такому же

заклучению. Предстоящей весной у него назначена встреча со всеми Альфами. — Сэмюэль помолчал. — Он думает использовать Адама — красавца и героя Вьетнамской войны.

— А почему не тебя? Красивый самоотверженный врач, который столетиями помогает людям оставаться в живых.

— Вот почему отец главный, а ты мелкая сошка, — ответил он. — Помни, распространенное убеждение заключается в том, что достаточно вервольфу тебя укусить, как ты сам станешь вервольфом, — что-то вроде спида. Пройдет немало времени, прежде чем люди смогут спокойно чувствовать себя рядом с нами. Лучше, чтобы они считали, что все вервольфы служат в армии или полиции. Знаешь: «Служить и защищать».

— Я не мелкая сошка, — горячо возразила я. — Мелкие сошки — это те, кто слушается. Он рассмеялся, довольный тем, что снова поймал меня на приманку.

— Ты не был против того, чтобы я *сказала* Кайлу? — спросила я наконец.

— Не был, ты права. Он слишком многое потеряет, если обратится к таблоидам, а он как раз из таких людей, в которых мы нуждаемся — чтобы держать большинство под контролем.

— Образованный, красноречивый, воспитанный юрист?

— Да, все это подходит к Кайлу.

— Но он не вполне типичен. Сэмюэль пожал плечами.

— Быть геєм — сегодня неплохая отличительная черта.

Я вспомнила, что поведал мне Кайл о своей семье, и подумала, что Сэмюэль ошибается, по крайней мере кое в чем. Но сказала только:

— Сообщу Кайлу, что ты его одобряешь. Неожиданно Сэмюэль улыбнулся.

— Лучше не надо'. Иначе он опять будет флиртовать со мной.

— Говоря о неприятностях, — осведомилась я, — что вас с Уорреном так взволновало?

— В основном Уоррена, — ответил он. — Я чужак, волк-доминант на его территории; а он и так был расстроен, потому что терял любовь всей своей жизни. Если бы я признавал, в какой степени он доминант, я бы остановился на ночь у кого-нибудь другого, но тогда он был бы недоволен.

— Он третий после Адама.

— Было бы неплохо, если бы кто-нибудь известил меня об этом, — добродушно заметил Сэмюэль. — Адам ранен, второго нет, следовательно, Уоррен оказывается в роли Альфы. Неудивительно, что он так взвинчен. Я уже собирался выйти и отправиться гулять в одиночестве, когда ты вернулась. — Он пристально посмотрел на меня. — Странно, как успокоило его твое появление. Как будто пожаловал второй в стае — или подруга Адама.

— Я не принадлежу к стае, — резко произнесла я. — И я не встречаюсь с Адамом. У меня в стае вообще нет статуса. Просто я слишком долго разговаривала с Кайлом, и это отвлекло Уоррена.

Сэмюэль продолжал наблюдать за мной. Уголки его рта были приподняты, но а глаза полны мыслей, которые я не могла прочесть.

— Адам перед всей стаей объявил, что претендует на тебя. Ты это знала?

«Нет, не знала». — Я страшно рассердилась, но тут же поняла, зачем он это сделал.

— Ему нужно было удержать стаю, чтобы кто-нибудь не убил меня. Волки убивают койотов на своей территории. Формальное объявление меня его подругой делало мое положение безопасным. Скорее всего, об этом его попросил Бран. Но это не делает меня членом стаи и подругой Адама. Первое — потому что я койот, второе — потому что прежде

чем объявить меня своей подругой, меня об этом нужно попросить.

Сэмюэль рассмеялся, но невеселым смехом.

— Можешь думать, что хочешь. Сколько у нас времени, прежде чем мы отыщем этот бар?

— Он в конце Паско, — ответила я. — Будем там через десять минут.

— Что ж, почему бы тебе пока не рассказать мне о Зи и об этой другой?

— Я мало что знаю. О другой. Просто что у нее есть информация, которая может нас заинтересовать. А что касается Зи, то он греmlin. Когда я закончила колледж, он взял меня на работу, потом я выкупила у него мастерскую, когда он ушел на пенсию. Но он по-прежнему помогает мне, когда я нуждаюсь в помощи — или когда ему скучно. Он любит что-нибудь разобрать и посмотреть, почему это не работает, но собирать обычно предоставляет мне.

— Поблизости есть резервация других. Я кивнула.

— Примерно в сорока милях. Возле Уолла-Уолла.

— Адам считает, что присутствие здесь меньших других привлекает сюда и больших.

— Я об этом ничего не знаю. Я могу учуять их волшебство, но не могу определить, насколько они сильны.

— Он также считает, что именно поэтому здесь, в Тройном городе, больше вампиров, призраков и всяких других, чем, скажем, в таком большом городе, как Спокан.

— Я стараюсь не вмешиваться в дела других видов. Избегать вервольфов не получается — ведь Адам живет по соседству, — но я пытаюсь. Единственные другие, с которыми я связана, это Зи и его сын Тед.

— Другие охотно общаются с тобой. — Сэмюэль вытянул ноги, закинул руки за голову и расставил локти, как крылья. — Адам говорит, что твой прежний босс — один из старейших других, а как ты знаешь, кузнецы по металлу, гремлины, не относятся к меньшим другим. К тому же Адам рассказал, что тебя частенько навещает вампир Стефан. Потом этот коп. Привлекать к себе внимание полиции опасно.

«Похоже, Бран в курсе всех моих дел».

— Зи заставили выйти на поверхность Серые Повелители. Значит, они относят его к меньшим другим. Стефан любит свой автобус, а я позволяю ему помогать в ремонте.

— Что?

Я забыла, что он не знаком со Стефаном.

— Он не похож на большинство вампиров, — попыталась я объяснить.

Хотя Стефан единственный вампир, с которым я знакома, я знаю, как они предположительно ведут себя: как и все остальные, я хожу в кино.

— Все вампиры одинаковы, — мрачно сказал Сэмюэль. — Просто некоторые умеют это лучше скрывать.

Спорить с ним бесполезно — тем более что в принципе я с ним согласна.

— А полицейский не моя вина, — проговорила я, сворачивая в Паско. Подходящее время для смены темы. — «Волшебная гора» в Уолла-Уолла — это бар, куда приходят туристы поглядеть на других. Те другие, которые не хотят, чтобы на них глазели, обычно заходят к дядюшке Майку здесь в Паско. Зи говорит, что тут заклятие, не дающее заходить людям. Меня оно не затрагивает, а что касается вервольфов — не знаю.

— Без меня ты не пойдешь, — заявил он.

— Отлично.

«Никогда не спорь с вервольфом раньше времени», — напредила я себе.

Бар дядюшки Майка расположен напротив моего гаража, через реку Колумбия, он находится вблизи Индустриального парка Паско. В небольшом здании раньше размещался склад. По обе стороны от него строения сплошь расписаны местными мальчиками. То ли волшебство прогоняет уличных художников, то ли у кого-то есть много краски и кистей, но стены заведения Майка всегда выглядят безупречно чистыми. Я свернула к бару и выключила фары. Около семи, для большинства посетителей еще рано, но на стоянке уже были четыре машины, в том числе грузовик Зи.

Внутри бара так темно, что человек, поднимающийся по ступеням от входа к прилавку, может споткнуться. Сэмюэль немного задержался у входа, но скорее из тактических соображений, а не из-за заклятия. Стойка бара занимала всю стену справа от нас. Небольшое пространство в центре комнаты было предназначено для танцев, а вокруг стояли маленькие столики.

— Вон они, — сказала я Сэмюэлю и направилась в дальний угол, где сидел Зи рядом с привлекательной женщиной средних лет в деловом костюме.

Никогда не видела Зи без маскировки: он как-то объяснил мне, что ему удобнее в человеческом облике. Он выбрал внешность довольно рослого лысеющего мужчины с небольшим брюшком. Лицо у него морщинистое, но приятное — вполне соответствующее характеру.

Он увидел нас и улыбнулся. Поскольку они с женщиной уже заняли самые удобные для защиты места, спиной к стене, мы с Сэмюэлем сели напротив. Если факт, что все помещение, в основном пустое, остается за нами, и тревожил Сэмюэля, я заметить это не смогла. Но сама повернула стул так, чтобы видеть по крайней мере хотя бы часть комнаты.

— Привет, Зи, — произнесла я. — Это доктор Сэмюэль Корник. Сэмюэль, познакомься с Зи.

Зи кивнул, но не стал представлять свою спутницу. Просто повернулся к ней.

— Это те, о ком я тебе говорил.

Она нахмурилась и постучала по столу длинными наманикюренными ногтями. Что-то в том, как она это делала, заставило меня подумать, что без маскировки она использует их как когти. Я попыталась определить ее запах, но вынуждена была заключить, что либо он отсутствует, либо она пахнет железом и землей, как Зи.

Оторвав взгляд от своих ногтей, она обратилась ко мне, а не к Сэмюэлю.

— Зи сообщил мне, что исчез ребенок.

— Пятнадцати лет, — уточнила я, чтобы все было ясно. Другим не нравится, если покажется, что им лгут. — Она человек и дочь местного Альфы.

— Это может доставить мне неприятности, — заявила женщина. — Но я все же поговорила с Зи. То, что я собираюсь вам рассказать, не имеет никакого отношения к другим, поэтому я могу это сделать. Обычно я не помогаю волкам, но не люблю, когда в драку втягивают невинных.

Я ждала.

— Я работаю в банке, — приступила она наконец. — Название не имеет значения, но этим банком пользуется местная семья вампиров. Взносы на их счет носят регулярный характер. — Она имела в виду, что большинство жертв платят ежемесячно. Женщина отхлебнула свой напиток. — Шесть дней назад поступил неожиданный взнос.

— Гости заплатили дань. — Я выпрямилась на стуле. Звучит многообещающе.

Одинокий другой, волк или кто-нибудь еще вряд ли переведет такую большую сумму, что она привлечет внимание.

— Я взял на себя смелость расспросить до вашего прихода дядюшку Майка, — негромко сказал Зи. — Он ни о каких гостях не слышал: это значит, что держатся они очень незаметно.

— Вам надо пообщаться с вампирами, — предложил Сэмюэль. — Адам знает, как это сделать.

— Это будет слишком долго. — Я достала свой сотовый и набрала номер Стефана. Для него еще рановато вставать, но иногда звонил мне немного позже.

— Мерси, — приветливо отозвался он. — Вернулась из поездки?

— Да. Стефан, мне нужна твоя помощь.

— Чем могу помочь?

Что-то в его голосе изменилось, но я решила об этом не беспокоиться.

— Во вторник вечером или утром в среду группа, в которую входило несколько волков не из местных, похитила дочь Альфы. Она мой личный друг, Стефан. Кое-то сообщил мне, что ваша семья может обладать информацией об этих гостях. — Это вне сферы моей ответственности. Хочешь, чтобы я навел справки?

Я колебалась. Я не очень много знаю о вампирах — только то, что умные люди их избегают. Что-то в его вопросе заставило меня думать, что он не так прост.

— А что конкретно это значит? — подозрительно осведомилась я.

Он рассмеялся — добродушным, совсем не вампирским смехом.

— Хорошо, что спросила. Это значит, что ты назначаешь меня своим представителем; а это дает мне некоторые права при занятии твоим делом, каковых в противном случае у меня не было бы.

— Права на меня?

— Не такие, какими я мог бы воспользоваться. Даю тебе слово чести, Мерседес Томпсон. Я ничего не буду заставлять тебя делать вопреки твоему желанию.

— Хорошо. В таком случае — да, я бы хотела, чтобы ты навел справки ради меня.

— А что тебе известно?

Я посмотрела на бесстрастное лицо женщины.

— Не могу тебе все рассказать. Мне сообщили, что ваша семья может знать приехавших в Тройной город, которых я ищу. Они могут заниматься какими-то экспериментами с лекарствами и наркотиками.

— Спрошу. Держи сотовый при себе.

— Не уверен, что это разумно, — заявил Зи, когда я закончила разговор.

— Ты сказал, что она имеет дело с вервольфами. — Женщина скривила верхнюю губу. — Ты не сказал, что у нее дела и с неживыми.

— Я автомеханик, — обратилась я к ней. — Недостаточно зарабатываю, чтобы платить вампирам наличными, поэтому ремонтирую их машины. У Стефана есть старый автобус, который он восстанавливает. Он единственный вампир, с которым я имела дело лично.

Она не выглядела довольной, но ее верхняя губа распрямилась.

— Я высоко ценю затраченное вами время, — произнесла я, старательно избегая обычного «спасибо», что может привести к неприятностям. Некоторые другие, если их поблагодаришь, считают, что ты перед ними в долгу. А это значит, что ты обязан сделать то, что они велят. Зи очень старался отучить меня от обычая благодарить. — Альфа будет

счастлив вернуть себе дочь.

— Всегда хорошо, когда Альфа доволен и счастлив, — ответила женщина; не могу утверждать, был ли это сарказм. Она неожиданно встала и принялась приглаживать юбку, чтобы я могла отодвинуть свой стул и дать ей пройти. Выходя, она задержалась у прилавка и что-то шепнула бармену.

— Она пахнет, как ты, — заметил Сэмюэль Зи. — Что, тоже кузнец по металлу?

— Пожалуйста, греmlin, — попросил Зи. — Возможно, это и новое название для старой вещи, но перевод неплохой. Она тролль — родственник, но не близкий. Тролли любят деньги и вымогательство, многие из них работают в банках. — Он встревожено посмотрел на меня. — Ты не должна одна идти в гнездо вампиров, Мерси, даже если тебя будет сопровождать Стефан. Он кажется лучше большинства из них, но я живу очень давно. Вампирам верить нельзя. Чем привлекательней кажутся, тем они опасней.

— Я не собираюсь никуда идти, — заверила я. — Сэмюэль прав: здесь волки не платят дань. Вероятно, те, что заплатили, не имеют никакого отношения к похищению Джесси.

Зазвонил мой телефон.

— Мерси?

Это был Стефан, но что-то в его голосе меня встревожило. Я различила еще кое-что, но теперь в баре было много народу, и кто-то включил музыку.

— Минутку, — громко сказала я — и солгала. — Я тебя не слышу. Выйду наружу.

Я помахала Сэмюэлю и Зи и направилась на стоянку, где было тихо.

Сэмюэль последовал за мной. Он начал что-то говорить, но я прижала палец к губам. Не знаю, насколько острый у вампиров слух, но рисковать не хотелось. — Мерси, сейчас нормально? — Голос Стефана звучал четко и ровно.

— Да, — ответила я и услышала женский голос, ласково попросивший Стефана:

— Узнай, пожалуйста.

Он вздохнул так, словно незнакомая женщина причинила ему боль.

— С тобой в баре Майка незнакомый вервольф?

— Да. — Я оглянулась. Никого похожего на Стефана поблизости не учуяла, а я была совершенно уверена, что почувствовала бы. Должно быть, у вампиров есть кто-то свой в баре, и этот свой знает волков Адама и сумел определить, что Сэмюэль вервольф.

— Моя госпожа удивлена тем, что ее не известили о госте.

— Волки не нуждаются в разрешении вашего семейства, чтобы приехать сюда, — заявила я. — Адам в курсе.

— Адам исчез, и стая его теперь без предводителя. — Стефан произнес это так, что его слова походили на эхо.

Я была почти уверена, что женщина не знает о том, что я ее слышу, — хотя Стефан должен помнить о моем остром слухе, потому что я демонстрировала его ему. Очевидно, не считал нужным сообщить остальным членам семьи. Конечно, такое относительно слабое существо, как я, не представляет интерес для вампиров.

— У стаи есть предводитель, — сказала я.

— Стая слаба. И волки создали прецедент. Они заплатили за право появиться на нашей территории, потому что мы сильнее стаи Адама.

Глаза Сэмюэля сузились, рот затвердел. Те, кто заплатил вампирам, — убили Мака и похитили Джесси.

— Значит, среди гостей были вервольфы! — воскликнула я. — Это не волки Брана. Они

не могут быть из стаи. У преступников нет статуса. Я сама убила двоих из них, а Адам — еще двоих. А как ты знаешь, я не очень сильна. Настоящие волки, волки из стаи, никогда бы не поддались бы такому слабому существу, как я.

Это правда, и я надеялась, что они оба поймут это.

Наступила долгая пауза. Я слышала негромкие звуки, но не могла ничего разобрать.

— Возможно, ты права, — произнес усталым голосом Стефан. — Приходи к нам и приведи своего волка. Мы определим, нуждается ли он в разрешении. Если откажешься, мы не видим причин информировать вас об этих преступниках, которые не представляют стаю.

— Я не знаю, где ваша семья.

— Я приду за тобой и провожу, — ответил Стефан и прервал разговор.

— Кажется, мы сегодня идем в гости к вампирам, — сказала я. В какой-то момент появился Зи. Я не заметила, когда это произошло, но сейчас он стоял рядом с Сэмюэлем. — Ты имеешь представление о вампирах?

Сэмюэль пожал плечами.

— Немного. Встречался раз-другой.

— Я пойду с вами, — негромко произнес старый автомеханик и допил остатки виски из стакана, который принес с собой. — Вряд ли смогу вам помочь — металл не их проклятие. Но я кое-что знаю о вампирах.

— Нет, — возразила я. — Ты мне нужен для другого. Если завтра утром я не объявлюсь, позвони по этому номеру. — Я достала из кошелька старый счет из бакалейного магазина и написала на обороте несколько цифр. — Это номер Уоррена, третьего волка в стае Адама. Расскажи ему все, что знаешь.

Он взял листок.

— Мне это не нравится.

Но в знак согласия сунул листок с номером телефона в карман брюк.

— Хотелось бы, чтобы у тебя было больше времени на подготовку. Есть ли у тебя символ твоей веры, Мерси, может, крест? Он не так эффективен, как изобразил мистер Стокер, но помогает.

— Я ношу крест, — заявил Сэмюэль. — Бран всех нас заставляет. У нас в Монтане нет вампиров, но есть другие твари, против которых крест хорош.

Сэмюэль имеет в виду самых отвратительных других, но не назовет их в присутствии Зи — это было бы невежливо. Точно так же, как Зи никогда не скажет, что третья и четвертая пули в его пистолете — он всегда его носит с собой — серебряные; я сама их для него изготовила. Конечно, он мог сделать их и сам, но я решила, что если у него будут стычки с вервольфами, то из-за меня.

— А ты, Мерси? — осведомился Сэмюэль.

Не люблю кресты. Моя нелюбовь не имеет никакого отношения к их метафизическим свойствам, которые так действуют на вампиров: когда я жила в стае Брана, я тоже носила крест. Мне известна история об этом инструменте мук Христа как о символе Князя Мира, который учил нас любить друг друга. Хорошая история, я даже в нее верю.

Но на самом деле у меня от крестов руки и ноги дрожат. Я очень хорошо помню одно из редких посещений церкви с матерью, когда мне было четыре или пять лет. Мама была бедна и жила в Портленде; она не могла бывать в церкви часто. Поэтому когда собиралась пойти, любила это делать как-нибудь необычно. Мы вдвоем по воскресеньям отправлялись в Мизулу и выбирали церковь наудачу — скорее потому, что мать считала себя обязанной

сводить меня туда, чем потому, что была особенно религиозна.

В тот раз она задержалась, чтобы поговорить с пастором, а я одна прошла в здание и, когда завернула за угол, увидела на стене огромную, больше человеческого роста, статую распятого Христа. Мои глаза были на уровне его ног, прибитых огромными гвоздями. Все было бы не так плохо, если бы талантливый художник не изобразил муки реально, вплоть до крови. Мы в тот день так и не зашли в церковь — и не ходили с тех пор. Я не могла взглянуть на крест, не увидев умирающего на нем Сына Божьего.

Так что никаких крестов. Но, будучи выращенной стаей Брана, я носила с собой кое-что другое. Я неохотно вытащила нашейное ожерелье.

Сэмюэль нахмурился. Маленькая фигурка была стилизована: вероятно, он сразу не понял, кто это.

— Собака? — спросил Зи.

— Овечка, — ответила я, убирая ее под одежду. — Потому что одно из именований Христа — Агнец Божий.

Сэмюэль слегка пожал плечами.

— Вижу, как Мерси не подпускает к себе целую комнату вампиров своей серебряной овечкой.

Я сильно толкнула его в плечо, чувствуя, как краска заливает мне лицо, но это не помогло. Он насмешливо запел:

— У Мерси была овечка... [\[18\]](#)

— Мне говорили, что имеет значение вера носящего, — сказал Зи, хотя в голосе его тоже звучало сомнение. — Ты, наверно, никогда не использовала свою овечку против вампиров?

— Нет. — Я все еще была обижена этой песенкой. — Но если действует звезда Давида — а Бран уверяет, что это так, — должно подействовать и это.

Мы все повернулись и смотрели на машину, свернувшую на стоянку, но пассажиры покинули ее и вместе с водителем, который приподнял воображаемую шляпу в адрес Зи, прошли в бар дядюшки Майка. Никаких вампиров.

— Есть ли еще что-нибудь, что нам может пригодиться? — спросила я Зи, который казался наиболее информированным из нас. Все, что я знала о вампирах, можно было поместить под общим заголовком «Держаться от них подальше».

— Молитвы не действуют, — сообщил он. — Хотя похоже, на демонов и самых древних темных других они влияют. Чеснок...

— ...действует как репеллент для насекомых, — заметил Стефан, неожиданно возникший между двумя машинами, стоявшими за Зи. — Не больно, но плохо пахнет, и вкус ужасный. Если не будешь раздражать никого из нас и не приведешь с собой друга, наевшегося чеснока, станешь частью меню в самую последнюю очередь.

Я не видела, как он подошел, не слышала и не чувала, пока он не заговорил. Зи откуда-то извлек темный кинжал с мою руку и встал между мной и вампиром. Сэмюэль зарычал.

— Простите, — скромно извинился Стефан, словно не заметив, как он ошеломил нас. — Приближаться незаметно — моя особая гордость, но обычно к друзьям я эту способность не применяю. Просто у меня была неприятная встреча, поэтому я соблюдал осторожность.

Стефан высокий, но мне всегда казалось, что он занимает места меньше, чем должен, поэтому я редко думала о нем как о крупном существе, если он только не стоял рядом с кем-

нибудь. Но сейчас я заметила, что он одного роста с Сэмюэлем и почти так же широк в плечах, хотя ему не хватало массы вервольфа.

У него правильные черты лица, и в обычном состоянии его можно даже счесть красивым. Но на лице его присутствовала такая широкая улыбка, что я утратила представление о его чертах.

Но тут он нахмурился и посмотрел на меня.

— Если хочешь, чтобы я отвел тебя к госпоже, тебе нужно одеться не так открыто.

Я оглядела себя и поняла, что на мне все еще та одежда, в которой я отправилась смотреть, что происходит в доме Адама. Казалось, это было неделю назад, но на самом деле — только накануне. Футболку мне подарил сам Стефан за то, что я научила его поправлять часы его автобуса. На ней была надпись: «Счастье — это немецкое инженерное мастерство, итальянская кухня и бельгийский шоколад» и большое пятно от пролитого какао. Вспомнив, как долго я ее ношу, я тут же ощутила, что от нее пахнет сильнее, чем обычно, и пахнет не стиральным порошком и не смягчителем воды.

— Мы совсем недавно приехали в город, — извинилась я. — У меня не было возможности зайти домой и переодеться. Но и ты ненамного лучше выглядишь.

Он покачивался на каблуках, широко расставив руки, как комик в водевиле, на потеху публики коверкающий свои движения. На нем был распахнутый черный пиджак поверх простой белой рубашки и джинсы с дырой на колене. Никогда не видела его более поделовому одетым, но почему-то он всегда выглядел так, словно... напялил чужую одежду.

— Это мой лучший вампирский костюм. Может, стоило надеть черные джинсы и черную рубашку, но терпеть не могу переигрывать.

— Мне казалось, ты нас подвезешь. — Я нарочито огляделась. — Где твоя машина?

— Я пришел быстрее. — Он не стал объяснять, как это, и продолжил: — Здесь твой фургон. Места на всех четверых хватит.

— Зи остается здесь, — заявила я. Стефан улыбнулся.

— Чтобы привести подкрепление.

— Ты знаешь, где те, кто напал на Адама? — спросила я, чтобы не комментировать его слова.

Он с сожалением покачал головой.

— Госпожа не сообщила мне больше того, что я передал вам. Я даже не уверен, что она знает правду. — Лицо его на мгновение застыло. — Можешь найти предлог и не ходить, Мерси.

— Эти гости уже убили одного человека и все перевернули в доме Адама, — сказала я ему. — Если твоя госпожа знает, где они, мы должны у нее спросить.

Он необычно чопорно поклонился мне, посмотрел на Сэмюэля и широко улыбнулся, сумев не обнажить клыки.

— Мы не знакомы. Должно быть, ты новый волк в городе.

Я представила их друг другу, но было очевидно, что Сэмюэль и Стефан не станут немедленно друзьями — и вина в этом не Стефана.

Я слегка удивилась. Оба отличались добродушным очарованием, которое заставляет окружающих улыбаться. Но поведение Сэмюэля было необычайно мрачным. Очевидно, он не любит вампиров.

Я забралась в фургон и подождала, пока Сэмюэль и Стефан закончат очень вежливо спорить, кому где сидеть. Оба хотели располагаться сзади. Я надеялась, что Стефан

постарается быть сговорчивым, но не тут-то было, Сэмюэль же не хотел, чтобы вампир находился у него за спиной.

Прежде чем Сэмюэль не вышел из себя и прямо не заявил Стефану об этом, я вмешалась:

— Мне нужно, чтобы Стефан сидел рядом со мной и показывал дорогу.

Зи постучал мне в окно и, когда я включила двигатель и опустила стекло, дал мне кинжал, который вытащил, когда впервые появился Стефан, дал вместе с чем-то кожаным, похожим одновременно на ножны и пояс.

— Возьми. Пояс можно перестегнуть, чтобы он был тебе впору.

— Разрешите? — почтительно спросил Стефан, устраиваясь рядом со мной на переднее сиденье. Когда Зи коротко кивнул, я протянула ему кинжал.

Вампир поднял кинжал и стал поворачивать и разглядывать его в тусклом освещении. Потом хотел вернуть его мне, но Сэмюэль протянул руку и перехватил оружие. Проверил остроту, слегка проведя лезвием по большому пальцу. Ахнув, отвел клинок и сунул палец в рот.

Мгновение ничего не происходило. И тут на нас накатила волна Силы — но не такой, какую призывает Альфа, и не такой, какую использует Елизавета Аркадьевна. Эта Сила походила на ту, с помощью которой маскируются другие, и от нее у меня во рту появился вкус металла и крови. Через несколько мгновений все снова стихло.

— Я бы сказал, что кормить старое лезвие кровью, — не лучшая мысль, — спокойно заметил Стефан.

Зи засмеялся — глубоким низким смехом, отчего голова его запрокинулась.

— Прислушайся к вампиру, Сэмюэль, сын Брана. Моей дочери слишком нравится вкус твоей крови.

Сэмюэль вернул мне кинжал.

— Зи, — произнес он так, словно только сейчас что-то пришло ему в голову. И продолжил по-немецки: — Siebold Adelbertkrieger aus dem Schwarzenwald.

— Зибольд Адельбертсмайтер из резервации Уолла-Уолла, — спокойно представился Зи.

— Кузнец Зибольд Адельберт из Черного Леса, — перевела я, впервые пользуясь знаниями, полученными в ходе двухлетнего изучения языка в колледже. Неважно: по-английски или по-немецки, но слова, которые Сэмюэль произнес как почетнейший титул, для меня ничего не значили.

Отправляйтесь в любую ирландскую деревню, и там вам назовут имена других, живших с предками. Скалы и пруды там носят имена брауни и келпи,^[19] когда-то в них живших. Немецкая история сосредоточивается на героях. Только о некоторых немецких других, таких как Лорелея или Румпельstiltskin,^[20] сохранились истории, которые могут подсказать, с какими другими ты имеешь дело.

Но Сэмюэль, очевидно, кое-что знал о Зи.

Зи увидел выражение моего лица и снова рассмеялся.

— Не забивай себе голову, девочка. Мы живем в настоящем, и пусть прошлое само о себе заботится.

У меня диплом историка — и это одна из причин того, что я стала автомехаником. В основном я удовлетворяю свое любопытство, читая исторические романы. Я раньше пыталась уговорить Зи что-нибудь рассказать мне, но он, как и вервольфы, не любит

разглагольствовать. В прошлом слишком много теней. Но теперь, вооруженная этим именем, я заберусь в Интернет, как только окажусь дома.

Зи посмотрел на Стефана, и смех в его глазах погас.

— Вероятно, кинжал не очень подходит против вампиров, но я буду лучше себя чувствовать, если у нее есть чем защищаться.

Стефан кивнул.

— Он будет позволен.

Кинжал лежал у меня на коленях, как самое обычное оружие, но я помнила исходившую от него волну Силы, и осторожно вложила его в ножны.

— Не смотри им в глаза, — неожиданно сказал Зи. — Это относится и к вам, доктор Корник.

. — Не играй с вампирами в господство, — оскалился Сэмюэль. — Я помню.

Вторая половина этого старого афоризма волков — «просто убивай их». Я была рада, что он ее не произнес.

— Больше ни о чем не хочешь предупредить, вампир, ставший другом Мерси? — спросил Зи у Стефана.

Тот пожал плечами.

— Я бы не согласился на это, если бы считал, что госпожа задумала зло. Просто она скучает. Мерси прекрасно умеет отвечать вежливо, но так, чтобы ничего не обещать. Если волк сможет вести себя так же, мы еще до рассвета благополучно окажемся в своих постелях.

Глава десятая

Я не представляла себе, где могут жить вампиры. Вероятно, на меня произвели впечатление все эти ночные фильмы ужасов, и я рисовала в воображении большое викторианское поместье в самом неблагополучном районе города. Несколько таких мест есть в даунтауне Кенневика, но все они отполированы и покрашены, как пожилые оперные звезды. И хотя поблизости немало жилых кварталов, все они застроены слишком маленькими домами, чтобы вместить семью вампиров.

Не следовало удивляться, что мы ехали по улице, где в конце каждого элегантно вымощенного подъездного пути стояли «мерседесы», «порше» и БМВ. Дорога была проложена по холму, который нависает над городом, и уже тридцать лет врачи, адвокаты и высшие менеджеры строят свои дома в четыре тысячи квадратных футов на участках, расположенных на крутых склонах. Но, как сказал Стефан, вампиры поселились здесь первыми.

В конце концов от главной улицы отошла небольшая дорога из гравия, проходящая между двумя двухэтажными кирпичными домами. Дорога выглядела почти как подъездной путь, но проходила мимо строений и углублялась в незастроенный район за ними.

Мы проехали еще с четверть мили по обычному для восточного Вашингтона скрэбу — полынь и другие травы, потом перевалили через небольшой подъем, которого, однако, оказалось достаточно, чтобы скрыть большую двухэтажную гасиенду, окруженную восьмифутовой стеной. Дорога начала спускаться, и теперь мы могли разглядеть только то, что виднелось сквозь двойные кованые ворота. Я подумала, что многочисленные испанские арки по сторонам здания прекрасно маскируют удивительно малое количество окон.

По указанию Стефана я остановила машину у наружной стены, поверхность которой была удивительно ровной. Вампир выскочил из машины и был у ворот раньше, чем Сэмюэль успел выйти.

— Оставить это? — спросила я у Стефана, держа кинжал Зи. По пути я решила, что поскольку кинжал слишком велик, чтобы спрятать его с помощью волшебства других — я им не владею, — лучше его вообще с собой не брать.

Стефан пожал плечами, слегка похлопывая себя по бедрам, как будто внимал музыке, которая мне была не слышна. Он часто так поступал: Стефан редко оставался неподвижен.

— Такой старинный артефакт заставит их больше уважать тебя, — сказал Сэмюэль, обходя фургон. — Надень его.

— Я боюсь взять неверный тон, — объяснила я.

— Не думаю, чтобы сегодня дошло до насилия, — заметил Стефан. — Кинжал не послужит поводом для ссоры. — Он улыбнулся мне. — В этом штате такое оружие незаконно. Не забудь снять, когда уедешь.

Я несколько раз обернула пояс вокруг талии. На нем оказалась самодельная пряжка с застежкой, я пропустила через нее конец пояса и завязала.

— Он слишком свободен. — Стефан протянул руку, но Сэмюэль его опередил.

— Затяни потуже вокруг талии, — посоветовал он, помогая мне. — Потом перемести набок, чтобы кинжал тебя не порезал.

Удовлетворившись, он отступил.

— Я не враг, — спокойно сказал ему Стефан.

— Мы это знаем, — произнесла я.

Стефан потрепал меня по плечу и продолжил:

— Я тебе не враг, волк. Я очень рискую, взяв вас обоих под защиту. Госпожа хотела послать за вами кое-кого еще, но не думаю, чтобы это вам понравилось. — Зачем рискуешь? — спросил Сэмюэль. — Почему берешь нас под защиту? Я понимаю, что это значит. Меня ты совсем не знаешь, а Мерси всего лишь твой автомеханик.

Стефан рассмеялся, но не убрал руку с моего плеча.

— Мерси мой друг, доктор Корник. Мама учила меня заботиться о друзьях. Разве твоя не учила тебя тому же?

Он лгал. Не представляю, почему я была в этом уверена, но он лгал.

Некоторые волки умеют определять, лжет ли их собеседник. Я могу это делать только по отношению к тем, кого очень хорошо знаю, и к тому же если я сконцентрируюсь. Дело в обычных звуках, которые издает человек: дыхание, сердечный ритм и так далее. Обычно я на это не обращаю внимания. О Стефане я никогда ничего не могла сказать, не могла определить даже самые простые эмоции, у которых запахи отчетливо различаются. Пульс Стефана менялся очень произвольно и непредсказуемо. Иногда мне казалось, что он дышит только потому, что понимает: если он не будет дышать, окружающие почувствуют себя неудобно.

И тем не менее я была уверена, что он лжет.

— Ты только что солгал нам, — заявила я ему. — Почему ты нам помогаешь?

Я высвободилась из-под его руки, чтобы повернуться и посмотреть ему в лицо; Сэмюэль при этом оставался за мной.

— У нас нет на это времени. — Обычно жизнерадостное выражение исчезло с лица Стефана.

— Я должна знать, насколько мы можем тебе верить. Он изобразил один из сценических жестов фокусника — широко развел руки и вздернул голову, — и я почувствовала, как нас окружает тонкий покров настоящего волшебства. Как и от Зи, пахло землей, но в заклятии Стефана таились гораздо более темные силы, чем у гремлины.

— Отлично, — сказал он. — Но не браните меня, если госпожа будет в дурном настроении из-за того, что мы заставили ее ждать. Ты сегодня вечером позвонила мне и задала вопрос.

— Что ты только что сделал? — негромко спросил Сэмюэль.

Стефан раздраженно вздохнул.

— Я сделал так, чтобы в разговоре участвовали только мы трое, потому что по ночам здесь поблизости бывают и другие существа.

Он снова устремил на меня свое внимание.

— Когда я связался с нашим бухгалтером, она сразу переадресовала меня к госпоже — что является не совсем обычной процедурой. Совершенно очевидно, наша госпожа гораздо больше заинтересовалась вами, доктор Корник, чем вашим вопросом. Она пришла ко мне и приказала позвонить вам — она не собиралась посылать меня за вами. Не хотела, чтобы у вас была даже такая защита, но когда я предложил свои услуги, она не стала возражать. Я здесь, Мерси, потому что хочу понять, что происходит, что вырвало госпожу из состояния летаргии, в котором она находилась со времени своего изгнания. Я должен знать, хорошо ли это или очень плохо для меня и моих сородичей.

Я кивнула.

— Хорошо.

— Но я сделал бы это и ради дружбы, — добавил он. Неожиданно Сэмюэль немного горько рассмеялся.

— Конечно. Мы все многое делаем ради дружбы с Мерси.

Стефан не повел нас через главные ворота, которые были так широки, что могли пропустить прицеп. Он направил нас к небольшой открытой боковой двери в стене.

В отличие от скрэба снаружи, земля внутри была тщательно обработана. Даже в ноябре трава в свете убывающей луны казалась темной и роскошной. У дома росли розовые кусты, виднелось даже несколько хризантем. Это был сад в строго французском стиле, с хорошо возделанными клумбами и тщательно подстриженными растениями. Будь дом в викторианском или тюдорианском стиле, сад выглядел бы он прекрасно. Но рядом с испанской гасиендой он казался странно неуместным.

Стены заросли виноградными лозами, лишившимися в это время года листвы. В лунном свете они выглядели рядами мертвецов, распятых на рамах и свесивших руки. Я вздрогнула и приблизилась к Сэмюэлю. Он странно взглянул на меня, несомненно, учувя мою тревогу, положил руку мне на плечо и привлек к себе.

Мы по мощеной дорожке миновали плавательный бассейн, прикрытый на зиму, и по широкой лужайке обогнули гасиенду. За лужайкой стоял гостевой двухэтажный дом размером в треть главного. Именно к этому зданию нас вел Стефан.

Он дважды стукнул в дверь, затем открыл ее и впустил нас в прихожую, обставленную и расписанную агрессивными цветами американского Юго-Запада, вплоть до присутствия глиняных горшков и кукол качина.^[21] Но пахло здесь незнакомыми травами, а не пустотой.

Я чихнула, а Сэмюэль наморщил нос. Возможно, эта смесь была создана специально, чтобы смутить наше обоняние, однако ароматы были сильными, но не едкими. Они мне не нравились, но не помешали ощутить иные запахи: старой кожи и гнилых тканей. Я быстро и незаметно огляделась, но не увидела ничего, что объясняло бы запах гнили: все выглядело новым.

— Подождем ее в гостиной, — сказал Стефан, проведя нас через просторный зал и коридор.

Комната, в которую мы попали, была вдвое меньше самого просторного помещения моего трейлера. Но по сравнению с тем, что я видела раньше, она казалась уютной. Мы почти оставили позади темы Юго-Запада, хотя цвета были по-прежнему теплых земных тонов.

Сиденья удобные, если вам нравится плюшевая мебель. Стефан с видом глубокого удовлетворения опустил в кресло. Я отодвинулась на самый край козетки: здесь сиденье было немного тверже, но подушки все равно обволакивали.

Сэмюэль сел в такое же кресло, как Стефан, но тут же вскочил, как только начал погружаться. Он встал у меня за спиной и стал смотреть в большое окно, доминировавшее в комнате. Первое окно, которое я встретила в этом доме.

Сквозь него струился лунный свет, падал на лицо Сэмюэля. Тот закрыл глаза и купался в нем, и я видела, что луна призывает его, хотя сейчас и не полнолуние. Со мной луна не общается, но Сэмюэль однажды поэтически пересказал мне ее песню. Выражение блаженства на лице, с каким он ее слушал, делало его прекрасным.

Не я одна это заметила.

— Как ты красив, — слышался голос; низкий чуть хриплый европейский голос.

Говорила женщина в шелковом платье с глубоким вырезом, которое казалось странным в соединении с кроссовками для бега и спортивными гольфами.

Ее рыжеватые светлые волосы были убраны с элегантной небрежностью, заколоты множеством булавок и позволяли увидеть свисающие бриллиантовые серьги, составлявшие пару с ожерельем на шее. Около рта и глаз виднелись легкие морщинки.

Запах ее слегка напоминал запах Стефана, поэтому я предположила, что она вампир, но морщинки на лице меня удивили. Стефан выглядел не старше двадцати, и я почему-то решила, что все неживые подобны вервольфам, клетки которых сами восстанавливаются, ликвидируя последствия возраста, болезней и жизненных переживаний.

Женщина вплыла в комнату и направилась прямо к Сэмюэлю, который повернулся и серьезно посмотрел на нее. Когда она прислонилась к нему и встала на цыпочки, чтобы лизнуть в шею, он рукой ухватил ее за основание черепа и посмотрел на Стефана.

Я немного передвинулась к краю сиденья и повернулась, чтобы иметь возможность смотреть через спинку кресла. Я не очень тревожилась из-за Сэмюэля — он в любую минуту был в состоянии сломать женщине шею. Может, человек не смог бы этого сделать, но он не человек.

— Лили, моя прекрасная Лили, — вздохнул Стефан, разряжая напряжение в комнате. — Не лижи гостей. Это дурные манеры.

Она остановилась, прильнув носом к коже Сэмюэля. Я сжала ручку кинжала Зи, надеясь, что мне не придется им воспользоваться. Я не сомневалась, что Сэмюэль сумеет за себя постоять, но ему не нравится причинять боль женщинам, а Лили Стефана выглядела очень женственной.

— Она сказала, что у нас для развлечения будут гости. — Лили говорила, как капризный ребенок, которому пообещали игрушку, но не дали.

— Я уверен, она имела в виду, что ты будешь развлекать гостей, дорогая.

Стефан не сдвинулся с места, но плечи его были напряжены, и он переместил вперед свой вес.

— Но он так вкусно пахнет, — прошептала Лили.

Мне показалось, что она наклонила голову вперед, но, должно быть, я ошиблась, потому что Сэмюэль не шевельнулся.

— Он такой теплый.

— Он вервольф, дорогая Лили. Тебе такая еда не понравится. — Стефан встал и медленно обошел мое кресло. Взяв одну из рук Лили, он поцеловал ее. — Проиграй нам, моя милая.

Он мягко отстранил ее от Сэмюэля и сопровождал к открытому пианино, стоявшему в углу комнаты. Подтянул банкетку и помог Лили сесть.

— А что играть? — спросила она. — Только не Моцарта. Он слишком груб.

Стефан кончиками пальцев погладил ее по щеке.

— Играй что хочешь, а мы послушаем.

Она вздохнула, опустив плечи, потом, как кукла-марионетка, распрямилась с ног до головы и опустила руки на клавиши.

Мне не нравится фортепьянная музыка. В Осиновом Ручье, когда я росла, была только одна учительница музыки, и она играла на фортепиано. Четыре года я ежедневно по полчаса барабанила гаммы и с каждым годом ненавидела пианино все больше. Оно ненавидело меня в ответ.

Мне потребовалось совсем немного времени, чтобы понять, что насчет пианино я ошибалась, — по крайней мере когда на нем играет Лили. Казалось невозможным, что все эти звуки исходят от небольшого инструмента и производит их эта хрупкая женщина перед нами.

— Лист, — прошептал Сэмюэль, отходя от окна и садясь на спинку моего кресла. Потом закрыл глаза и стал *слушать* — точно так, как слушал луну.

Как только Лили сосредоточилась на музыке, Стефан отошел от пианино. Он остановился за мной и протянул мне руку.

Я взглянула на Сэмюэля, но он был поглощен музыкой.

Я взяла руку Стефана и позволила ему поставить меня на ноги. Он отвел меня в самый конец комнаты и только тут выпустил.

— Она такая не потому, что вампир, — заговорил Стефан негромко, так, чтобы его слова не заглушали музыки. — Ее творец нашел ее в дорогом борделе, она играла там на рояле. Он решил, что она нужна ему в семье, и потому забрал ее, прежде чем понял, что она тронутая. В обычном случае она была бы милосердно убита: опасно иметь вампира, который не может себя контролировать. Я знаю, что вервольфы поступают так же. Но никто не мог лишиться ее музыки. Поэтому ее держат в семье и охраняют, как сокровище. — Он помолчал. — Обычно ей не разрешают ходить самостоятельно. Всегда назначают кого-то присматривать за ней и сохранять ее — и наших гостей — в безопасности. Может, госпожа просто забавляется.

Я смотрела, как тонкие руки Лили извлекают из инструмента звуки, полные интеллекта, которого у нее самой не было. И думала о том, что произошло, когда Лили вошла в комнату.

— Сэмюэль неправильно себя повел? — поинтересовалась я.

— У нее не было ни одного шанса. — Стефан невесело покачивался на каблуках. — У нее нет опыта для того, чтобы справиться с сопротивляющейся добычей, а Сэмюэль опытен и стар. Лили для нас драгоценна. Если бы он причинил ей вред, вся семья требовала бы мести.

— Тише, — сказал Сэмюэль.

Лили долго играла Листа. Не ранние лирические пьесы, а одно из тех произведений, который он сочинил, услышав игру Паганини. Но прямо посередине безумного потока нот она переключилась на мелодию, которую я не узнала, что-то мягкое и расслабленное, которое разлеглось в комнате, как ленивый кот. Поиграла немного «Биттлз», потом Шопена и еще что-то отдаленно восточное по стилю, прежде чем перейти к знакомой *Eine Kleine Nachtmusik*.

— Я думал, ты не хочешь играть Моцарта, — заметил Стефан, когда Лили закончила исполнять пьесу и правой рукой начала подбирать мелодию.

— Мне нравится его музыка, — объяснила она клавиатуре. — Но он свинья. — Она дважды ударила по клавишам. — Однако он мертв, а я нет. Не мертва.

Я не собиралась с ней спорить. Особенно когда она снова заиграла. Все молчали.

Неожиданно она резко встала и двинулась по комнате. Остановилась перед Сэмюэлем, и когда тот откашлялся, подошла ближе и поцеловала его в горло.

— Я хочу есть, — заявил она. — Я голодна.

— Отлично. — Стефан обнял ее, потом мягко подтолкнул к выходу.

На меня она ни разу даже не посмотрела.

— Значит, ты считаешь, что на нас нацелились? — спросил Сэмюэль с ленивой грацией, которая казалась здесь неуместной.

Стефан пожал плечами.

— На тебя, на меня или на Лили. Можешь выбирать.

— Мне кажется, это связано со слишком большими неприятностями, — вмешалась я. — Если Сэмюэль умрет, Бран все это место разнесет в клочья. В штате не останется ни одного вампира. — Я посмотрела на Стефана. — Твоя госпожа, может быть, и могущественна, но имеет значение и численность. Тройной город не так уж велик. Будь вас здесь сотни, я бы знала. Бран может призвать всех Альф Северной Америки.

— Приятно сознавать, что нас ценят. Я постараюсь, чтобы госпожа оставила волков в покое, потому что их стоит опасаться, — произнесла женщина у меня за спиной.

Я подпрыгнула от неожиданности и повернулась, а Стефан сразу оказался между мной и новым вампиром. Эта женщина не была ни хрупкой, ни соблазнительной. Не будь она вампиром, я бы дала ей лет шестьдесят, и каждый прожитый год отразился в угрюмых морщинах на ее лице.

— Эстелла, — произнес Стефан. Я не могла решить, приветствие ли это, представление или предупреждение.

— Госпожа передумала. Она не хочет подниматься к волку. Но они могут пойти к ней. — Эстелла никак не прореагировала на Стефана.

— Они под моей защитой.

Такого голоса у Стефана я никогда не слышала.

— Госпожа сказала, что ты тоже можешь присутствовать, если хочешь. — Она взглянула на Сэмюэля. — Я должна забрать кресты и любые святые предметы, если они у вас есть. Мы не допускаем к госпоже вооруженных людей.

Эстелла протянула кожаную сумку с золотой вышивкой, и Сэмюэль расстегнул свое ожерелье. Когда он доставал его из-под рубашки, оно не засветилось, не блеснуло. Просто обыкновенный металл, но я видела, как женщина содрогнулась, когда ожерелье оказалось возле ее кожи.

Она взглянула на меня, и я сняла свою цепочку и показала ей овечку.

— Крестов нет, — заявила я прямо. — Я не думала, что буду говорить сегодня с вашей госпожой.

На кинжал Зи она даже не посмотрела, не считая его оружием. Затянула сумку и взяла за завязки.

— Идемте со мной.

— Я приведу их через минуту, — сказал Стефан. — Сообщи ей, что мы идем.

Женщина подняла брови, но не произнесла ни слова и ушла, унося сумку с крестом Сэмюэля.

— Происходит что-то более важное, чем я предполагал, — быстро произнес Стефан. — Я могу защитить вас от любого здесь, но не от госпожи. Если хотите, я вас выведу и постараюсь сам что-нибудь разузнать.

— Нет, — ответил Сэмюэль. — Мы уже здесь. Давайте покончим с этим.

Он говорил медленно, слегка растягивая слова, и я заметила, что Стефан пристально взглянул на него. — Я снова предлагаю вам возможность уйти отсюда. — На этот раз Стефан посмотрел на меня. — Не хочу, чтобы вы здесь пострадали.

— Ты сможешь узнать, где те волки, если она тебе не скажет? — спросила я.

Он колебался, что само по себе было ответом.

— В таком случае мы встретимся с ней, — заявила я. Стефан кивнул, но я видела, что он встревожен.

— Тогда повторяю то, о чем предупреждал ваш греmlin. Не смотри ей в глаза. Вероятно, с ней будет еще кто-то, даже если она не позволит тебе их увидеть. Никому не смотри в глаза. У нас есть четыре или пять таких, которые могут зачаровать даже твоего волка.

Он повернулся и через весь дом провел нас к нише, в которой находилась чугунная Спиральная лестница. Когда мы начали спускаться, я решила, что мы идем в подвал, но лестница опускалась глубже. На стенах загорались маленькие огоньки, когда мимо них проходил Стефан. Они позволяли разглядеть ступеньки — и увидеть, что мы движемся по цементной трубе, но они были слишком слабы, чтобы мы могли различить что-нибудь еще. Из небольших вентиляционных отверстий веяло свежим воздухом, но это не мешало мне почуять, что находится в глубине.

— Глубоко ли мы? — осведомилась я, пытаясь подавить клаустрофобское желание повернуть и побежать назад.

— Примерно на двадцать футов под поверхность. — Голос Стефана отдавался легким эхом — или это был звук кого-то рядом с нами.

А может, я просто нервничала.

В итоге мы оказались на цементной площадке. Но даже я со своим ночным зрением в этой полной темноте могла видеть лишь на несколько ярдов во всех направлениях. Запах хлорной извести перебивал другие, незнакомые мне запахи.

Стефан шевельнулся, и загорелось несколько флуоресцентных ламп. Мы стояли в пустой комнате с цементными стенами, полом и потолком. Помещение производило впечатление стерильности.

Стефан не остановился, он пересек комнату и вошел в узкий туннель, который мягко поднимался вверх. Через одинаковые интервалы в стенах туннеля располагались металлические двери без ручек и замков. Я слышала, как за дверями шевелятся какие-то существа, и для уверенности приблизилась к Сэмюэлю, чтобы касаться его. Когда я проходила мимо одной из последних дверей, что-то изнутри ударило о нее, и гулкий звук разнесся по пространству вокруг нас. За другой дверью кто-то захохотал, и хохот перерос в дикие крики.

Я вцепилась в Сэмюэля, но он по-прежнему был совершенно спокоен, его дыхание и пульс даже не начали ускоряться. Черт возьми! Я смогла вздохнуть, только когда последняя дверь осталась позади.

Туннель повернул и перешел в крутую лестницу из двенадцати ступенек, которые закончились в комнате с круглыми оштукатуренными стенами, деревянным полом и мягким освещением. Прямо напротив лестницы стоял просторный кожаный диван цвета кофе, чей изгиб повторял изгиб стены. Опираясь на две сплошь покрытые вышивкой подушки, на диване сидела женщина. Она была в шелках. Я чуяла слабый остаток запаха шелкопряда и еще один запах, который привыкла ассоциировать с вампирами.

Само платье, несмотря на простоту, было очень дорогим, оно окутывало фигуру женщины облаком красного цвета всех оттенков, начиная от пурпурного. Маленькие ступни женщины были обнажены, если не считать ярко-красного лака на ногтях. Женщина руками обхватила колени, на которых держала книгу.

Дочитав страницу, она загнула уголок и небрежно бросила книгу на пол. Потом

спустила ноги с дивана и повернулась так, чтобы оказаться лицом к нам, прежде чем посмотреть на нас. Это было сделано так грациозно, что я едва успела опустить глаза.

— Познакомь нас, Стефано, — произнесла она глубоким низким контральто, еще более богатым из-за отчетливого итальянского акцента.

Стефан поклонился — этот формальный жест должен был диссонировать с его порванными джинсами, но каким-то образом оказался изящным. — Синьора Марсилия, позволь представить тебе Мерседес Томпсон, прекрасного автомеханика, и ее друга доктора Сэмюэля Корника, сына Маррока. Мерси, доктор Корник, это синьора Марсилия, госпожа семьи Средней Колумбии.

— Добро пожаловать, — сказала она.

Меня тревожило то, что две женщины наверху выглядели со своими морщинками и несовершенством совсем людьми. В Стефано было нечто иное, я это чувствовала. В первый же раз увидев его, я поняла, что он не человек, но те две женщины, если бы не их легкий запах, вполне могли сойти за людей.

Эта не сошла бы.

Я смотрела на, нее, пытаясь понять, почему волосы у меня на затылке встают дыбом. Ей казалось двадцать с небольшим, и она, очевидно, умерла и стала вампиром до того, как жизнь оставила на ней свой отпечаток. Волосы у нее светлые, того цвета, который у меня никак не ассоциировался с Италией. Глаза темные, такие же, как у меня.

Я торопливо отвела взгляд от ее лица; дыхание участилось, я поняла, что совсем забыла предупреждение. Но она не смотрела на меня. Как и у других вампиров, ее внимание привлекал Сэмюэль, и это вполне объяснимо. Он сын Маррока, влиятельная персона, не то что автомеханик. К тому же большинство женщин предпочитает разглядывать его, а не на меня.

— Я чем-то позабавила вас, Мерседес? — спросила Марсилия. Голос у нее был приятным, но в нем чувствовалась сила, сходная с той, которой обладает Альфа.

Я решила сказать ей правду и понаблюдать, как она ее примет.

— Вы третья женщина за вечер, которая буквально игнорирует меня, сеньора Марсилия. Однако я нахожу это вполне понятным, потому что сама бываю не в силах оторвать взгляд от доктора Корника.

— Вы часто производите такое впечатление на женщин, доктор Корник? — лукаво поинтересовалась она. Действительно ее внимание было устремлено на него.

Сэмюэль, невозмутимый Сэмюэль начал заикаться.

— Я... не... — начал он, глубоко вздохнул и чуть более похожим на обычный голосом произнес: — Думаю, вы пользуетесь большим успехом у противоположного пола, чем я.

Она рассмеялась, и я наконец поняла, что меня тревожит. В выражении ее лица и жестах было что-то неестественное, как будто она только подражает людям. Как будто если бы нас здесь не было и она не должна была бы притворяться, она являлась бы совсем не человеком.

Зи рассказывал мне, что достижения современной компьютерной графики позволяют кинематографистам создавать такие рисованные образы, которые выглядят настоящими. Но обнаружилось, что после определенного предела чем более реальными кажутся персонажи, тем сильнее отталкивают они зрителей.

Теперь я поняла, что он имел в виду.

Она во всем была *почти* правильной. Сердце ее билось, она регулярно дышала. Кожа ее

слегка покраснела, как у человека, вошедшего с холода. Но улыбка была чуть неестественной, она возникала или слишком рано, или слишком поздно. Подражание человеку было почти совершенным, но не вполне — и вот от этих-то мелких расхождений у меня и вставали волосы дыбом.

«В целом у меня нет проблем контроля, какие есть у вервольфов: койоты дружелюбные животные и легко адаптируются. Но будь я в эти минуты в форме койота, убежала бы как можно быстрее.

— Мой Стефано говорит, что вы хотите узнать о гостях, которые хорошо заплатили мне, чтобы их не трогали. — Марсилия снова проигнорировала меня, и это почему-то несколько не трогало.

— Да, — ответил Сэмюэль мягким, почти сонным голосом. — Мы, конечно, со временем все выясним и сами, но ваша информация может помочь.

— После того как я сообщу вам все, что вы хотите, — теперь она мурлыкала, как кошка, — мы поговорим о Марроке и о том, чем он заплатит мне за сотрудничество.

Сэмюэль покачал головой. — Простите, синьора, но у меня нет полномочий обсуждать такие дела. Однако я буду счастлив передать отцу то, что вы пожелаете ему сказать.

Она надула губки, и я ощутила, как она воздействует на него, почувствовала, что он начинает возбуждаться. Страшные твари за дверьми не заставили его пульс ускориться, но госпожа семьи смогла это сделать. Она наклонилась к нему, он сделал шаг вперед, и ее лицо оказалось в нескольких дюймах от него.

— Сэмюэль, — негромко сказал Стефан. — У тебя на шее кровь. Тебя укусила Лили?

— Позвольте мне взглянуть, — предложила синьора. Она глубоко вздохнула и издала голодный звук, напоминающий громыхание старых костей. — Я о вас позабочусь.

Почему-то мне эта идея показалась ужасной. И не только мне.

— Госпожа, они под моей защитой, — официальным четким голосом заявил Стефан. — Я привел их сюда, чтобы ты смогла поговорить с сыном Маррока. Их безопасность — моя честь, и я почти потерял ее, когда Лили вошла в комнату без сопровождения. Мне не хочется думать, что твои желания противоречат моей чести.

Она закрыла глаза, опустила голову и прижалась лбом к животу Сэмюэля. Снова глубоко вздохнула, и я почувствовала, как усиливается возбуждение Сэмюэля.

— Как долго, — прошептала она. — Он притягивает меня, как коньяк в зимний вечер. Мне трудно рассуждать. Кто отвечал за Лили, когда она ушла к моим гостям?

— Я узнаю, — ответил Стефан. — С удовольствием приведу этого провинившегося к тебе и увижу, что ты снова занимаешься семьей, госпожа.

Она кивнула, и Сэмюэль застонал. Этот звук заставил ее раскрыть глаза, они больше не были темными. В тускло освещенной комнате глаза ее горели красно-золотым огнем.

— Я не так хорошо владею собой, как когда-то, — очень тихо произнесла Марсилия. Почему-то я ожидала, что с огнем в глазах у нее и голос станет хриплым, но получилось наоборот: он стал глубже и еще соблазнительней, так что даже мое тело отозвалось — обычно я так на других женщин не реагирую.

— Подходящее время для твоей овечки, Мерси.

Стефан был полностью поглощен госпожой, и я не сразу поняла, что он обращается ко мне.

Я постаралась подойти поближе к Сэмюэлю. Пять лет занятий боевыми искусствами принесли мне пурпурный пояс и достаточно физических сил, чтобы поднимать части

машины не хуже мужчины; но я понимала, что все мое умение и мастерство ничего не стоит против вампира.

Я думала, стоит ли оттолкнуть от нее Сэмюэля, но тут наконец мысль, которая давно стучалась мне в голову, стала очевидной: в комнате есть и другие вампиры, которых я не вижу и не слышу — но чувствую.

Совет Стефана подсказал, что делать. Я достала свое ожерелье. Цепочка длинная, чтобы я могла снимать ее через голову, и она оказалась у меня в руке в то мгновение, когда Марсилия двинулась.

Я выросла среди вервольфов, которые бегут быстрее борзых, а я — еще немного быстрее их, но я не могла представить, что можно перемещаться так стремительно. Одно мгновение Марсилия прижималась лицом к джинсам Сэмюэля, в другое она уже обхватила ногами его талию и впилась в шею. Последующее казалось страшно медленным, хотя думаю, заняло оно всего несколько секунд.

Ярость, с которой начала кормиться Марсилия, уничтожила иллюзию, скрывавшую других вампиров, и я увидела их — шестерых у дальней стены. Они не пытались казаться людьми, и у меня создалось беглое представление о серой коже, впалых щеках и глазах, горящих, как подсвеченные бриллианты. Никто из них не пошевелился, хотя Стефан вцепился в Марсилию и пытался оттащить ее от Сэмюэля. Не вмешались они, и когда я сократила расстояние между Сэмюэлем и мной, сжимая в руке глупое ожерелье. Вероятно, они не считали ни его, ни меня угрозой.

Глаза Сэмюэля были закрыты, голова откинута, чтобы было удобно Марсии. Испуганная настолько, что едва могла дышать, я приложила серебряную овечку ко лбу Марсии и произнесла торопливую, но искреннюю молитву, чтобы овечка сработала как крест.

Фигурка была прижата к ее лбу, но Марсилия, поглощенная едой, не обращала на меня внимания. Затем почти одновременно произошло несколько вещей — только впоследствии я сумела их расставить по порядку.

Овечка у меня в руке вспыхнула причудливым голубым огнем, как хорошо отлаженная Бунзенова горелка. Марсилия отскочила к спинке дивана, как можно дальше от моего ожерелья — и от Сэмюэля. Она закричала таким высоким голосом, что он находился на пороге моего слуха, и принялась махать руками.

Все рухнули на пол: Сэмюэль, Стефан, охрана Марсии, осталась стоять только я, держа свою овечку как нелепый маленький неоновый фонарик и глядя на госпожу семьи. Вначале я подумала, что все упали по собственной воле, реагируя на какой-то не замеченный мной сигнал. Но Марсилия задрала подбородок — быстрым нечеловеческим движением — и снова закричала. Тела на полу задержались, словно от боли, которую никак не могли облегчить, и я наконец поняла, что дыхание мне перехватил не только страх, но и волшебство. Марсилия делала что-то такое, что всем им причиняло боль.

— Прекратите это, — сказала я как можно решительней. Голос мой был робким и едва слышен. Не очень впечатляюще.

Я откашлялась и попробовала снова. Если я сумела посмотреть в лицо Брану после того, как без прав и без разрешения взяла его „порше“ и врезалась на нем в дерево, я могу заставить свой голос не дрожать.

— Хватит. Никто вам не причинит вреда.

— Никакого вреда? — прошипела Марсилия, откидывая гриву волос, так что на лбу стал

виден отвратительно выглядевший ожог, отдаленно напоминавший по форме мое ожерелье.

— Ты пила кровь Сэмюэля без его разрешения, — заявила я, словно знала, что ее действия дали мне право защищать его; я не была уверена, что это так, но блеф среди волков срабатывает. А вампиры, кажется, соблюдают обычаи.

Она подняла подбородок, но ничего не ответила. Вдохнула, и я поняла, что с того мгновения, как я отогнала ее от Сэмюэля, она не дышала. Веки ее задержались: она ощутила запахи комнаты; я тоже: страх, боль, кровь и что-то сладкое и повелительное, смешанное с запахами присутствующих.

— Мне уже очень давно не было такого соблазна, — пояснила она. — У него шла кровь, и он уже был почти захвачен.

Тон ее не был виноватым, но я согласна на простые извинения, если это поможет нам благополучно убраться.

Стефан с трудом выдавил одно слово:

— Подстава.

Она быстро провела рукой круг в воздухе. Все на полу замерли. Я с облегчением заметила, что Сэмюэль еще дышит.

— Объясни, Стефан, — приказала она, и я облегченно вздохнула: ее внимание перешло на него.

— Подстава для тебя, госпожа, — произнес Стефан голосом человека, который долго кричал. — Пустить волку кровь и подать его, как подарок, обернутый в бумагу. Хорошо придумали. Я не заметил, что он под заклятием, пока не увидел кровь.

— Возможно, ты прав. — Она бросила на меня раздраженный взгляд. — Убери это подальше, пожалуйста. Тебе она больше не нужна.

— Все в порядке, Мерси, — сказал Стефан по-прежнему тонким и хриплым голосом. Он не поднялся с пола, лежал с закрытыми глазами, словно совершенно без сил.

Я спрятала ожерелье, и в комнате стало еще темней.

— Расскажи мне о подставе, Стефано, — резко сказала Марсилия, возвращаясь на прежнее место на диване. Если взгляд ее чуть дольше и задержался на Сэмюэле, который по-прежнему вяло лежал на полу, то по крайней мере в глазах ее не было прежнего дьявольского блеска.

Все вампиры проявляли признаки жизни, но пошевелился только Стефан. Он со стоном сел и потер лоб. Двигался он рывками, как-то не по-человечески.

— Лили отправили к нам без сопровождающего, чтобы создать инцидент. Если бы Сэмюэль ее убил, это вызвало бы войну между нашей семьей и Марроком. Но, возможно, дело не только в этом. Мне казалось, что мы увели его до того, как она его пометила, но теперь, оглядываясь назад, вижу, что он с того самого момента был под заклятием. Его послали сюда кровоточащим, как сырой бифштекс, и преподнесли тебе. Если бы ты убила Сэмюэля — а я считаю это вполне вероятным, учитывая, как давно ты отказываешься от еды... — Я слышала неодобрение в его голосе. — Если бы это произошло... — Он замолк.

Она облизала губы, словно на них еще оставался след крови. Я видела, как она с сожалением посмотрела на Сэмюэля, словно жалела, что ее остановили.

— Если бы я его убила, была бы война. — Она отвела взгляд от Сэмюэля и встретила с моим — но ничего не случилось. Марсилия нахмурилась, но казалась удивленной меньше меня. Но, возможно, все еще действовало волшебство моей маленькой овечки. Женщина постучала по подлокотнику дивана длинными пальцами с наманикюренными ногтями, как

будто что-то обдумывала.

— Нас намного превосходят численно, — заметил Стефан, но Марсилия промолчала. Стефан с видимым усилием собрался, прежде чем встать на ноги. — Если бы началась война, мы были бы вынуждены покинуть эту страну.

Она застыла, словно его слова имели огромное значение.

— Покинуть эту проклятую пустыню и вернуться *домой*... — она закрыла глаза... — ради такой награды многие здесь готовы рискнуть моим гневом.

К этому времени зашевелились другие вампиры. Я встала между ними и Сэмюэлем, доверив Стефану защиту нас от его госпожи. Вставая, они сосредоточивались не на Марсилии, а на Сэмюэле. Подобно всем остальным сегодня вечером, меня они совершенно игнорировали, начиная медленно приближаться.

— Проснись, Сэмюэль. — Я толкнула его каблуком. Стефан произнес что-то музыкальное, с узнаваемыми тонами итальянского. Словно в игре „Замри“, остальные вампиры перестали двигаться, некоторые в очень неловких позах.

— Что с Сэмюэлем? — Я спросила Стефана, но ответила Марсилия.

— Он зачарован моим укусом. Некоторые от Поцелуя умирают, но вервольфу он, вероятно, не принесет большого вреда. Не будь я так сильна, он бы не поддался. В голосе ее звучало самодовольство.

— Но как это удалось Лили? — удивился Стефан. — Это не был полный Поцелуй, и все равно заклятие на него подействовало.

Марсилия присела у моих ног и дотронулась до шеи Сэмюэля. Мне не нравилось, как она стремительно меняет место, особенно если это касается Сэмюэля.

— Хороший вопрос, — заметила она. — Ведь он доминант, этот сын Брана?

— Да, — подтвердила я. Я знала, что людям трудно отличить доминанта от покоряющегося волка. Не думала, что это справедливо и относительно вампиров.

— Тогда Лили не могла его околдовать. Но... возможно, кто-то дал ей силу на время. — Марсилия поднесла пальцы к губам и слизала с них кровь Сэмюэля. Глаза ее снова вспыхнули.

Я сунула руку под футболку и начала вытаскивать ожерелье, но холодная рука, костлявая и жилистая, вцепилась мне в руку.

К тому времени как я поняла, что меня схватили, я уже его отбросила. Будь у меня время подумать, я бы никогда не решилась применить против вампира приемом, который действует на людей, но это был рефлекс, порожденный сотнями часов тренировок.

Вампир приземлился прямо на Сэмюэля, потому что Марсилия к этому времени отошла от него. Тварь дернулась, и я решила, что вампир снова набросится на меня, но его целью стал Сэмюэль. Вампир впился в его окровавленную шею.

Марсилия оторвала его от шеи Сэмюэля, на которой образовались ранки. Без видимых усилий и эмоций она отшвырнула вампира к стене. Полетела штукатурка, но вампир вскочил с рычанием и тут же застыл, увидев, кто это сделал.

— Уходите, мои дорогие. — Я заметила, что ожог на лбу Марсилии уже начал исчезать. — Уходите, пока мы окончательно не потеряли честь, покоренные невероятно вкусным блюдом.

Я наконец достала свою овцу, но прежде чем она начала светиться, мы остались одни, Стефан, Сэмюэль и я.

Глава одиннадцатая

За одной из дверей коридора оказался лифт. Стефан устало прислонился к стене: он нес Сэмюэля, который был окровавлен, вял, но дышал.

— Ты уверен, что с ним все в порядке? — не в первый раз спросила я.

— От этого он Нфе умрет. — Это был не совсем ответ на мой вопрос.

Лифт плавно остановился, открылась дверь, ведущая на кухню. Яркий свет отражался на полосатой кленового дерева мебели и каменных поверхностях столов. Окон не было, но хитроумное расположение зеркал и подсветки компенсировали это. Рядом с холодильником находилось то, что меня больше всего заинтересовало, — ведущая наружу дверь. Я не стала ждать Стефана, распахнула дверь и выбежала на тщательно подстриженную лужайку. И когда вдохнула воздух, который пах не вампирами, а землей и выхлопными газами, поняла, что вышла из главного здания.

— Дома соединены туннелями, — констатировала я, когда появился Стефан.

— У нас нет времени на разговоры, — ответил он.

Я взглянула на него и увидела, что он сгибается под тяжестью Сэмюэля.

— Я думала, вампиры такие сильные, что могут вырывать деревья с корнями, — сказала я.

— Но не после того, как с ними поработает Марсилия. Он переместил Сэмюэля, пытаясь удобней взять его.

— А почему бы не нести, как это делают пожарные?

— Потому что когда он начнет приходить в себя — он будет не очень довольным волком. Я так я смогу сразу поставить его на ноги и убраться, если понадобится.

— Я его понесу, — послышался незнакомый голос.

Рядом с нами стоял еще один вампир в джинсах и пиратской рубашке, расстегнутой на груди. Подобных персонажей можно встретить на ярмарках или в фильмах Эррола Флинна.^[22] Наряд не очень ему шел. Плечи слишком узкие, а плоский живот выглядит не сексуальным, а просто тощим — а может, с меня просто хватило на сегодня вампиров.

— Мир, Стефан, — поднял руку вампир. — Марсилия считает, что вам не помешает помощь.

— Скажи прямо, она не желает видеть здесь доктора Корника, когда он очнется от Поцелуя. — Стефан слегка расслабился. — Хорошо.

Сэмюэля переложили с одного вампира на другого — второй вампир, очевидно, не разделял опасения Стефана, потому что просто перебросил Сэмюэля через плечо.

Ночь была тихая, но было в ней что-то выжидательное — чувство, знакомое мне по охоте. Кто-то за нами следит — ничего себе, большой сюрприз. Мы молча проследовали через сад и вышли из главных ворот, которые кто-то открыл, пока мы были внутри.

Я раскрыла дверь фургона и показала на длинное сиденье. Вампир, одетый пиратом, спустил Сэмюэля с плеча и уложил. Я решила, что такая огромная сила в вампирах производит более необычное впечатление, чем в вервольфах: те по крайней мере выглядят очень сильными.

Когда Сэмюэль был благополучно размещен, вампир повернулся ко мне.

— Мерседес Томпсон. Моя госпожа благодарит вас за посещение, которое позволило нам обнаружить проблемы, в противном случае оставшиеся бы незамеченными. Она также

благодарит вас за то, что помогли ей сохранить честь — собственную и ее вассала Стефана Учелло. — Он заметил скептическое выражение моего лица и улыбнулся. — Она сказала, что раньше овца никогда не отгоняла ее. Кресты, писание, святая вода, но не овца.

— Агнец Божий, — объяснил Стефан. Он теперь выглядел почти как обычно, опираясь локтем в раскрытую дверь фургона. — Я тоже не думал, что сработает. Иначе бы, конечно, попросил отдать его Эстелле.

— Конечно. — Вампир снова очаровательно улыбнулся мне. — Во всяком случае мне поручено принести извинения за доставленные неприятности; надеюсь, вы также передадите наши извинения доктору Корнику. Пожалуйста, объясните ему, что госпожа не хотела причинять ему вред, но ее недавнее заболевание позволило некоторым стать... слишком беспокойными. Они будут наказаны.

— Заверьте сеньору, что я нахожу ее извинения достаточными и сама хотела бы просить прощения за причиненные неудобства, — солгала я. Но, должно быть, сделала это неплохо, потому что Стефан одобрительно кивнул.

Вампир поклонился и, осторожно держа за цепочку, протянул мне крест Сэмюэля и листок толстой самодельной бумаги. От него пахло травами, как в доме, и на нем витиеватым почерком, словно писали гусиным пером, был выведен адрес в Кенневике.

— Она собиралась сама отдать это вам, но попросила меня передать кое-что еще. Волки заплатили нам десять тысяч долларов за право два месяца жить по этому адресу.

Стефан выпрямился.

— Это слишком много. Почему она потребовали столько?

— Она не назначала цену. Волки заплатили без всяких переговоров. Я выразил сеньоре свои опасения по поводу необычности сделки, но...

Он посмотрел на Стефана и пожал плечами.

— Со времени своего изгнания из Милана Марсилиа была сама не своя, — сказал мне Стефан и взглянул на второго вампира. — То, что произошло сегодня, хорошо. Замечательно увидеть госпожу снова сильной и разгневанной, Андре.

„Замечательно“ не совсем то слово, которое он употребил.

— Надеюсь, — хрипло ответил тот. — Но она проспала два столетия. Кто знает, что случится, когда госпожа проснется окончательно? Может, на этот раз ты перехитрил самого себя.

— Это не я, — заявил Стефан. — Кто-то пытается снова создавать неприятности. Госпожа позволила мне провести расследование.

Вампиры смотрели друг на друга, оба не дышали. Наконец Стефан произнес:

— Какова бы ни была их цель, им удалось наконец разбудить Ее. Если бы они не подвергли опасности моих гостей, я бы не стал их преследовать.

„Вампирская политика, — подумала я. Люди, вервольфы и вампиры — не имеет значения: достаточно собраться более чем троим, и начнется борьба за власть“.

Кое-что я поняла. Старейшие волки уходят от меняющегося мира, и некоторые из них живут, как отшельники, в пещерах, выходят только кормиться и со временем теряют интерес и к этому. Похоже, Марсилиа страдает той же болезнью. Очевидно, некоторые вампиры довольны таким состоянием госпожи, в отличие от Стефана. А Андре как будто не знает еще, на чьей он стороне. Я на той, которая оставит меня в покое.

— Госпожа попросила меня передать кое-что и тебе, — сказал Андре Стефану.

Послышался звук, подобный выстрелу, и Стефан отшатнулся к фургону, прижимая руку

к лицу. И только когда на его щеке появился слабый отпечаток руки, я поняла, что случилось.

— Это предварительно, — заявил ему Андре. — Сегодня она занята, но завтра в сумерках ты должен явиться к ней. Тебе надлежало предупредить ее, кто такая Мерседес Томпсон, как только узнал сам. Госпожа не должна была со своим колдовством неожиданно натолкнуться на ходячую. Тебе вообще не следовало приводить ее.

— Она не принесла с собой ни кол, ни святую воду. — Голос Стефана несколько не выдавал, что удар подействовал на него. — Она нам не опасна — она вообще едва ли понимает, кто она, и научить ее некому. Она не охотится на вампиров, не трогает тех, кто не нападает на нее.

Андре повернул голову стремительней, чем мог любой, и посмотрел на меня. — Это правда, Мерседес Томпсон? Ты не охотишься на тех, кто только пугает тебя?

Я устала, тревожилась за Сэмюэля и была несколько удивлена тем, что пережила свидание с Марсилией и ее вампирами.

— Я ни на кого не охочусь, за исключением кроликов, мышей и фазанов, — ответила я. — До последней недели это было правдой.

Если бы я не устала настолько, я бы не добавила последнюю фразу.

— А что на этой неделе? — спросил Стефан.

— Я убила двух вервольфов.

— Ты убила двух вервольфов? — Взгляд Андре нельзя было назвать лестным. — Вероятно, защищалась, и у тебя случайно в руке оказался пистолет?

Я покачала головой.

— Один из них был призван луной — он убивал все, кто оказывался рядом. Я порвала ему горло, и он истек кровью. Второго я застрелила, чтобы он не убил Альфу.

— Порвала горло? — шепотом повторил Стефан, а Андре явно не знал, верить ли мне.

— Я была койотом и хотела привлечь его внимание, чтобы он погнался за мной.

Стефан недоверчиво посмотрел на меня.

— Вервольфы быстры.

— Я это знаю, — раздраженно откликнулась я. — Но я быстрее. — Я вспомнила, как убегала от подруги Брана, и добавила: — Ну, обычно. Я не собиралась убивать...

Кто-то крикнул, я замолчала. Мы ждали, но звуков больше не было.

— Мне пора вернуться к синьоре, — сказал Андре и исчез.

— Я поведу, — предложил Стефан. — Тебе нужно находиться сзади с доктором Корником. Когда он придет в себя, рядом должен быть тот, кому он доверяет.

Я отдала ему ключи.

— А что произойдет, когда он очнется? — спросила я, устраиваясь и приподнимая голову Сэмюэля. Пригладила его волосы, и руки мои скользнули ему на шею. След вампирского укуса уже почти зажил, я ощутила под пальцами лишь легкую неровность.

— Может, ничего, — ответил Стефан, сядя на водительское место и включая двигатель. — Но иногда вервольфы не очень хорошо реагируют на Поцелуй. Синьора Марсилия всегда предпочитала волков другой добыче — поэтому ее и выслали из Италии и отправили сюда.

— А что, охота на волков под запретом? — поинтересовалась я.

— Нет. — Стефан развернул фургон и поехал назад. — Запрещено питаться волками Повелителю Ночи.

Он произнес это „Повелителю Ночи“ так, словно я знаю, кто это. Но я не знала и потому осведомилась:

— А кто такой Повелитель Ночи?

— Хозяин Милана — вернее, был им, когда мы в последний раз о нем слышали.

— А когда это было?

— Примерно двести лет назад. Он изгнал сюда синьору Марсилию вместе с теми, кто был обязан ей жизнью и служением.

— Двести лет назад здесь ничего не было.

— Мне рассказывали, что он просто ткнул булавкой в карту. Ты права: здесь ничего не было. Ничего, кроме пустыни, пыли и индейцев. — Стефан поправил зеркало заднего обзора, чтобы лучше видеть меня, встретился со мной взглядом и продолжил: — Индейцев и еще кое-кого, с кем раньше мы никогда не встречались, Мерси. Изменяющих форму, но не призванных луной. Мужчин и женщин, которые по желанию могли принимать облик койота. У них оказался иммунитет к тому волшебству, которое позволяло нам жить среди людей незамеченными.

Я смотрела на него.

— У меня нет иммунитета к волшебству.

— Я не сказал, что он у тебя есть. Но часть нашего волшебства на тебя не действует. Мы убивали таких, как ты, при встрече, и они отвечали нам тем же. — Он улыбнулся, и у меня застыла кровь от выражения этих холодных, холодных глаз. — Вампиры здесь повсюду, Мерседес, а ходячая только ты. Я всегда считала Стефана своим другом. Даже в сердце вампирской семьи я не усомнилась в его дружбе. Как это глупо.

— Я могу поехать домой сама, — заявила я.

Он перестал смотреть на меня, посмотрел на улицу перед собой и усмехнулась, останавливая фургон. Вышел, не выключая двигатель. Я высвободилась из-под тяжести Сэмюэля и встала с безопасного заднего сиденья.

Выбираясь из фургона, я не увидела Стефана и не ощутила его запаха. Села на место водителя, но чувствовала, что он устался мне в спину. Я тронула машину с места, но ту же сняла ногу с газа и нажала на тормоза.

Опустила окно и произнесла в темноту:

— Я знаю, что ты живешь не здесь — от тебя пахнет древесным дымом и попкорном. Подвезти тебя?

Он рассмеялся. Я вздрогнула, потом еще раз, когда он наклонился к окну и потрепал меня по плечу.

— Отправляйся домой, Мерси. — И он исчез — на этот раз по-настоящему.

Я тащилась за прицепами и машинами жителей пригородов и думала о том, что выяснилось.

Вампиры, так же как волшебный народ — другие, вервольфы и их родичи, — были сверхъестественными существами из Старого Света. Они пришли сюда по тем же причинам, что и люди: чтобы разбогатеть, приобрести власть или землю — и избежать преследований.

Во время Возрождения существование вампиров перестало быть тайной; считалось, что быть вампиром очень престижно и помогает достичь власти. Тогда города Италии и Франции были для них раем. Но и тогда их никогда не было много. Подобно вервольфам, люди, которые могут стать вампирами, умирают гораздо чаще, чем достигают цели. Большинство принцев и знатных людей, считавшихся вампирами, были просто хитрыми и

умными людьми, которые с помощью такой репутации отпугивали соперников.

Церковь видела это в другом свете. Когда захват испанцами Нового Света пополнил сундуки церкви настолько, что она больше не нуждалась в покровительстве знатных людей, она начала преследовать и вампиров, и все остальных сверхъестественных существ.

Умерли сотни, если не тысячи людей, обвиненных в вампиризме, колдовстве или в умении превращаться в волков. Лишь небольшой процент обвиненных действительно был вампирами, но потери были все равно тяжелыми — люди (к счастью для них) размножаются гораздо быстрее неживых.

Итак вампиры прибыли в Новый Свет жертвами религиозного преследования, как квакеры и пуритане, только с иными целями. Вервольфы и их призванные луной сородичи пришли в поисках новых охотничьих территорий. Другие — чтобы избежать холодного железа промышленной революции, которая тем не менее последовала за ними. Совместно эти иммигранты уничтожили всех сверхъестественных существ, живших в Америке, и даже легенды о тех в основном забылись.

Среди них было, очевидно, и мое племя.

Сворачивая на дорогу, ведущую к Ричленду, я вспомнила, что рассказывала мне мать. Она не очень хорошо знала моего отца. В моей почти пустой шкатулке для драгоценностей — серебряная пряжка для пояса, которую отец выиграл на родео и подарил матери. Она говорила мне, что у него глаза были цвета освещенного солнцем пива и что он храпел, когда спал на спине. Еще она знала, что если бы кто-нибудь вовремя нашел его разбитый грузовик, отец выжил бы. Он не погиб в катастрофе. Кто-то острыми зубами перегрыз ему крупный сосуд, и он умер от потери крови.

Сзади, из фургона, послышался шум. Я повернула зеркало, чтобы видеть, что там происходит. Глаза Сэмюэля были открыты, и он сильно дрожал.

Стефан не объяснил, какой может быть *плохая* реакция на Поцелуй, но я была уверена, что пойму сама. Я едва не пропустила поворот в парк Колумбии, но все-таки среагировала вовремя, и пятиться не пришлось.

Я ехала, пока не отыскала небольшую стоянку рядом с какой-то мастерской. Здесь я остановилась, выключила фары, скользнула между сиденьями и осторожно приблизилась к Сэмюэлю.

— Сэм? — произнесла я.

На мгновение он перестал дрожать.

Глаза его горели в полутьме. Я чувствовала запах адреналина, ужаса, пота и крови.

Мне пришлось заставлять себя не убежать. Отчасти я понимала, что одной из причин его состояния служит мой страх. А в стальном догадывалась, почему вервольфы так плохо реагируют на вампирский Поцелуй: волк приходит в себя, не в состоянии двигаться, и его последнее воспоминание — кто-то пьет его кровь. Этого достаточно, чтобы нажать на все кнопки паники в арсенале вервольфов.

— Тише, — сказала я, скорчившись между вторым сиденьем и дверью. — Вампиры ушли. Ты ощущаешь последствия укуса. Они делают свои жертвы пассивными, чтобы иметь возможность кормиться, не привлекая внимания. Но сейчас все позади — Стефан обещал, что дурных последствий не будет.

Сэм начинал приходить в себя. Я видела, как расслабились его плечи — и тут зазвонил мой телефон.

— Алло. — Я старалась говорить тихо.

— Мерси. — Это был Уоррен, голос его звучал напряженно. — Приходи ко мне как можно скорей — и приведи с собой Сэмюэля.

Сзади слышались резкие звуки. Перемена и в лучшие времена — когда им удобно и они просто хотят поохотиться — для волков болезненна. Перемена в атмосфере, сгустившейся от страха и крови, трудна. Очень трудна.

— Сэмюэль болен, — сказала я, когда раздался крик, полный боли и отчаяния: Сэмюэль сражался с переменной.

Уоррен выругался.

— Тогда объясни мне вот что. Почему Адам решил, что кто-то в стае его предает?

— Это моя вина... Уоррен, стая собирается у твоего дома?

Он хмыкнул. Надо полагать, это был утвердительный ответ.

— Сообщи Адаму.

— Я сделал бифштексы и накормил его час назад, и теперь он спит. Я пытался разбудить его перед звонком тебе, но он глубоко погрузился в целительный сон.

— Доктор Корник разбудит. — Я морщилась от звуков, которые издавал Сэм на заднем сиденье. — Но сейчас он не может подойти к телефону.

— Хорошо, Мерси. — Голос его неожиданно стал спокойным. — Я об этом позабочусь. Если Сэмюэль начал произвольную перемену, тебе нужно уйти от него и дать ему время успокоиться.

— Что? И оставить Сэмюэля охотящимся посередине Кенневика?

— Он тебя не узнает, если меняется произвольно. Это будет не Сэмюэль, сын Брана, а только волк.

Звуки сзади были не человеческими, а волчьими.

— Мерси, уходи оттуда.

— Хорошо, Уоррен, — ответила я, решив, что он прав. Волки, настоящие волки, обычно не бывают злобными, если они не испуганы, не ранены и не загнаны в угол. Вервольфы всегда свирепы, всегда готовы к убийству.

— Если не сработает, объясни ему, что меня забрали вампиры, — попросила я. — Не думаю, чтобы он помнил. К тому же это близко к правде. Вампиры вызвали эту произвольную перемену. Расскажи ему это.

И я закрыла телефон.

Бежать было уже поздно, да я бы и не стала. Оставить Сэмюэля разбираться с последствиями его волчьей свирепости? Сэмюэль — целитель, защитник слабых. Я была уверена, что он не сможет жить с кровью невинных на руках.

Когда-то, давно, я его бросила. Больше не брошу.

Звуки стихли, и я слышала только его частое дыхание, но ощущала его гнев. Не стала раздеваться перед переменной — это заняло бы слишком много времени. Когда белая голова Сэмюэля показалась над сиденьем, я выбиралась из-под футболки и бюстгалтера.

Я скорчилась на полу, зажав хвост между лапами. Не поднимала голову, но различила, как подались пружины, когда он медленно перебрался через спинку сиденья и остановился. Я была так испугана, что не могла дышать. Если бы в глубине души я не была уверена, что Сэм, мой Сэм, не причинит мне вреда, не смогла бы сделать следующее.

Он двигался совершенно беззвучно. В Монтане на охоте волки громко воют, но в городе охотятся без единого звука. Ворчание, вой, лай — все это инструменты блефа; убивает волк молча.

Когда Сэмюэль оказался на сиденье, я перевернулась на спину и подставила под его челюсти брюхо. Вытянула морду, чтобы и шея была уязвима. Это было едва ли не самое трудное, что мне когда-либо приходилось делать. Конечно, он мог легко убить меня, если бы я и не подставляла живот, но было что-то ужасное в этой сознательной беззащитности.

Фургон наклонился: Сэмюэль прыгнул почти на меня. Я чуяла его гнев — вислый запах страха рассеялся вместе с человеческим обликом, остался только волк. Сэмюэль принялся, горячее дыхание взъерошило мою шерсть. Гнев медленно исчезал с интенсивностью, которая позволяла понять, что он чувствовал.

Я наклонила голову и рискнула оглядеться. Сэмюэль занял все пространство между коротким сиденьем и дверью. Придавленная — на моих плечах лежали его лапы, — я ощутила внезапный приступ клаустрофобии и инстинктивно попыталась перевернуться.

Я прекратила движение, едва начав, но Сэмюэль предупреждающе зарычал и щелкнул зубами. Я попыталась найти в этом утешение: теоретически, если волк рычит, он не собирается убивать, но я слишком хорошо знала изменчивую природу вервольфов.

Он неожиданно сомкнул челюсти на моем горле — но слишком широко, чтобы прокусить артерию. Сквозь шерсть я чувствовала его зубы, но они замерли, не коснувшись кожи.

Я молилась, чтобы Бран оказался прав и волк Сэмюэля считал меня своей подругой. Если Бран ошибался, мы оба с Сэмюэлем дорого заплатим.

Я оставалась совершенно неподвижной, хотя сердце отчаянно пыталось вырваться из грудной клетки. Он выпустил меня, осторожно прихватил зубами нос и беззвучно ускользнул.

Я вскочила и встряхнулась, чтобы привести в порядок шерсть, сбросив наконец бюстгальтер. Сэмюэль растянулся на заднем сиденье, глядя на меня прекрасными белыми глазами. Один раз он мигнул, потом положил морду на передние лапы и закрыл глаза, говоря — ясно, словно словами, — что две половинки его души снова соединились.

Я услышала звуки сильного мотора: к нам приближалась какая-то большая машина. Как можно быстрее я снова переменила облик и стала разыскивать одежду. Белье у меня светло-зеленое, и я сначала нашла его. Надевать бюстгальтер оказалось легче, чем снимать, а футболку я обнаружила, коснувшись ее ногой.

Машина замедлила ход, ее фары были хорошо видны через окна фургона.

— Штаны, штаны, штаны, — шептала я, шаря руками по полу. Нащупала их, когда скрипнули шины и машина остановилась за нами. Нашелся и кинжал Зи. Я сунула его под сиденье, подальше от двери.

Я лихорадочно натянула штаны и застегнула все пуговицы к тому моменту, как дверца той машины со стороны водителя открылась. Туфли. К счастью, они белые, и я обула их на босые ноги, не развязывая.

Бросила взгляд на гигантское чудище, во всю длину растянувшееся на заднем сиденье. Какое-то время, вероятно, несколько часов, Сэмюэль не сможет меняться. Даже такому сильному волку, как он, нужно немало времени, чтобы прийти в себя от непроизвольной перемены, а прятать его поздно.

— Будь хорошим псом, Сэмюэль, — строго сказала я ему. — Не пугай доброго полицейского. У нас нет времени ехать в участок.

Меня осветил фонарик, я помахала и открыла дверь.

— Бегаю, офицер.

Свет фонарика мешал мне увидеть его лицо. Последовала долгая пауза.

— Сейчас час ночи, мэм.

— Не могла уснуть. — Я виновато улыбнулась. — Бегать одной по ночам небезопасно, мэм.

Он отвел луч фонарика, и я быстро замигала, надеясь, что зрение быстро восстановится.

— Поэтому я всегда беру его с собой. — Я ткнула пальцем в сторону заднего сиденья.

Полицейский невольно выругался.

— Прошу прощения, мэм. Никогда не встречал такой собаки — а ведь я вырос с сенбернарами.

— Не спрашивайте, какой он породы. — Я выбиралась из машины, чтобы быть одного роста с полицейским и не смотреть на него снизу вверх. — Взяла его из питомника брошенных животных, когда он был щенком. Мой ветеринар говорит, что, возможно, это помесь персидского волкодава с эскимосом или самоедом.

— Или сибирским тигром, — сказал он так, чтобы я не услышала. Более громко он произнес: — Покажите, пожалуйста, ваши права, регистрационные документы и страховку, мэм.

Он был спокоен и не ожидал никаких неприятностей.

Я открыла переднюю пассажирскую дверцу и достала кошелек из бардачка, куда положила его у бара дядюшки Майка. Вместе с регистрацией, карточкой страхования и пистолетом.

Жизнь будет гораздо легче, если этот приятный полицейский его не заметит — а также „Марлин-444“ в багажнике. Срок разрешения на оружие я не продлила, поэтому показывать его не стоит. К тому же, по словам Стефана, кинжал Зи — незаконное оружие.

Я взяла страховку и регистрацию, закрыла бардачок — осторожно, чтобы пистолет не загремел. Но можно было не беспокоиться. Посмотрев на полицейского, я увидела, что он сидит на полу фургона и гладит Сэмюэля.

Сэмюэль любит людей. Помню, он часто забегал во время перемены в начальную школу поиграть с учениками. Все дети были человеческими. Большинство вервольфов избегают малышей, но не Сэмюэль. Школьники, конечно, знали, кто он, и когда он появлялся в нормальном облике, они звали его доктор Корник и обращались так же, как с другими взрослыми. Но если он приходил переменившись, они заставляли его изображать пони, сбежавшую собаку или верного дружелюбного волка. И он делал это с таким же увлечением, как дети.

— Хорош, — сказал полицейский, покидая наконец фургон и забирая мои документы. — А какого он размера, когда стоит?

Я щелкнула пальцами.

— Сэмюэль, выйди.

Он поднялся, коснувшись спиной крыши машины. Потянулся и спрыгнул с сиденья на гравийную дорожку, не коснувшись пола фургона. Он сознательно двигался как большая собака, неторопливо и слегка неуклюже. Густая зимняя шерсть и ночная темнота позволяли скрыть некоторые отличия, которые не объяснило бы никакое скрещивание.

Передние лапы вервольфа напоминают скорее медвежьи или львиные, чем лапы лесного волка. Подобно этим хищникам, вервольфы когтями рвут плоть, а это означает различия и в мускулатуре.

Полицейский присвистнул и обошел вокруг Сэмюэля. Он старался не светить

фонариком ему в глаза.

— Только посмотрите! Ни унции жира на все двести фунтов веса.

— Думаете? Я его никогда не взвешивала. Знаю, что он тяжелей меня, и с меня этого достаточно.

Полицейский вернул документы, даже не заглянув в них.

— Все равно лучше бы вам бегать днем, мэм. Во всяком случае парк ночью закрыт — так безопасней для всех.

— Я ценю вашу заботу, — искренне произнесла я, глядя вервольфа по голове.

Полицейский вернулся в свою машину, но подождал, пока я не закрыла Сэмюэля в фургоне, а потом проводил меня из парка до выезда на шоссе, так что я не могла остановиться и надеть носки. Терпеть не могу ходить босиком в теннисных туфлях.

Сэмюэль устроился на переднем сиденье и высунул голову в окно. Уши его от ветра прижались к голове.

— Прекрати, — велела я ему. — Скройся в фургоне. Он не обратил на это внимания, открыл рот и свесил язык. Немного погодя втянул голову и улыбнулся мне. — Всегда мечтала об этом, — призналась я. — Может, когда все это кончится, ты поведешь, а я высунусь в окно.

Он повернулся ко мне и положил передние лапы на пол между нашими сиденьями. Потом уткнулся носом мне в живот и заснул.

— Прекрати! — прикрикнула я и хлопнула его по морде. — Это грубо.

Он отвел голову и бросил на меня насмешливый взгляд. Я получила возможность посмотреть на спидометр и убедиться, что не превышаю скорость.

— Ты станешь причиной аварии, Сэмюэль Ллевеллин Корник. Убери свой нос от руля.

Он фыркнул, дважды потрепал лапой мое колено — и снова прижался носом к пуговице на моем животе. На этот раз он увернулся от моей оплеухи и отскочил на сиденье.

— Моя татуировка? — спросила я, и он взвыл — басом. У меня под пупком вытатуирован отпечаток лапы.

Должно быть, Сэм увидел его, когда я переодевалась. У меня и на руках есть татуировки.

— Карен, моя соседка по комнате, изучала искусство. А деньги зарабатывала, делая татуировки. Я помогла ей сдать химию, и она предложила сделать мне татуировку бесплатно.

Два года, что я прожила у матери, я старалась казаться совершенной. Боялась, что если у меня не получится, я потеряю свой новый дом так же внезапно, как потеряла прежний. Тогда мне и в голову не пришло бы сделать что-нибудь такое нелепое, как татуировка.

Мать все еще винит Карен в том, что я перешла с инженерного дела на историю — что делает ее непосредственно ответственной и за мое нынешнее занятие, ремонт машин. Мать, вероятно, права, но сейчас я гораздо счастливей, чем если бы была инженером.

— Карен показала мне альбом со снимками своих татуировок, и в нем я нашла парня, который сделал себе волчьи следы от одного бедра до другого. Мне нужно было что-нибудь поменьше, и мы договорились об одном отпечатке.

Мать и семья знали, кто я, но не задавали никаких вопросов, и я прятала от них свою сущность койота, стараясь не выделяться. Это был мой собственный выбор. Койоты легко приспосабливаются.

Помню, глядя на спину этого парня, я поняла, что от других могу спрятаться, но от себя

нет. Поэтому я попросила Карен поместить татуировку на самую середину тела, чтобы я могла хранить ее в тайне и в то же время чувствовать себя цельной. Наконец-то я пришла к согласию с самой собой, и больше не хотела быть ни вервольфом, ни человеком.

— Это след койота, — твердо сказала я. — Не волчий. Он улыбнулся и снова высунул голову в окно; на этот раз за нею последовали и плечи.

— Выпадешь, — проворчала я.

Глава двенадцатая

— Стая собирается, — сообщила я Сэмюэлю, медленно объезжая вокруг дома Уоррена, чтобы приглядеться. — Не знаю, многое ли ты помнишь, когда менялся, но Уоррен позвонил и попросил о помощи. Адам спит, и его невозможно разбудить... — Теперь, когда Сэмюэль в безопасности, я могу тревожиться об Адаме. — Это нормально?

Сэмюэль кивнул, и я почувствовала волну облегчения. Откашлявшись, я продолжала:

— Поскольку мы не можем доверять стае, я думаю, Уоррен постарается не подпустить ее к Адаму. Все было бы хорошо, если бы вторым в стае не был Даррил.

Это означает схватку.

Сэмюэль как-то рассказывал, что, несмотря на все физические преимущества, средняя продолжительность жизни вервольфа после перемены десять лет. Отчасти этот срок уменьшают те, кто, подобно моему старому другу доктору Уоллесу, должны быть устранены в первый же год жизни. Но большинство вервольфов погибает в борьбе за доминирование с другими волками. Я не хотела, чтобы сегодня что-то случилось с Уорреном или даже с Даррилом: если кто-то из них умрет — это будет моя вина. Без моей вспышки интуиции — или паранойи, — что в стае что-то неладно, Уоррен не стал бы пытаться не подпускать Даррила к Адаму.

Ричленд был тих, улица по обе стороны от дома Уоррена уставлена машинами. Проезжая, я узнала „Мустанг 67“ Даррила: стая уже здесь. Я припарковалась в квартале от дома и побежала назад рядом с Сэмюэлем.

Под навесом крыльца дома Уоррена стояла женщина. Ее черные-черные волосы были забраны назад в конский хвост длиной до талии. Увидев меня, она сложила гладкие мускулистые руки и расставила ноги. Она преподаватель химии в Ричлендской средней школе и подруга Даррила.

— Ауриэль. — Я поднялась по ступенькам и остановилась рядом с ней.

Она посмотрела на меня.

— Я сказала Даррилу, что ты ничего плохого Адаму не сделала, и он мне поверил. Сказала, что ты не стала бы действовать против стаи. Но тебе придется кое-что объяснить.

Как подруга Даррила, Ауриэль занимает высокое положение. В обычных условиях я бы вежливо обсудила с ней проблему, но мне нужно было быстро миновать ее и попасть в дом Уоррена, прежде чем кто-нибудь пострадает.

— Прекрасно, — ответила я, — но объяснять буду Даррилу, а не тебе и не здесь.

— Даррил занят, — заявила она, не отреагировав на мой аргумент. Я уже и раньше замечала, что работа в школе научила Ауриэль не поддаваться на блеф.

Я открыла рот, чтобы попробовать снова, но она произнесла:

— Мы сохраняем Молчание.

Волки не обладают особым волшебством, как его понимает большинство людей. Иногда встречаются такие, как Чарльз, у которых есть дар, но в основном они ограничены самой переменной и несколькими заклятиями, которые позволяют им оставаться незамеченными. Одно из таких заклятий Молчание.

Я огляделась и увидела четырех человек (несомненно, были и другие, если бы я поискала), которые стояли вокруг дома Уоррена, закрыв глаза и произнося неслышно заклинание, которое и погружало в Молчание всех, кто оказывался в их круге.

Это делается, чтобы схватка внутри не привлекла ничьего внимания. И это значит, что она уже началась: стоя добровольно не нарушит Молчание и не позволит мне войти.

— Эта драка без оснований, — настойчиво сказала я. — В ней нет нужды.

Ауриэль распахнула глаза.

— Есть, Мерси. Даррил второй после Адама, а Уоррен бросает ему вызов. Сможешь поговорить с Даррилом, когда он его прочит. — Ее подвижные брови взлетели вверх: она посмотрела на Сэмюэля. И совершенно другим голосом спросила: — А это кто? В доме Адама были мертвые незнакомые волки.

— Это Сэмюэль, — нетерпеливо ответила я, поднимаясь по ступенькам. — Я вхожу.

Она двинулась вперед, собираясь помешать мне, но остановилась, взглянув на необычную расцветку Сэмюэля.

— Какой Сэмюэль?

Дважды в год Альфы встречаются с Браном в его главной квартире в Колорадо. Иногда они берут с собой вторых или третьих по старшинству в стае, но никогда не берут женщин. Отчасти это объясняется соображениями практичности. За пределами своей территории Альфы плохо взаимодействуют с другими Альфами. А когда с ними подружки, это чувство неуверенности имеет тенденцию разрешаться насилием.

Ауриэль никогда не встречалась с Сэмюэлем, но слышала о нем. У волков имя Сэмюэль встречается не часто.

— Это доктор Сэмюэль Корник, — заявила я. — Пропусти нас. У меня есть сведения с тех, кто напал на Адама.

Я устала и тревожилась за Уоррена — и Даррила тоже, иначе не допустила такой явной оплошности: сомневаюсь, чтобы она услышала что-то, кроме моего приказа.

Она не глупа: Ауриэль знала, что я не подруга Адама, что бы ни утверждал он перед стайей. Я не вервольф, я не отношусь к стае, я не доминирую над ней, и она не может послушаться меня и сохранить свое положение.

Все ее колебания миновали, и она бросилась на меня. Я немного выше, но ее это не остановило. Она вервольф, и когда она опустила руки мне на плечи и оттолкнула, я попятилась на три-четыре ступеньки.

— Ты здесь не главная, — произнесла она голосом, который, я уверена, очень хорошо действует в классе.

Она попыталась оттолкнуть меня снова. Это была ошибка. Она сильнее меня, но у нее нет никакого опыта в драках в человеческом облике. Я отскочила, давая возможность инерции ее движения сделать остальное. И помогла ей упасть со ступенек только, легким толчком, от которого она потеряла равновесие, и не смогла контролировать свое падение. Она тяжело упала на тротуар, ударившись головой о ступеньку.

Я не стала дожидаться, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Нужно нечто гораздо более основательное, чем травма черепа, чтобы остановить вервольфа. Ближайший волк направился было ко мне, но вынужден был остановиться, потому что это разрушало заклятие Молчания.

Дверь не была заперта, поэтому я ее распахнула. Мимо меня проскочил Сэмюэль. Гневные крики Ауриэли заставили меня поторопиться за ним.

Гостиная Уоррена была завалена обломками мебели и разбросанными книгами, но Уоррен и Даррил оба были в человеческом облике. Это подсказало мне, что Даррил все еще пытается не доводить схватку до смертельного исхода — и Уоррен тоже. Вервольфы в

человеческом облике очень сильны, но и вполонину не так опасны, как волки.

Уоррен схватил один из стульев и разбил о голову Даррила. Звуки поглощались заклятием стаи, и поэтому о силе удара я могла судить только по разлетающимся обломкам и пролитой крови.

Стремительным движением, таким, что глаз не успел за ним уследить, Даррил свалил Уоррена на землю и схватил его за горло.

Сэмюэль прыгнул вперед, сомкнул челюсти на руке Даррила — и тут же отскочил за пределы досягаемости. Его неожиданное действие — Даррил не слышал, как мы вошли, — расслабило хватку, и Уоррен вырвался и отскочил, чтобы получить свободу действий.

Это позволило Сэмюэлю занять положение между ними. Уоррен, тяжело дыша, прислонился к стене и вытер кровь с глаз. Даррил сделал два быстрых шага вперед, прежде чем узнал Сэмюэля, и едва не упал, пытаясь избежать прикосновения к нему. На его лице появилось выражение крайнего изумления.

Как только я убедилась, что ни Даррил, ни Уоррен не собираются продолжать драку, я хлопнула Сэмюэля по плечу, привлекая его внимание. Когда он посмотрел на меня, я показала на свой рот и уши. Вербовольфы снаружи не могут слышать меня и прекратить свое пение, а нам необходимо поговорить.

Я ожидала, что Сэмюэль выйдет наружу, но он поступил по-другому. Его Сила пронеслась по дому, как огненный ураган, когда какой-нибудь идиот открывает дверь, давая доступ кислорода в комнату, в которой часами что-то тлеет. Воздух наполнился его запахом и Силой, и трещал так, что мне показалось, будто я дышу шутихами, которые дети запускают в день 4 июля. Разряды Силы обжигали мне кожу, и я утратила контроль над своими конечностями. Пришлось беспомощно опуститься на колени. В глазах проскочили искры. Черные клубы и яркие вспышки заставили меня опустить голову на колени. Я пыталась не потерять сознание.

— Хватит, Сэмюэль, — послышался хрип, в котором я с трудом узнала голос Адама. — Думаю, ты уже высказал свои доводы.

Я не стала поднимать голову. Если Адам здесь, все остальное может подождать, пока я не восстановлю дыхание.

Шаги вниз по ступенькам звучали легко и стремительно — я привыкла ассоциировать такие движения с Адамом. Он стремительно выздоравливал. Я слишком быстро подняла голову и вынуждена была снова ее опустить. Адам легко коснулся моей макушки и отошел.

— В чем дело? — спросил он.

— Мы два дня искали тебя, Адам. — Голос Даррила звучал чуть искаженно. — У нас было только сообщение на автоответчике — Елизавета Аркадьевна сказала, что оно от Мерси, — и твой разбитый дом с тремя мертвыми волками, имен которых никто не знал. Ни тебя, ни Джесси, ни Мерси не было. Мы следили за твоим домом, но только по чистой случайности один из наблюдателей заметил Мерси, когда она отъезжала отсюда с Кайлом. Я позвонил Уоррену, но он не хотел признаться, что ты у него, но и не отрицал этого, поэтому я созвал стаю и пришел сюда.

Я снова подняла голову, и на этот раз мир перестал вращаться. Уоррен и Даррил сидели на полу возле того места, на котором дрались. Я увидела причину странного произношения Даррила: его разорванная губа быстро заживала.

— Я не мог лгать Даррилу, — объяснил Уоррен. — Ты был в целительном сне, и я был не в состоянии тебя разбудить. Я не впускал стаю, пока ты был уязвим.

Сэмюэль сел рядом со мной и принялся языком лизать мне лицо.

— Фу! — Я оттолкнула его. — Прекрати, Сэмюэль! Разве Бран не учил тебя приличным манерам?

Это было сознательное поведение, оно должно было дать нам всем возможность справиться с ситуацией без дальнейшего кровопролития.

— Уоррен действовал по моему приказу, — медленно произнес Адам.

— Понятно. — Лицо Даррила застыло.

— Не против тебя. — Адам махнул рукой на уровне груди: не обижайся, говорил этот жест, тут ничего личного.

— Тогда против кого?

— Мы не знаем, — решила ответить я. — Просто меня кое-что встревожило.

— Расскажи им, что произошло той ночью, — велел Адам.

И я рассказала.

К моему удивлению, когда я поведала, что у меня было дурное предчувствие по поводу созыва стаи, Даррил только кивнул.

— Откуда они узнали, где живет Адам? Или что встреча закончилась? Или что у него в доме нет оружия? У многих Альф оно есть. Джесси не глупа. Услышав звуки борьбы и выстрелов, она не стала бы кричать, но они все равно нашли ее.

Я обдумала его слова.

— С ними был один человек. Они послали его за ней, и он сразу поднялся на второй этаж.

Даррил махнул рукой.

— Я не утверждаю, что нет другого объяснения, кроме предательства в стае, но ты сделала верные выводы.

Это должно было помочь мне почувствовать себя лучше — но я отношусь к похлопыванию по спине, как большинство женщин.

— Продолжай, Мерси, — попросил Адам.

Я продолжала рассказ, стараясь делать это как можно лаконичней — опускала подробности, которые их не касаются, такие, как мои отношения с Сэмюэлем в прошлом.

Пока я говорила, вошли остальные члены стаи; они рассаживались на пол, отодвигая мебель, если нужно. Не вся стая, но десять-пятнадцать собралось.

Ауриэль расположилась рядом с Даррилом, они едва соприкасались коленями. На лбу у нее был большой кровоподтек, и я решила, что вряд ли теперь она будет обращаться со мной с обычной холодной вежливостью. Может, как остальные женщины стаи, отныне сочтет меня врагом.

Очевидно, что Уоррен с помощью Адама укрепил свое положение в стае — по крайней мере в глазах Даррила, чьи жесты давали понять всей стае, что Уоррен не нарушил законы. „Даррил ценит верность, — подумала я и неожиданно почувствовала уверенность, что не он предал Адама. — Но кто тогда?“

Я осмотрела лица, некоторые знакомые хорошо, другие меньше. Адам — хороший Альфа, и, помимо Даррила, в стае нет ни одного волка, который настолько доминант, чтобы самому стать Альфой.

Я перешла к нашему решению отвезти Адама к Уоррену, сообщив только, что дом Уоррена показался нам лучшим укрытием, чем дом самого Адама, и остановилась, потому что Даррил дрожал от желания задать вопрос.

— Почему же они все-таки забрали Джесси? — спросил он, как только я замолчала. — Уоррен сказал мне, что никаких требований выкупа не было, — заявил Адам. (Во время моего рассказа он начал расхаживать по комнате; я не видела никаких признаков того, что ему больно, но решила, что вышагивает он поэтому: Альфа никогда не признается в своей слабости в присутствии стаи.) — Я все время об этом размышляю, но, честно говоря, просто не знаю. Один из волков, пришедших ко мне в дом, мне знаком, я встречался с ним лет тридцать назад. Мы в одно и то же время пережили переход. Его переживания были... ужасны: он изменился без помощи. — Я видела, как несколько волков поморщились. — Возможно, он из-за этого затаил зло, но тридцать лет — слишком большой срок для ожидания мести, если единственная причина похищения Джесси — месть.

— Он входит в стаю? — осведомилась Мэри Джо из глубины комнаты. Мэри Джо работает в Кенневикской пожарной части. Она небольшого роста, крепкая и постоянно жалуется, что ей приходится притворяться более слабой, чем мужчины в ее команде. Мне она нравится.

Адам покачал головой.

— Дэвид — одинокий волк по собственному выбору. Он не любит вервольфов.

— Ты говоришь, что с ним были люди и новые волки? — уточнил Уоррен.

Адам кивнул, но я все еще думала об одиноком волке: „Что тот, кто тридцать лет прожил одиноким волком, делает в компании новых волков? Может, он сам их изменил? Или они жертвы, как Мак?“

Сэмюэль положил морду мне на колено, и я с отсутствующим видом потрепала его по голове.

— Если они использовали нитрат серебра, ДМСО и кетамин, — произнесла Ауриэль учительница химии, — означает ли это, что с ними есть врач? Или торговец наркотиками? Кетамин не так распространен, как крэк, но мы в школе время от времени с ним сталкиваемся.

Я выпрямилась.

— Врач или ветеринар.

Рядом со мной напрягся Сэмюэль. Я посмотрела на него.

— Ветеринар имеет доступ ко всему этому, верно?

Сэмюэль заворчал. Ему моя мысль не понравилась.

— К чему ты ведешь? — спросил Адам меня, глядя при этом на Сэмюэля.

— Доктор Уоллес, — ответила я.

— Картер в беде, потому что он не может принять себя как вервольфа, Мерси. Для него это означает слишком много насилия, и он предпочтет умереть, чем быть такими, как мы. Ты хочешь сказать, что он связан с заговором, в ходе которого молодых волков держат в клетках и проводят над ними исследования? Ты когда-нибудь слышала, что он говорит об экспериментах над животными и о косметической промышленности?

На мгновение я удивилась, что Адам так много знает о докторе Уоллесе. Но по реакции жителей Осинового Ручья я поняла, что Адам там провел какое-то время. Вполне естественно, что он слышал о проблемах доктора Уоррена. Но судя по возгласам вокруг, остальные члены стаи были не в курсе.

Адам перестал спорить со мной и объяснил всем, кто такой доктор Уоллес. Это дало мне время поразмыслить.

— Послушай, — произнесла я, когда он закончил. — Все эти вещества для наркотика,

который тебе вкололи, легко достать. Но кто догадался соединить их и зачем? Кому нужно действовать на волков транквилизаторами? Доктору Уоллесу грозит опасность потерять контроль — я сама это видела на этой неделе. Он тревожится за свою семью. Он не стал бы разрабатывать транквилизатор для вервольфов, чтобы они похитили Джесси, но он может это сделать для тех, кто применяет этот препарат, — если потеряет контроль и его волк нападет на кого-нибудь.

— Может быть, — задумчиво промолвил Адам. — Завтра позвоню Брану и попрошу расспросить доктора Уоллеса об этом. Никто не может солгать Брану.

— Так для чего им Джесси? — спросил Даррил. — Деньги в этом случае кажутся нелепостью. Похоже, нападение нацелено на Альфу стаи бассейна Колумбии, а не на бизнесмена Адама Хауптмана.

— Согласен. — Адам посмотрел на него. — Может, кто-то хочет контролировать стаю? Я многое готов сделать ради дочери. „Контроль над стаей или контроль над Альфой, — подумала я, — и есть ли разница между тем и другим?“

— Кто бы это ни был и чего бы он ни хотел, мы об этом узнаем еще до рассвета, — заявила я, доставая из кармана листок бумаги, который дала мне госпожа вампиров, и протягивая его Адаму. — Информант Зи сообщила, что наши враги заплатили вампирам десять тысяч долларов, чтобы те оставили их в покое.

Брови Адама взлетели вверх, и он стиснул листок побелевшими пальцами.

— Десять тысяч — это слишком много. Интересно, почему они это сделали? — Он взглянул на листок и посмотрел на собравшихся. — Даррил? Уоррен? Готовы к новому приключению сегодня?

— Ничего не сломано, — сказал Даррил.

— И никто, — подхватил Уоррен. — Я готов.

— Сэмюэль?

Белый волк улыбнулся ему.

— Можем взять мой фургон, — предложила я.

— Спасибо, — ответил Адам, — но ты остаешься здесь. Я вскинула подбородок, а он потрепал меня по щеке — и рассмеялся, видя выражение моего лица, — не надо мной, а так, словно ему что-то очень нравится. Я?

— Тебя невозможно заменить, Мерседес, — но ты еще не видела, что такое война стай. — К тому времени, как он закончил говорить, улыбки на его лице уже не было.

— Послушай, приятель, — сказала я, — я убила двух волков, и мой счет за эту неделю не хуже твоего. И разве не я с таким трудом получила этот адрес у вампиров?

— Ты получила адрес от вампиров? — спросил Адам опасно мягким голосом.

„Высокомерный ублюдок! — бранилась я про себя, ведя фургон по пустым улицам Восточного Кенневика. — Я не вхожу в стаю. Он не имеет права указывать мне, что делать и что нет. Не имеет права кричать за то, что я обратилась к вампирам. Он мне не опекун“.

Но в конце концов мне пришлось признать, что он прав: в схватке с другой стаей вервольфов от меня мало проку. Уоррен обещал позвонить, как только все закончится.

Я зевнула и поняла, что не спала уже часов двадцать; к тому же предыдущую ночь провела, ворочаясь на чужой постели в мотеле. Мне снились то Мак, умирающий, потому что я чего-то не сделала, то Джесси, одинокая и призывающая на помощь.

Я свернула к себе и даже не стала ставить фургон на обычное место, в гараж под навес: помою завтра утром. Кинжал Зи я отдала Уоррену, чтобы быть уверенной, что не забуду его

в фургоне. Я так устала, что разрыдалась, когда осталась одна.

Я плакала, как ребенок, которого отобрали в школе в футбольную команду, а потом заявили, чтобы он шел куда-нибудь и не путался под ногами.

Я вспомнила, что нужно забрать оружие и кошелек из фургона. И когда начала подниматься по ступенькам, поняла, что Елизавета Аркадьевна не очистила мой порог: я по-прежнему ощущала запах Мака и тот отчетливый запах, который сопровождает смерть.

„Нет, — решила я, оскаливая в рычании зубы, — я плачу потому, что хочу принять участие в убийстве. Они пришли на мою территорию и причинили боль тем, кто не был мне безразличен. Мой долг и мое право — наказать их“.

Как будто я могу что-то сделать со стаей вервольфов. Я сжала перила и сломала поручень, так, словно он был уложена на кедровые блоки в нашей школе боевых искусств. Кто-то мягко терся о мои ноги и приветствовал требовательным мяуканьем.

— Привет, Медея, — сказала я, вытирая глаза, прежде чем взять ее в руку — не ту, в которой я несла оружие. Открыла дверь, не беспокоясь о свете. Положила пистолет и ружье. Поставила сотовый телефон рядом с обычным — заряжаться, — потом с мурлычущей Медеей свернулась на диване и уснула в ожидании звонка Уоррена.

Меня разбудило солнце, бьющее в глаза. Первые несколько мгновений я не могла понять, почему сплю на диване. Часы на моем DVD-плеере показывали девять, значит, сейчас десять утра. Я никогда не переводила часы на летнее или зимнее время.

Я проверила сотовый и автоответчик. Зи просил связаться, но это было все. Я оставила Зи сообщение на его автоответчике.

Я позвонила Адаму на домашний телефон, на сотовый и отправила сообщение на пейджер, потом — позвонила домой Уоррену. Нашла в телефонной книге номер Даррила и позвонила и ему, записав остальные номера, которые выдал мне его автоответчик. Но и по сотовому он не ответил.

Немного подумав, я включила местный канал телевидения, но никаких экстренных выпусков не было. Никто не сообщил о кровопролитии в Западном Ричленде прошлой ночью. Может, еще не нашли тела.

Я взяла свой сотовый, села в „рэббита“ и направилась по адресу, который мне дали вампиры: я хоть и отдала листок Адаму, но адрес запомнила. Дом был совершенно пуст, и на лужайке перед фасадом стояла табличка „Продается“. Я слабо ощущала запах стаи по периметру здания, но никаких следов крови или насилия.

„Если адрес неверный, то где все?“

Я приехала в свою мастерскую, прежде чем вспомнила, что сегодня День благодарения и никто не пригонит машину для ремонта. Тем не менее это лучше, чем сидеть дома и гадать, что случилось. Я открыла большую дверь гаража и занялась своим нынешним проектом.

Трудно было сосредоточиться. Мне пришлось отложить сотовый, чтобы не сломать во время работы, и мне все время казалось, что я слышу звонок. Но никто мне не звонил, даже мама.

Подъехала и остановилась перед гаражом незнакомая машина, из нее вышла миниатюрная женщина в красном свитере и белых теннисных туфлях. Встретившись со мной взглядом, она кивнула и, закрыв машину, направилась ко мне.

— Я Сильвия Сандовал, — представилась она, протягивая руку.

— Не могу пожать вам руку, — произнесла я с профессиональной улыбкой. — Меня

зовут Мерседес Томпсон. Чем могу быть полезна?

— Вы мне уже были полезны. — Она опустила руку и кивком указала на свою машину, подержанный бьюик, который несмотря на пятна ржавчины и вмятину на переднем крыле, выглядел безупречно чистым. — После того как ее починил ваш мистер Адельбертсмайтер, бегают, как новая. Я хотела спросить, сколько я вам должна. Мистер Адельбертсмайтер сказал, что, возможно, вас заинтересует работа моего сына в обмен на ваше время и заботу.

Я нашла чистую тряпку и принялась вытирать руки, чтобы иметь время подумать. Мне понравилось, что она постаралась узнать и запомнить, как зовут Зи. Не самое легкое для произношения имя, особенно если ваш родной язык испанский.

— Вы, должно быть, подруга Тони. У меня еще не было времени посмотреть на счет, выписанный Зи, но помощь мне нужна. Ваш сын что-нибудь знает о том, как ремонтировать машины?

— Он умеет менять масло и колеса, — ответила она. — Остальному научится. Он усердно работает и все схватывает на лету.

Как и Зи, мне импонировали ее откровенные, решительные манеры. Я кивнула.

— Хорошо. Сделаем так. Пусть ваш сын приходит... „Когда?“ — Я понятия не имела, что буду делать следующие несколько дней.

— ...в понедельник после уроков. Отработает стоимость ремонта, а если получится, сможет трудиться и дальше. После школы и в субботу весь день.

— Уроки на первом месте, — заявила она. Я кивнула.

— Мне подходит. Посмотрим, что из этого получится.

— Спасибо, — сказала она. — Он придет.

Я смотрела, как она садится в машину, и думала: „Врану повезло, что она не вервольф. Иначе ему трудно было бы сохранить свое положение Альфы“.

Тут я остановилась и взглянула на свои грязные руки. Вчера вечером кто-то задал вопрос, что нужно похитителям. Им не нужно место в стае Адама, потому что у них есть своя стая. Им не нужны деньги: у них нашлась бы более легкая цель, чем дочь Альфы. Значит, в Адаме есть нечто особенное. Среди вервольфов точно знать свой ранг в стае — вопрос безопасности. В стае Маррока эта иерархия не так важна, пока никто не забывает, что Бран — главный. Тем не менее и там за ней следят.

Я очень хорошо помню, как мой приемный отец присел перед моим стульчиком и загибал пальцы у меня на руке. Мне было тогда четыре или пять. „Один — это Бран, — говорил он. — Два — это Чарльз, а три — Сэмюэль. Четыре — Адам из стаи Лос-Аламаса. Пять — Эверетт из стаи Хьюстона“.

— Один — это Бран, — произнесла я теперь. — Два — Чарльз и три — Сэмюэль, оба они сыновья Брана. Четыре — Адам, теперь он в стае бассейна Колумбии.

Если что-то и есть в Адаме особенное, так то, что он, если не считать сыновей Брана, ближайший претендент на титул Маррока.

Вначале я попыталась отбросить эту мысль. Если бы я хотела, чтобы Адам бросил вызов Брану, я определенно не стала бы начинать с похищения его дочери. Но, может, они и не начинали с этого.

Я села на водительское сиденье „жука“, и старый винил закрипел подо мной. Что если они пришли не нападать на Адама, а поговорить с ним? Допустим, это был кто-нибудь хорошо знающий Адама, вроде его старого армейского приятеля. У Адама вспыльчивый, даже взрывной характер — но если он успокоится, его можно убедить выслушать.

Если враг — вервольф, он будет бояться Адама или по крайней мере будет осторожен. Так проходят игры за доминирование. Если встречаешься с Альфой на его территории, он оказывается в доминирующей позиции. Нельзя брать пистолет, заряженный серебряными пулями, — это объявление войны. В таком случае нужно либо убить Адама, либо умереть самому. Допустим, у врага был под рукой наркотик, что-нибудь такое, что способно успокоить вервольфа и помешает Адаму убить, если переговоры пройдут неудачно.

Но дела пошли не так, как планировалось. Кто-то запаниковал и застрелил открывшего дверь — у менее доминирующих волков есть тенденция впадать в панику, когда они входят в дом Альфы. Предположим, они выстрелили несколько раз. Конечно, ошибка но не фатальная.

Однако тут Адам напал на них. Поэтому они выстрелили и в него и связали, чтобы он их выслушал. Но Мак умер, а Адам не был настроен на беседу. Он стал вырываться, а когда в нем оказалось слишком много наркотика, он уже ничего не мог обсуждать.

Они впали в панику. Пришлось вырабатывать новый план. Как сделать так, чтобы Адам сотрудничал с ними?

— Джесси наверху, — сказала я, щелкая пальцами в быстром ритме, соответствующем моим мыслям. — Забери Джесси — и заставишь Адама слушать. А если он и тогда не захочет, пригрозь, что убьешь ее.

Это имело смысл не меньше, чем любое другое предположение. Но в таком случае как это совмещается с Маком и экспериментами с наркотиками?

Я выбралась из „жука“ и вернулась в контору за блокнотом. У меня нет никаких доказательств — только инстинкты. Но иногда мои инстинкты бывают очень верными.

На первой странице я написала: „Эксперименты с наркотиками/покупка новых волков?“ — а на второй: „Зачем заменять Брана Адамом?“

Я села на трехногий стул постучала ручкой по блокноту. Помимо транквилизатора, от которого умер Мак, нет никаких других подтверждений существования наркотиков, но рассказ Мака как будто свидетельствует об этом. Немного погодя я вывела: „Кетамин, ДМСО, нитрат серебра — единственные?“ Затем набросала имена тех, кто может знать об этих химических веществах: „Сэмюэль, доктор Уоллес“. После некоторого раздумья добавила: „Ауриэль, учительница химии“. Со вздохом призналась себе: это может быть кто угодно. Потом упрямо обвела кружком имя доктора Уоллеса.

У него есть и возможности и мотив для того, чтобы изготовить транквилизатор, который сделал бы его безопасным для тех, кого он любит. Я перестала играть ручкой.

„Так ли это? Разве вампирский Поцелуй — не транквилизатор? Вполне возможно, что подчиненные вервольфы после него становятся, как все другие животные, покорными и теряющими координацию. Стефан сказал, что только с некоторыми волками бывают проблемы. Сэмюэль пришел драться, его волк готов был к нападению, и он оказался захвачен“.

Я вспомнила о разбитых наручниках, оставшихся в доме Адама. Он так реагировал на похищение Джесси — но, возможно, это только часть дела. Впрочем, сейчас это неважно.

Я посмотрела на вторую страницу. „Зачем заменять Брана Адамом?“

Провела пальцами по этим словам. Я была не уверена, но должен существовать мотив, способный заставить усеять землю трупами и после этого не отказаться от замысла. Они оставили Адама в живых, хотя легко могли его убить, значит, им от него что-то было нужно.

Бран был Марроком почти два столетия. Зачем кому-то требуется убрать его именно

сейчас?

Я записала: „Хотят перемен“.

Возможно, Бран — ублюдок. Он был властелином в стиле старомодного деспота, но как будто именно этого хотели вервольфы. Под его управлением вервольфы Северной Америки процветали: и количество их, и сила выросли, в то время как в Европе они пришли в упадок.

Но был ли бы Адам другим? Даже если и так, то от этого не было никому выгоды. Он скорее всего был бы более деспотичным. Сэмюэль сказал, что Бран подумывал использовать Адама в качестве образцового примера вервольфа, но из этого, боюсь, ничего не вышло бы. Адам слишком горяч. Какой-нибудь репортер сунул бы фотоаппарат ему в лицо и обнаружил себя распластанным на тротуаре.

Вот оно что.

Я сделала глубокий вдох. Не перемен кто-то хотел — наоборот, сохранить все неизменным. А Бран собирается вывести волков наружу.

Неожиданно перестало казаться странным, что волки Адама могли предать его. (Мне думается, мои инстинкты меня не обманывают, в чем, по-видимому были уверены другие). Теперь я видела, каким образом волки Адама могли решить, что помощь врагу — не предательство. Они готовили для своего Альфы путь к власти. Предполагалось, что нападение на дом Адама не причинит никакого вреда, но и смерть не оттолкнула бы их. Вервольфы умирают — и их волки тоже — ради цели. Волк типа Мака, который даже не принадлежит к стае, не рассматривался бы в таком случае как большая потеря.

Предателем мог быть кто угодно. Ни у одного из волков стаи Адама нет личной преданности Брану.

Я взяла карточку, которую дал мне Бран, и набрала верхний номер. Бран ответил после второго сигнала.

— Бран, это Мерси.

Теперь, когда он меня слушал, я не знала, что можно ему рассказать. Слишком многое оставалось чисто умозрительными рассуждениями. Наконец я спросила:

— Было что-нибудь от Адама?

— Нет.

Я постучала носком.

— А... доктор Уоллес там? Бран вздохнул.

— Да.

— Не можешь ли спросить у него, не создавал ли он транквилизатор, который действует на вервольфов?

Голос его стал резким.

— Что тебе известно?

— Ничего. Абсолютно ничего, включая то, где сейчас Адам и твой сын. А когда ты собираешься вывести вервольфов из укрытия?

— Сэмюэль пропал?

— Я бы не заходила так далеко. С ними вся стая — просто они не посчитали нужным со мной связаться.

— Хорошо, — произнес он, очевидно, не удивленный тем, что меня не держали в курсе. Отвечая на твой предыдущий вопрос — я считаю, что что-то нужно сделать скоро. Не на этой неделе и не на следующей, но и не через год. Мои контакты в лабораториях ФБР сообщают, что наше существование уже почти не тайна. Подобно Серым Повелителям, я

пришел к выводу, что если выход из укрытия неизбежен, он должен проходить под нашим контролем. „Вот как? Вервольфы — контролируемые уроды?“

— Сколько человек... сколько волков знают об этом? Наступила пауза.

— Это имеет отношение к нападению на Адама?

— Я считаю да.

— Здесь в курсе большинство волков, — ответил он. — Я не держал этого в тайне. На следующем месяце на Собрании я намерен сделать объявление. — Он больше ничего не сказал — ждал моих слов.

Все это сплошные гадания, и я уже считала, что поступила нелепо, вообще заговорив об этом. Я сидела в гараже и думала, что и у меня есть долг верности. Да, я не вхожу в стаю, но Бран все равно мой Маррок. Я должна предупредить его.

— У меня нет доказательств, — обратилась я к молчанию на другом конце. — Только теория. — И я рассказала ему все, что думаю относительно того, что случилось и почему.

— Если вервольфы недовольны раскрытием перед человечеством, кажется странным, что с ними работают люди, — заметил Бран. Он не сказал, что моя теория кажется ему глупой.

Я почти забыла о людях.

— Верно. У меня нет никаких объяснений экспериментам, в которых участвовал Мак, — разве что их волнует дозировка или побочные эффекты. Платить за только что созданных вервольфов кажется слишком большим риском с малой выгодой.

— Если два волка дерутся и один из них под действием наркотиков, это очень заметно скажется на результате, — заявил Бран. — Мне нравится твоя теория, Мерседес. Она не совершенна, но, похоже, ты вышла на правильный след.

— Он не стал бы беспокоиться о верности людей, — произнесла я мысли вслух.

— Кто?

— Адам говорит, что один из волков, напавших на его дом, ему знаком. Этот волк родился одновременно с ним.

— Дэвид Кристиансен.

— Да.

Меня не удивило, что Бран догадался, о ком я. Создавалось впечатление, что он знает всех вервольфов лично. Может, так оно и есть.

— Дэвид работает с людьми, — промолвил Бран. — Но не с другими вервольфами. Я бы не подумал, что он станет участвовать в заговоре, замешанном на насилии — с таким Переходом, какой пережил твой Алан Маккензи Фрейзер. Но поразмыслить есть о чем. Я позвоню Чарльзу и выслушаю его мнение.

— Он все еще в Чикаго?

— Да. Ты была права: это был Лео. Очевидно, ему не хватало доходов, чтобы вести тот образ жизни, которым он хотел наслаждаться. — Голос Брана звучал нейтрально. — Он не знает волка, которому продавал таких, как твой Алан Маккензи Фрейзер — всего их было шестеро, не знает, и зачем им были нужны эти молодые волки. Глупо с его стороны. Непосредственно сделку заключал второй после Альфы, но Чарльзу трудно получить от него информацию, потому что он скрылся из города. Потребуется какое-то время, чтобы найти его. Остальная стая вроде бы пребывала в неведении, но мы все равно ее разгоняем.

— Бран. Если что-то услышишь от Сэмюэля или Адама, позвонишь мне?

— Позвоню, — мягко ответил он и повесил трубку.

Глава тринадцатая

После разговора с Браном у меня пропал настрой работать над „жуком“ — я закрыла мастерскую и пошла домой. Бран считал мои идеи разумными, что было совсем неплохо, но не облегчало тяжести в животе, которая говорила о том, что мне давно пора уже услышать звонок. Нос сообщил мне, что Адам не нашел Джесси в пустом доме в Западном Ричленде, — но не куда он отправился оттуда.

Я снова остановилась на пороге, ощутив все еще висящий здесь запах смерти. И решила, что Елизавета Аркадьевна таким образом наказывает меня за то, что я не рассказываю ей о том, что происходит. Придется очистить порог самой или в течение следующих нескольких месяцев вспоминать о смерти Мака всякий раз, как приду домой.

Я открыла дверь, по-прежнему думая о Маке, и на мгновение позже, чем следовало, поняла, что чувства все это время пытались мне сказать. Сумела только опустить подбородок, чтобы человек, стоящий за дверью, не смог вцепиться мне в горло, как нацеливался, но все же его рука ухватилась за мою голову.

Я резко повернулась в его захвате, так что оказалась лицом к нему, собрала все силы и резко ударила в нервный центр на поверхности большой мышцы бедра. Он выругался, хватка его ослабла, я высвободилась и начала драться по-настоящему.

Мой стиль карате — шисей кайкан — предназначен для солдат, которым противостоит множество противников, и это оказалось хорошо, потому что в моей гостиной было трое. Один из них вервольф — в человеческом облике. У меня не было времени на раздумье — только на оборону. Я нанесла несколько неплохих ударов, но вскоре стало очевидно, что эти люди изучали науку насилия гораздо дольше меня.

К тому времени как я поняла, что единственная причина, по которой я все еще на ногах и сопротивляюсь, в том, что они изо всех сил стараются не причинить мне вреда, вервольф один раз сильно ударил меня в диафрагму и затем, когда я попыталась вдохнуть, бросил на пол и прижал.

— Сломала мне еб...

— Здесь дамы, — укоризненно заметил тот, что держал меня непреодолимой хваткой, которая одновременно была мягка, как у матери, держащей ребенка. В голосе его звучал тот же тягучий акцент, который иногда проскальзывает у Адама. — Никаких ругательств.

— Сломала мне проклятый нос, — сухо и немного приглушенно — вероятно, из-за сломанного носа — поправился первый.

— Залечится. — Он не обращал никакого внимания на мои попытки освободиться. — Еще кто-нибудь ранен?

— Она укусила Джона-Джулиана, — снова сказал первый.

— Любовный укус, сэр. Все в порядке. — Говоривший откашлялся. — Прошу прощения, сэр. Мне не приходило в голову, что у нее есть подготовка. Она застала меня врасплох.

— Под мостом бывает вода. Учись, парень, — усмехнулся вервольф. Потом наклонился и голосом, от силы которого дрожь пробежала у меня по спине, произнес: — Поговорим немного, ладно? Мы не хотим причинять тебе вред. Если бы не сопротивлялась, не имела бы этих синяков по всему телу. Если бы захотели, мы могли бы гораздо серьезней отделать тебя.

Я знала, что он прав, но это не делало его моим лучшим другом.

— Что вам нужно? — спросила я как можно спокойнее, прижатая к полу этим

незнакомым вервольфом.

— Хорошая девочка, — одобрил он. Я же смотрела на пол, где между диваном и столом, примерно в двух футах от моей левой руки, лежал кинжал Зи. Должно быть, выпал, когда я ночью спала на диване.

— Мы здесь не для того, чтобы навредить тебе. Это первое, что ты должна знать. Второе — волки, которые следили за твоим домом и домом сержа, отозваны, так что тебе никто не поможет. Третье... — Он замолчал, наклонил голову и сделал глубокий вдох. — Ты оборотень? Не вервольф. Запах не тот. Я думал, может, кошка — у меня никогда не было кошек, но от тебя несет шерстью и охотой.

— Дедушка?

— Все в порядке, — успокоил вервольф, — она не причинит мне вреда. Кто ты, девочка?

— Разве это так важно? — спросила я. Он назвал Адама сержем — сержантом?

— Неважно, — ответил он, перестал прижимать меня и отпустил. — Нисколько.

Я откатилась к дивану и схватила кинжал, вытаскивая его из ножен. Один из людей сделал шаг ко мне, но вервольф поднял руку, и тот остановился.

Я продолжала двигаться, пока не оказалась за спинкой дивана, прижавшись к стене и держа кинжал в руке. Кожа вервольфа была такой темной, что пятна на ней казались синими и пурпурными, а не коричневыми. Отпустив меня, он сразу присел. На нем были свободные брюки цвета хаки и легкая голубая рубашка. По его сигналу остальные двое попятились, давая мне как можно больше пространства. Оба они худые, жилистые и так похожи, что могут быть близнецами. Как и вервольф, они темнокожие. Учитывая цвет кожи, одинаковую осанку и это „дедушка“, я решила, что они близкие родственники.

— Ты армейский приятель Адама, — заявила я вервольфу как можно спокойней, убеждая его, что могу быть на его стороне, как будто он не участвовал в разгроме дома Альфы. — Тот самый, что прошел Перемену вместе с ним.

— Да, мэм. Дэвид Кристиансен. Мои внуки Коннор и Джон-Джулиан.

Они кивали, когда он называл их имена. Джон-Джулиан потирал плечо, куда я впилась зубами, а Коннор прижимал тампон к носу одной рукой, а в другой держал коробку с моим „клинексом“.

— Мерседес Томпсон, — представилась я. — Что вам нужно?

Дэвид Кристиансен сел на пол, делая себя настолько уязвимым, насколько это возможно для вервольфа.

— Что ж. Мы попали в трудное положение и надеемся, что ты нам поможешь. Если ты обо мне слышала, то, вероятно, знаешь и то, что с самой Перемены я был одиноким волком.

— Да, — ответила я.

— Я не закончил школу и все, что умею, это воевать. Когда старый приятель нанял меня в качестве наемника, я согласился с радостью. Со временем мне надоело получать, приказы, и я создал собственное войско. — Он улыбнулся. — Когда внуки отслужили и присоединились ко мне, я решил больше не участвовать в чужих войнах. Мы специализируемся на поисках и освобождении похищенных, мэм. Бизнесменов, работников Красного Креста, миссионеров — кого угодно. Мы вырываем их из лап террористов.

У меня устали ноги, поэтому я пересела на спинку дивана.

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Мы оказались в затруднительной ситуации, — заявил вервольф.

— Угодили не на ту сторону, — уточнил тот, кого звали Джон-Джулиан.

— К вам обратился Джерри Уоллес, — прошептала я, как будто громкий звук мог уничтожить внезапное понимание. Последней каплей оказалось упоминание Кристиансеном одинокого волка. Одинокое волки и доктор Уоллес, пересекаясь, дают Джерри, связника Маррока с волками, которые не входят ни в одну стаю. — Он сказал вам, что Бран собирается открыть миру вервольфов.

„Неудивительно, что Джерри был слишком занят, чтобы оставаться с отцом“.

— Верно, мэм, — подтвердил Дэвид. Он посмотрел на меня. — Готов поклясться, ты не вервольф, но откуда тебе столько о нас известно... — Он неожиданно замолчал, и на лице его появилось выражение неожиданного понимания. — Койот. Ты девушка, выращенная Марроком. Ты умеешь превращаться в койота».

— Это так, — согласилась я. — Так говорил с вами Джерри о решении Брана вывести вервольфов из укрытия?

— Бран предает волков, открываясь людям, как сделали со своим народом Серые Повелители, — сказал Коннор, тот, с разбитым носом. Моя необычность, очевидно, отступила пред негодованием, которое он испытывал по отношению к Брану. — Он должен защищать свое племя. Кто-то должен бросить ему вызов, прежде чем он сделает это.

— И вы предложили Адама?

— Нет, мэм. — Дэвид излучал спокойствие, но я была уверена: будь он в волчьем облике, уши его были бы прижаты. — Это Джерри. Он хотел, чтобы я поговорил с ним — приятель со старым приятелем.

— Бран не из Серых Повелителей. Он никогда не бросил бы волков. Вероятно, тебе не пришло в голову просто позвонить Адаму и побеседовать с ним — или даже с Браном.

— Мы только вернулись с дела, — пояснил Дэвид. — Не было времени. К тому же некоторые вещи лучше всего обсуждать лично. — Вроде похищения? — сухо осведомилась я.

— Это не планировалось, — с жаром сказал Коннор.

— Правда? — спросил Дэвид. — Сейчас я уже сомневаюсь. Все прошло так плохо — четверка Джерри погибла, и не могу не подозревать, что все так и замыслилось.

— Умерли три его волка, — заметила я. — Мак был наш. Дэвид улыбнулся — только глазами, не губами.

— Да, мэм. Три волка Джерри и один Адама.

— Зачем ему было убивать собственных волков? — поинтересовался Коннор.

— Мы видели погибших волков. — Дэвид выглядел задумчивым. — А не были ли они доминантами? Я их мало знал — за исключением Кары. Она бы долго не стала терпеть приказы от Джерри. А парень, Мак, предал его, обратившись к Адаму за помощью.

— Ты считаешь, что Джерри психопат? — поднял брови Джон-Джулиан. — Он не показался мне сумасшедшим.

— Он вервольф, — ответил Дэвид. — Мы несколько больше внимания уделяем иерархии приказов, чем люди. Если он хочет оставаться у власти, он должен уничтожать волков, более доминантных, чем он, — и волков, предающих стаю.

Я взглянула на Дэвида.

— Я плохо знаю Джерри, но могу предположить, что ты более доминантен, чем он.

Дэвид поморщился.

— У меня есть свои бойцы. Мне не нужны те, что подчиняются Джерри. Он понимает это лучше кого бы то ни было. Он несколько лет наблюдал за мной.

— Значит, он считал безопасным обратиться к вам, — заметила я, — решив, что ты не станешь оспаривать его лидерство.

— Джерри заявил дедушке, что Адам не хочет бросать вызов Брану, но прислушается к старому другу, — сказал Джон-Джулиан. — Он предложил переправить нас сюда для разговора, и мы согласились. Нам не понадобилось много времени, чтобы разобраться, что дела обстоят не совсем так, как нам их представили.

— Я стал наводить справки, — продолжил рассказ Дэвид. — Позвонил друзьям и узнал, что Бран действительно собирается на встрече с Альфами в декабре объявить, что он хочет открыться перед человечеством. Поэтому мы пришли к Адаму, чтобы обсудить эту проблему. Не думаю, чтобы это что-нибудь дало. Адам слишком любит Маррока, чтобы бросить ему вызов.

— Но положение оказалось совершенно другим, — произнес Коннор. — Джерри не сказал нам, что собирает армию наемников и вервольфов.

— Армию? — переспросила я.

— Небольшую армию. Два-три одиноких волка, как Кара, которые не смогли найти стаю, — объяснил Джон-Джулиан. — И группа наемников, которым он, очевидно, предложил превращение в вервольфов.

— Мне следовало остановить это, когда проклятый придурок вооружил банду испуганных идиотов ружьями со шприцами. — Дэвид покачал головой. — Может, если бы я знал, что Джерри нашел то, что может причинить вред вервольфу... Ну, во всяком случае с этого момента получилось классическое «все в порядке — идем ко дну».

— Адам говорил, что Мака убили, как только он открыл дверь, — сказала я.

— Джерри так много говорил им о том, как опасен Адам, что они стали стрелять, еще не проверив, кто там. — В голосе Джона-Джулиана звучало легкое сожаление — мне показалось, скорее из-за несурзности такого поведения, чем из-за смерти Мака.

— Вы знали Мака? — спросила я, глядя на кинжал Зи, потому что не хотела, чтобы они поняли, как я разозлилась. Но, конечно, вервольф это почувствовал.

— Нет, — ответил Дэвид. — Мы прилетели сюда в прошлый понедельник в конце дня. — Он оценивающе взглянул на меня. — И были здесь, когда один из наемников Джерри, человек, прибежал к нам страшно испуганный.

— Он заявил, что кто-то прикончил его партнера, — добавил Джон-Джулиан, тоже глядя на меня. — Демон.

— Не демон. — Я пожала плечами. — Не требуется демон, чтобы убить неподготовленного, только что укушенного нового волка, слишком глупого, чтобы остаться в живых. Я старалась подавить гнев: не их вина, что они не знали Мака. Посмотрела на них и поколебалась: может, и их.

Теперь я была склонна им верить. Отчасти потому, что их слова казались правдивыми, хотя я недостаточно хорошо их знала, чтобы быть уверенной. Отчасти оттого, что я помнила, каким голосом Адам говорил о Дэвиде Кристиансене.

— Позвольте рассказать вам о Маке, мальчишке, который умер на моем пороге. — Я поведала им о Перемене, о чикагском Альфе, который продал паренька Джерри, и об экспериментах с наркотиками.

— Мы видели только ружья со шприцами, — промолвили Джон-Джулиан. — Но два выстрела убили молодого волка — а в Адама они выстрелили пять раз, прежде чем смогли его связать.

— Выходит, наш метаболизм ослабляется серебром, а тем временем ДМСО быстро разносит наркотик по кровеносной системе? — спросил Дэвид. — Значит ли это, что кто-нибудь может просто заменить кетамин чем-нибудь другим?

— Я не врач, — ответила я. — Но похоже, это что-то действует на волков.

— Может, это что-то и нужно было Джерри и он его проверял? — предположил Дэвид. — С настоящей стаей не сработало бы, но среди одиноких волков, отклонившихся в своем поведении от нормы, и наемников, которые помышляют только о работе, — о пленниках никто и не подумает. Там не оказалось никого, что почувствовал бы потребность их защитить.

Так устроены вервольфы: инстинкт велит им подчиняться доминантам, а тем, в свою очередь, инстинкт приказывает защищать тех, кто слабее их. Это природная организация равновесия в стае.

— Не все одинокие волки таковы, — возразил Коннор. Дэвид улыбнулся.

— Спасибо. Но вервольфы нуждаются в стае. Немногие похожи на меня: мы слишком ненавидим то, кем стали, чтобы жить в стае. Но большинство одиноких волков — те, кого не принимает сама стая. — Улыбка его стала мрачной. — У меня есть своя стая, Коннор. И это не просто стая вервольфов... — Дэвид посмотрел на меня. — Остальных членов стаи я оставил с Джерри, чтобы они приглядывали там за ситуацией. Нас шестеро. Небольшая стая, но сплоченная. Большинство волков, которые слишком долго живут вне стаи, в конце концов слегка сходят с ума. Наемники в этом отношении на них похожи. Наемник, который работает один, обычно делает это, потому что никто с ним не имеет желания сотрудничать: он либо глуп, либо спятил, а такие обычно быстро умирают.

— Я бы не хотела с таким встретиться, — заметила я, и тут раздался телефон. — Простите, — сказала я, порылась в карманах и нашла телефон, который чудесным образом уцелел.

— Счастливого Благодарения, Мерси!

— Счастливого Благодарения, мама. Могу я тебе перезвонить? Я сейчас немного занята.

— Твоя сестра сообщила, что она обручена. — Мама блаженно игнорировала мои слова. И мне пришлось слушать ее болтовню о моих братьях и сестрах, а три наемника сидели в моей комнате и смотрели на меня.

— Мама, — сказала я, когда она чуть приостановилась. — Мама, я не одна.

— Замечательно! — воскликнула она. — А я тревожилась, что ты на Благодарение останешься в одиночестве. Это Уоррен и его молодой человек? Надеюсь, он удержал его. Помнишь последнего? Такой спокойный, вежливый. Это не они у тебя в гостях?

— Нет, мама. У меня новые друзья. Но я должна заканчивать, или они решат, что я их не уважаю.

Несколько минут спустя я осторожно закрыла телефон.

— Совсем забыл, что сегодня Благодарение, — произнес Дэвид, но я не могла решить, беспокоит ли его это.

— Я все думаю об этих экспериментах с наркотиками, сэр, — заявил Коннор. — Большинство тех, кто пытается устранить правителя, обычно сами хотят занять его место.

— Это вервольфы, — заметил его дедушка. — Не люди. Джерри никогда не сможет стать Марроком. Да, он доминант, но сомневаюсь, чтобы он был достаточно силен, чтобы стать даже Альфой в какой-нибудь стае, тем более возглавлять все стаи. И он это знает.

— Но нравится ли ему это? — спросил Коннор. — Ты наблюдал, как он ведет себя с

волками? Заметил, что его наемники, те, что еще люди, проявляют доминантные признаки? Он говорит им, что не может рисковать их потерей, — но я думаю, он просто осторожен. Ему не нравится, когда ты отдаешь приказы его волкам и они повинуются.

— Он не может изменить то, каков он, — хмыкнул Дэвид, но видно было, что он согласен.

— Конечно, сэр. Но теперь у него во власти Адам. Найдя нужную комбинацию наркотиков и держа у себя его дочь, он теперь может контролировать Адама.

Дэвид наклонил голову, потом покачал ею.

— Не сработает. Надолго не сработает. Альфа скорее убьет себя, чем кому-нибудь подчинится надолго. Он либо преодолееет влияние наркотиков, либо умрет.

Я не была так уверена. Никто точно не знает, как действует смесь наркотиков, — даже сам Джерри; ведь он экспериментировал с новыми волками, совсем не такими сильными, как Адам.

— Неважно, что мы думаем. Верит ли Джерри, что наркотики подействуют на Адама? — спросил Джон-Джулиан.

Почему-то все они посмотрели на меня, но я могла только пожать плечами.

— Я не знаю Джерри. Он мало времени проводил в стае, все ездил куда-то по своей работе. — Я колебалась. — Бран не поставил бы глупца на такое место.

Дэвид кивнул.

— До сих пор я никогда не считал Джерри глупцом. Но эта кровавая баня заставила меня изменить мнение.

— Послушайте, — сказала я, — я с удовольствием поговорю о Джерри, но почему бы вначале вам не объяснить, что вы здесь делаете и чего хотите от меня?

— Мне по-прежнему не нравится то, что собирается сделать Бран, — проворчал Дэвид. — Совсем не нравится. Но то, что делает Джерри, нравится мне еще меньше.

— Джерри попросил нас отнести тело мальчишки на твой порог, — продолжил за дедом Джон-Джулиан. — Он заявил, что тебя нужно предупредить, чтобы ты не совалась в дела волков. Мы встретились с ним в доме, который он использовал как свой штаб, и только там узнали, что он похитил дочь Адама и позволил умереть своим трем волкам.

— Нельзя бросать своих! — воскликнул Коннор.

— Нельзя нападать на невиновных! — подхватил Джон-Джулиан.

«Похоже на символ веры». Дэвид слегка улыбнулся.

— И хотя я считаю, что Брана нужно остановить, только дурак может думать, что Адам способен сделать что-то такое, чего не одобрит Бран. Я бы предоставил Джерри возможность усвоить урок, но речь идет о нашей чести. Поэтому мы собираемся сегодня же освободить Адама и его дочь.

— Адам у них? — Я была не очень удивлена. Что еще могло бы держать стаю целый день вдали от телефонов? Было даже облегчением узнать это, потому что мне представлялся десяток других вариантов, гораздо хуже.

Что было настоящим сюрпризом, так это открывшаяся дверь, хотя я никого не ощутила на пороге. В дом вошел Сэмюэль — снова в человеческом облике. На нем были только джинсы. Даже ноги босые, и он слегка прихрамывал при ходьбе.

— Да, Адам у них, — подтвердил он.

Я могла не учуять его, но Дэвид не удивился. Он сделал легкое движение, останавливая своих — хотя я видела, что они напряглись и готовы к действиям.

— Дэвид Кристиансен, познакомься с доктором Сэмюэлем Корником, — сказала я. — Сэмюэль, это Дэвид, старый армейский приятель Адама. Он здесь, чтобы выручить Адама и Джесси.

— Я это слышал, — ответил Сэмюэль, садясь рядом со мной на диван.

— А что случилось с тобой? — спросила я.

— Мы отправились по адресу, который ты нам дала, и нашли несколько знаков, но ничего определенного. Мы какое-то время бродили по окрестностям, пока Даррил не сообразил, что Адам не отзывает нас с охоты, потому что он исчез вместе со своей машиной. Кто-то видел его с сотовым телефоном, которого у него не было, когда мы уходили из дома Уоррена. Несколько волков заметили, как отъезжает машина, но никто не подумал окликнуть Адама.

— Минутку. — Меня охватило очень дурное предчувствие. — Подожди минутку. Вампиры обязательно проверили бы адрес: Бран говорит, что нет больших параноиков, чем вампиры. Они должны были выяснить, там ли волки, где они должны быть. Просто для того, чтобы убедиться, что это именно волки. Но когда там появилась половина нашей стаи, она не смогла найти запаха пришельцев? — Я посмотрела на Дэвида. — А когда тело Мака лежало на моем пороге, я не учуяла никого, кто должен был бы его принести, — я не учуяла вас. — У меня поникли плечи. — Мне следовало еще тогда понять это. Дело не только в Джерри. — Я заметила, как напрягся Сэмюэль, и вспомнила, что он еще не знает. — Джерри Уоллес действует заодно с нашей колдуньей.

Есть немало колдуний, которые способны так стерилизовать тело, что ни самый искусный нос, ни лучшая команда ученых не найдут никаких ниточек. Но Елизавета Аркадьевна одна из немногих, кто может убрать запах Дэвида и его помощников, не затронув запах дома Адама.

— Это русская ведьма, — сказал Дэвид.

— Если волчьи стаи откроются перед человечеством, колдунии потеряют почти весь свой бизнес, — заметила я. — Оставаться в укрытии стоит больших денег, и деньги эти получают колдунии. Я даже не уверена, что это нарушение контракта: ведь Джерри хочет сделать Марроком Адама.

— Что? — Голос Сэмюэля звучал так спокойно, что я занервничала.

— Джерри не хочет, чтобы о волках стало известно, — объяснила я. — Он решил, что единственный, кто может этому помешать, это Адам — если убьет Брана.

Сэмюэль поднял руку и холодным взглядом обвел всех.

— Мне кажется, мистер Кристиансен должен рассказать, что, по его мнению, происходит.

Сэмюэль мог понять, лжет Дэвид или говорит правду. Сэмюэль из тех волков, которые это умеют.

Дэвид это знал. Я видела, как он улыбнулся.

— Джерри Уоллес заявил мне, что Бран предает свой народ. И спросил, согласен ли я поговорить с Адамом и понять, способен ли он противостоять Брану.

— То есть сразиться с Марроком за лидерство, — уточнил Сэмюэль.

— Да. Для этого он перевез меня сюда с моими мальчиками. Меня удивил избранный им метод. Я не стал бы приводить вооруженных людей в дом Альфы — но я не мог возражать без схватки, которая сделала бы меня главой волков Джерри, — худшей стаи я в жизни не видел. Я знал, что Адам способен защититься, и поэтому согласился. — Дэвид

пожал плечами. — Говоря с мисс Томпсон, мы убедились, что Джерри нарочно пролил кровь в доме, потому что волки, которые умерли, могли причинить ему неприятности. Я думаю, он с самого начала задумал не переговоры, а шантаж.

Сэмюэль наклонил голову.

— Он знает Адама. Тот не станет бросать вызов моему отцу — даже если не согласен с тем, что делает Бран. Он не хочет быть Марроком.

— Он недостаточно хорошо знает Адама, если считает, что сможет его контролировать, угрожая его дочери, — заметил Дэвид.

— Я думаю, вы ошибаетесь, — сказала я. — Адам сделает все, чтобы спасти Джесси.

— Вы все говорите так, будто верите, что Адам сможет убить моего отца.

Я обдумала его слова.

— В это верит Джерри. Может, он намерен предпринять еще кое-что, чтобы смерть Брана стала неизбежной. Джерри по-прежнему считает, что только он обладает информацией о транквилизаторах.

Сэмюэль заворчал, и я погладила его по голове. Спинка дивана не так удобна, как сиденье, но мне нравилось быть выше двух вервольфов. Сэмюэль переместил мою руку себе на плечо и удержал ее там.

— Так почему ты пришел сюда? — спросил он. — Не смог найти стаю Адама?

— Я не искал стаю Адама, — ответил Дэвид. — Джерри накачал Адама наркотиками по самые жабры. Я пытался побеседовать с ним, и он едва не разорвал цепи. Судя по его словам, он считает, что в стае есть предатель, — и скорее всего, он прав. Полагаю, поэтому они и смогли его взять. Но наркотики усиливают его паранойю. А для того, чтобы освободить его вместе с его дочерью-человеком, необходимо его сотрудничество. Мне он не доверяет — и с сожалением вынужден признать, что у него есть основания. — Дэвид взглянул на Сэмюэля. — Не думаю, чтобы он доверял и тебе: еще один самец, когда речь идет о его дочери. — Он снова обратился ко мне. — А у тебя весь фургон пропах им, и у него в спальне — твоя фотография.

Сэмюэль пристально посмотрел на меня.

— В спальне?

Для меня это тоже было новостью. Но больше тревожили Адам и Джесси, чем этот снимок.

— Хорошо, — согласилась я. — Так где они его держат?

За двумя исключениями, Сэмюэль предоставил строить планы Дэвиду.

Во-первых, он настоял на том, чтобы призвать стаю, хотя согласился с тем, что она будет в резерве, в нескольких минутах от места действия. И до самой последней минуты только Даррил будет в курсе того, что происходит.

Во-вторых, Сэмюэль настоял на том, чтобы мы позвонили его отцу и рассказали все, что нам известно.

— Адам не будет с ним сражаться, — втолковывал Сэмюэль сидевшему с застывшим лицом Дэвиду. — Я знаю, ему не нравится мысль о выходе из укрытия, но он понимает причины действий моего отца. — Он вздохнул. — Послушайте, это никому из нас не нравится, даже самому Марроку. Но у моего отца есть отчеты нескольких волков: правительственные учреждения грозят раскрыть их, если, они не согласятся сотрудничать.

Какая-то гамма чувств настолько стремительно пронеслось по лицу Дэвида, что я не успела ее поймать, но Сэмюэль кивнул.

— Полагаю, и с тобой кое-кто переговорил. Все остальные тоже из армии. Мы стали секретом Полишинеля — а это небезопасно. Откровенно говоря, я удивлен, что Брану так долго удавалось держать нас в укрытии. Я думал, что как только общество признало малый народ, оно должно было обнаружить и нас.

— Люди не хотят ничего знать, — заметила я. — Большинство предпочитает оставаться в своем маленьком уютном мире.

— Что сделает твой отец с дедушкой? — спросил Коннор. Сэмюэль поднял брови.

— Не вижу его ошибок. Он не давал клятвы верности ни Брану, ни кому-либо другому — и не выдал никаких наших тайн. Напротив.

Зазвонил мой телефон — это был Бран. Чутье у этого вервольфа сверхъестественное.

— Мерседес, я хочу поговорить с сыном. Я взглянула на Сэмюэля и сказала:

— Его здесь нет. Я тебе уже объяснила, что с прошлого вечера ничего о нем не слышала.

— Хватит игр, — произнес Бран. — Дай-ка Сэмюэля.

Посмотрев в сторону Дэвида Кристиансена и его внуков, я сунула трубку Сэмюэлю, и он стал объяснять отцу положение. Бран, очевидно, распознал в моем голосе ложь, когда я заявила, что здесь нет его сына. Вероятно. Но Дэвид, который слышал обе стороны разговора, навсегда останется в убеждении, что Маррок знал от том, что Сэмюэль сидит рядом со мной.

Я постаралась скрыть свое удовлетворение: чем более могучим волки считают Брана, тем он в большей безопасности.

Глава четырнадцатая

Мы почти весь путь провели с Кристиансенем и его внуками — я в облике человека, а Сэмюэль — волка: он изменил форму в моем доме, потому что волки могут чувствовать перемену. Примерно за милю Дэвид вышел, оставив указания, как ехать дальше. Идея заключалась в том, чтобы нам с Сэмю-элею попытаться действовать самостоятельно. Мне надлежало определить, можно ли пробраться через дыру на склад, где держат Адама и Джесси, а Сэмюэль встретится со стаей и будет ждать, пока их не позовут.

Адама и Джесси держали на лесопильной фабрике, расположенной на холмистой равнине к югу от Бентон-Сити, небольшого городка в двадцати минутах от Ричленда.

Хотя фабрика давно не функционировала, вокруг стояли акры неубранных деревьев. Я, проезжая, различила клены, дубы и сосны.

Большое сооружение — очевидно, склад, о котором говорил Дэвид, — находилось за производственным цехом. Окна там были заколочены, и рядом располагался плакат с надписью «Продано».

Я присела в канаве, окруженной зарослями узколистого лоха, недалеко от Сэмюэля. Отсюда все было хорошо видно. Никаких машин не было, они, по-видимому, припаркованы по другую сторону склада.

Кристиансен рассказал, что фабрику купил местный винный завод; владельцы намеревались пустить землю под виноградники. Поскольку посадку начнут только следующей весной, предполагалось, что и дом, и склад до той поры будут пустовать.

Риэлтерский знак продемонстрировал мне, что один из волков Адама действительно его предал, и даже подсказал имя.

Я достала свой сотовый и набрала номер Даррила. К этому времени я уже знала его на память.

— Смог связаться с Джоном Кавано? — спросила я. Джон Кавано — один из тех волков, которых я не очень хорошо знаю. Его не было у Уоррена на нашем военном совете.

— Мы пока его не нашли.

Я облегченно вздохнула, на что Даррил не обратил внимания. Он по-прежнему недоволен тем, что мы не докладываем ему, что делаем. Не нравилось ему и то, что командует Сэмюэль.

— *Как приказано*, я не оставляю сообщений на автоответчиках. Это значит, что нам будет не хватать бойцов.

— Я вижу имя Кавано на риэлтерском знаке у фабрики, на которой держат Адама, — сообщила я.

Наступила долгая пауза.

— Понятно, — задумчиво произнес наконец Даррил и повесил трубку. Никаких «прощай», таков уж наш Даррил, но он умный парень. Джона Кавано на эту операцию не пригласят — и ни на какую другую тоже. Может, меня должно было беспокоить, что я только что подписала ему смертный приговор, но мне нужно сначала увидеть Адама и Джесси на свободе, а уж потом жалеть Кавано.

Рядом со мной негромко заскулил Сэмюэль.

— Все в порядке, — бросила я ему, раздеваясь. Было холодно. Не так, как в Монтане, но все же довольно прохладно — только отбросить побыстрее одежду, стараясь, чтобы она не

запуталась в зарослях. Кое-как я сложила одежду и выключила сотовый.

— Тебе не обязательно ждать, пока я переменюсь. Сэмюэль только посмотрел на меня.

Я вздохнула и быстро переменилась. Испытывая снова приятное тепло, потянулась, помахала Сэмюэлю хвостом и направилась к складу. Еще было светло, поэтому я двинулась кружным маршрутом, чтобы меня никто не заметил. Я знала, что Сэмюэль идет за мной, хотя ни разу его не увидела. Очень впечатляет, учитывая его окраску: белый цвет хорош для зимы в Монтане, но зима в восточном Вашингтоне обычно серая или коричневая.

Один угол алюминиевой стены склада чуть отогнут точно в том месте, где и сказал Кристиансен. Пришлось повозиться, но я пролезла ценой некоторого количества шерсти. Нос говорил мне, что еще один койот и несколько тварей поменьше пользовались этим маршрутом за последние месяцы. Если Джерри или кто-нибудь из волков уловит мой запах, возможно, они подумают, что это всего лишь еще один койот.

Склад внутри огромен, и в нем не теплей, чем снаружи. Хотя Кристиансен сказал, что я без труда найду в нем укрытие, я почему-то ожидала, что он будет пуст. Но он был забит сотнями, может, тысячами фанерных ящиков, сложенных в три яруса и покоровившихся от влаги и времени. Ящики стояли один на другом до потолка — до тридцати футов над моей головой.

В воздухе пахло плесенью. Осмотревшись, я увидела противопожарную систему разбрызгивания и отверстия в полу для стока. Вероятно, не без цели. Когда склад был заполнен древесиной, ее приходилось сбрызгивать до отправки.

Я нашла штабель, на нижнем ящике которого было написано: «*Hamamelis Virginiana*, лещина виргинская, 3–4». Ящик пуст, но острый запах древесины еще чувствовался. Я могла бы спрятаться и в верхнем ящике, но когда буду забираться в него или спускаться, меня могут увидеть. Вместо этого села на цемент между штабелем и металлической внешней стеной — здесь я чувствовала себя защищенной, насколько это было возможно в данных обстоятельствах.

План заключался в том, чтобы ждать, пока не придет один из сыновей Дэвида и не выпустит меня. Они собирались сделать «извлечение» (термин самого Дэвида) ночью, а это означало необходимость ждать несколько часов.

У Джерри были проблемы с Адамом. Даже под действием транквилизатора он очень возбуждался, когда в его комнате присутствовали охранники. Они помнили, как он вырвался у себя дома, и поэтому постарались обезопасить себя на этот раз; это означало, что большую часть времени Адам с Джесси оставались одни, а охранники находились снаружи. А запах Джерри так тревожил Адама, что Джерри приходилось вообще не заходить на склад.

Хотя мы вытащим Адама и Джесси уже довольно скоро, я решила проникнуть к ним и попытаться подготовить Адама к спасению.

Мы спорили об этом. Дэвид хотел, чтобы я начала действовать, когда на смену заступит один из его людей, но я хотела помочь Адаму и Джесси как можно быстрее. Дэвид считал риск обнаружения очень высоким. Спор разрешил Сэмюэль.

— Пусть идет. Она все равно сделает это, так мы хоть сбережем нервы.

Дэвид был недоволен, но покорился решению высшей власти — и здравому смыслу. Сэмюэль прав. Я не собиралась бросать Адама и Джесси беззащитными, если могла, быть с ними. Джерри — единственный волк, который знает мой запах, а он на склад не заходит. Все остальные волки решат, что я просто койот: здесь вокруг их множество. Мне все равно приходилось ждать сопровождения, но это безопасней, чем бродить вокруг, разыскивая, где

держат Адама и Джесси.

Пребывая в неподвижности, трудно постоянно находиться в состоянии готовности. Постепенно я задремала, Ж как продолжалось, наверно, около часа, когда меня разбудил знакомый с недавнего времени запах Джона-Джуиана.

Я выползла очень осторожно, но он был один и нес на плече мою сумку. Он не стал со мной разговаривать, только повернулся и пошел между рядами ящиков в ту часть склада, которая напоминала контору. Здесь было три этажа, один над другим.

Джон-Джулиан поднялся на третий этаж, где на дальней двери висел виднелся засов, который отличал эту дверь от других. Когда парень повернул ручку и открыл дверь, я метнулась внутрь и остановилась.

Неудивительно, что Джерри оставлял только одного охранника. Ни у Джесси, ни у Адама не было никакой возможности сбежать.

Джесси лежала на голом матрасе. Кто-то залепил нижнюю часть ее лица скотчем, обхватывающим рот, волосы и шею. Снимать эту ленту будет трудно. Руки девочки были скованы, а альпинистский канат тянулся от наручников к решетчатой спинке кровати. Ноги тоже были связаны и прикреплены к основанию кровати, так что Джесси могла только дергаться.

Она пустыми глазами посмотрела на Джона-Джулиана, а меня, казалось, совсем не заметила. На ней была пижама, вероятно, та самая, в которой она была, когда ее похитили, их тех мягких хлопчатобумажных пижам, верх которых напоминает футболку. На левой руке у нее был синяк, такой темный, что казался не пурпурным, а черным. Адам сидел в кресле, сколоченном, очевидно, тем же любителем-столяром, что сделал и кровать. Кресло грубое, скрепленное болтами. Вероятно, владельцев этой мебели не беспокоили вопросы стиля. Тяжелые кандалы — точно такие, какие ожидаешь увидеть в музеях в макетах средневековых камер пыток, — приковывали его руки к подлокотникам кресла; ноги точно так же были прикреплены к ножкам. Даже если бы он разбил кресло — не смог бы освободиться: его опутывало такое количество серебряных цепей, что этого серебра хватило бы на год финансирования местной школы.

— Джерри сюда не войдет, — заверил меня Джон-Джулиан. (Адам на мгновение приоткрыл глаза, и я увидела, что зрачки у него желто-золотистые и гневно горят.) — Его присутствие производит на Адама такое же действие, как на моего деда. Даже наркотики его не успокаивают, и Джерри вынужден держаться подальше. Наш человек будет на страже еще только пять минут. Следующий охранник — враг, но после него заступит Шон, один из наших. Его смена два часа. — Джон-Джулиан продолжал сообщать то, что я уже знала: повторял, чтобы я точно все запомнила. — Шон поднимется сюда, чтобы помочь тебе, если сможет. Охранники обычно остаются внизу, за исключением самой первой смены. Но ты должна оставить их связанными до смены Шона — на всякий случай, вдруг кто-нибудь зайдет. Один человек сторожит пленных, и еще четверо патрулируют окрестности. Один из них постоянно обходит склад. В доме есть электричество и спутниковое телевидение, так что большинство свободных от дежурства — там. Никто не ожидает, что стая Адама так быстро его отыщет, поэтому они спокойны.

Основную нагрузку по охране пленников несли люди Дэвида, потому что у Джерри было мало таких, кому он мог бы доверить беспомощную пятнадцатилетнюю девочку: такие способности не очень востребованы в мире наемников и одиноких волков. Дэвид сказал, что Джерри заплатил им, чтобы они остались и несли охрану. Джерри как будто считал, что

Дэвид не станет действовать против него, пока получает плату.

Пока Джон-Джулиан инструктировал меня, я осматривала комнату, в которой совсем не было места, где можно было бы укрыться. Если никто не выйдет, я могу прятаться за дверью или в большом шкафу с отодвигающейся дверью, — некоторые клише являются клише, потому что действуют. У охранников не будет причины обыскивать комнату, если Адам и Джесси — в ней.

Джесси наконец зашевелилась, поняв, что он говорит не с ней. Она неловко повернулась, чтобы получше разглядеть меня, и издала хриплый звук, приглушенный кляпом.

— Тише, — попросил ее Джон-Джулиан и снова обратился ко мне:

— У тебя около четырех часов. Мы их отвлечем — это не моя работа, но ты поймешь, когда услышишь. Твоя задача — свести этих двоих по лестнице в комнату, ближайшую к большой гаражной двери. Там тебя найдет дедушка, и мы выведем вас.

Я кивнула, и Джон-Джулиан поставил на пол сумку.

— Удачи, — негромко произнес он и вышел, закрыв за собой дверь.

Я, не теряя ни минуты, переоделась, достала одежду и надела белье, темную футболку и тренировочные брюки. Переодевшись, приладила наплечную кобуру и сунула в нее пистолет. Он был заряжен и готов к действию. Я прихватила также «Смит-и-Вессон» приемного отца. Он слишком велик для такой кобуры, но пули из «Магнума 44» делают гораздо большие отверстия, чем девятимиллиметровые. Если все пройдет нормально, ни тот, ни другой мне не понадобятся.

Я уловила краем уха, как кто-то поднимается по лестнице, и, что для человеческого слуха очень неплохо, поняла, что не различила, как спустился Джон-Джулиан. Предполагая, что это новый охранник, я схватила сумку и, держа в руке пистолет, спряталась в шкафу. Дверца его раздвижные, и я оставила ту часть, что дальше от меня, открытой, как и было.

Я видела, как дернулась Джесси, когда кто-то отодвинул запор и открыл дверь.

— Привет, красавица, — сказал охранник. (Я чувствовала запах чеснока, который он недавно ел, и еще чего-то кислого и нездорового. Это был не вервольф, но я бы не хотела, чтобы такой человек оказался вблизи Джесси.) — Я тут, чтобы отвести тебя в туалет. Если будешь мила со мной, я даже позволю тебе что-нибудь съесть. Бьюсь об заклад, ты голодна.

Он подошел к Джесси, и я получила возможность разворотить ему спину. Искушение было тем более сильно, что я видела панику в глазах Джесси и исходящий от нее запах страха.

Адам зарычал, но охранник достал пистолет, повернулся и нажал на курок. Джесси издала ужасный, невероятный звук. У меня палец лежал на спусковом крючке, и я едва не выстрелила, когда поняла, что раздался только легкий щелчок: оружие было заряжено шприцем с транквилизатором. Если бы у наемника был слух вервольфа, мне пришлось бы его прикончить, потому что я не удержалась и сглотнула, когда он пальнул в Адама.

— Это тебя немного успокоит, — произнес охранник, по-видимому, обращаясь к Адаму. Убрал пистолет в кобуру и согнулся, развязывая ноги Джесси. Если бы он взглянул через плечо, то увидел бы меня — как видела Джесси.

Я покачала головой, показала на свои глаза, потом на охранника. Она поняла, потому что перестала смотреть на меня — теперь она уставилась в потолок.

Кто-то поднимался по ступенькам — возможно, привлеченный звуком выстрела, хотя и очень тихим. Но охранник как будто этого не слышал. Дверь была открыта, так что второй

охранник сразу вошел. Этот был вервольф. Я не могла его видеть, но чувствовала его запах.

— Здесь пахнет зверем, — сказал он таким низким басом, что голос казался приглушенным.

Вначале я была уверена, что он говорит обо мне.

Охранник, который находился прямо передо мной, дернулся, очевидно, захваченный врасплох. Если бы он скосил глаза, то посмотрел бы прямо на меня, но внимание его было занято пришедшим.

— Ты зверь, Джонс? — спросил тот с мягкой угрозой в голосе. — Я — да.

Джонс попятился, наткнулся на кровать и сел частично на Джесси. Я могла бы объяснить ему, что он поступает глупо: нельзя пятиться от хищника — это внушает тому опасные мысли.

Когда Джонс промолчал, вервольф рассмеялся.

— Мне кажется, босс приказал тебе не приближаться к девочке. Разве я не прав?

Не знаю, что делал вервольф, но, должно быть, что-то пугающее, потому что Джонс издавал негромкие звуки. Вервольф, крупный рыжеволосый мужчина с темной, коротко подстриженной бородой, наконец прошел вперед. Он схватил Джонса обеими руками за плечи и, крикнув от усилия, поднял с кровати. Повернулся к двери и бросил более легкого человека через комнату. Я не видела, как Джон упал на пол, но слышала, как он ахнул.

— Убирайся, — велел вервольф.

Джонс сверзился по лестнице, но я совсем не была уверена, что это улучшает положение. Оставшийся гораздо опасней. Он говорил о зверях. Может, учуял меня? Или насмеялся над Джонсом?

Я стояла неподвижно, если не считать легкой дрожи, которую не могла контролировать, и старалась думать о чем-нибудь хорошем. Страх обладает сильным запахом, но Джесси испугана за нас обеих, и я надеялась остаться незамеченной.

— Ну хорошо, ангелочек, давай развяжемся, — мягко сказал вервольф Джесси; возможно, этот голос меня бы успокоил, если бы я не чувствовала запаха его похоти. Джесси не могла его чувствовать и потому немного расслабилась.

Его большие руки распутали узлы, и он, как джентльмен, помог ей сесть и дал время, чтобы она размяла спину и плечи. Умная девочка, она разместилась так, чтобы он не смотрел в сторону шкафа.

Он слегка подтолкнул ее, чтобы она встала, и поддерживал, пока она шла у меня на виду к двери. Я прислонилась к стене, закрыла глаза и молилась, надеясь, что приняла верное решение, что он ничего не сделает девочке, только отведет ее в туалет. А мне тем временем нужно взглянуть, что там с Адамом.

Шприц все еще торчал из его шеи, я его извлекла и бросила на пол. Когда я коснулась Альфы, он открыл глаза, но не думаю, чтобы что-нибудь разобрал.

— Теперь все в порядке. — Я массировала ему кровоподтек на шее. — Я здесь, и мы вытащим тебя с Джесси. Теперь мы знаем, кто предатель, и остальные не смогут причинить нам вред.

Я не сказала ему, кто такие «мы»: не была уверена, что он меня слышит, и хотела его успокоить, а не рассердить. Из его правой руки торчал еще один шприц, и я выдернула и его, перегнувшись через Адама, чтобы сделать это. Он опустил голову, так, что уткнулся лицом мне в спину между лопатками и шеей. Я не могла решить, сознательно ли он это сделал или я его просто подтолкнула, но различила, как углубилось его дыхание.

— Все в порядке, — сказала я ему. — Спи и избавляйся от этого яда.

Я оставалась возле него, прижимая его к себе, пока не услышала, что кто-то снова поднимается по лестнице. Я вернула Адама в прежнее положение, минус шприцы, конечно, и торопливо направилась в свое укрытие.

По ступенькам поднимался кто-то один. Я в тревоге ждала. И лишь когда он показался в дверях, поняла, что это охранник, несущий Джесси. Она неподвижно лежала у него на руках и смотрела в стену.

— Прости, ангелочек, — ласково произнес он, прочно привязывая ее. — Я бы оставил тебя одну, если бы это от меня зависело, но мы ведь не можем рисковать, верно?

«Он труп», — подумала я, запоминая его внешность и то, как он движется, чтобы узнать в следующий раз, даже если у Джерри в банде есть два рыжеволосых гиганта ростом выше шести футов. Я ощутила удовлетворение в его голосе, и Джесси наверняка тоже. Он хотел ее напугать.

Адам шевельнулся. Я слышала его, хотя он не был в поле моего зрения.

— Мерси, — прохрипел он. Охранник рассмеялся.

— Мерси? Здесь ты этого не найдешь.^[23] — Он протянул руку и потрепал Джесси по щеке. — До следующей встречи, ангел.

Я вспомнила, что Ангелом называет Джесси Адам, и меня слегка затошнило. Двери закрылась, засов встал на место. Я подождала, пока вервольф спустится, прежде чем выйти из шкафа. Джесси по-прежнему смотрела в стену.

Голова Адама снова упала на грудь, и я не могла не дотронуться до него, чтобы убедиться, что он еще дышит. Потом подошла к его дочери.

С того момента как охранник снова ее связал, она не изменила позу. «Еще два часа, и можно будет их освободить», — подумала я, роясь в сумке, чтобы найти что-нибудь и разрезать веревки Джесси. Я не могла оставить ее в таком виде.

Не знаю, почему я прихватила с собой кинжал Зи или почему взяла из сумки его, а не перочинный нож, но он оказался в моей руке, словно там было его место.

Когда я уперлась коленом в кровать, Джесси дернулась, поэтому я притронулась к ее плечу.

— Это я, Мерси. Больше никто тебя не обидит. Но тебе нужно не шуметь, если сможешь. Я сниму веревку и посмотрю, что можно сделать с лентой.

Как только я заговорила с ней, она от полной неподвижности перешла к сильной дрожи, как будто замерзла. В комнате было холодно, а ее ничем не укрыли, так что, возможно, это часть проблемы, предположила я. Но она сильно втягивала воздух — трудная задача, учитывая, что дышать она могла только через нос.

Я притронулась к лезвию пальцем. Острое, но не настолько, чтобы перерезать веревки без труда. Я просунула лезвие между путами и рамой кровати и едва не порезалась, потому что, когда потянула, почти не встретила сопротивления. Вначале я решила, что кинжал выскользнул из-под веревки, но та была аккуратно разрезана надвое.

Я с уважением взглянула на кинжал. Мне следовало бы догадываться, что всякое оружие, которое Зи использует для защиты, таит в себе немало сюрпризов. Я освободила и ноги Джесси, и она подтянула колени к груди и обхватила их руками. Слезы покатались по ее лицу, и я с минуту растирала ей спину. Когда она слегка успокоилась, я снова порылась в сумке и достала небольшой, дорожный флакончик ВД-40.

— Наряду с уксусом и пищевой содой, смазочное масло ВД-40 — чудеснейшее

открытие века, — сказала я Джесси. — Сейчас мы с его помощью ослабим скотч.

Я не была уверена, что получится, хотя с помощью этого масла я очищала машины от остатков ленты. Масло подействовало, и я смогла осторожно отлепить ленту от кожи. Когда достаточно ленты освободилось, я просунула под нее кинжал и перерезала возле уха. Сейчас волосы меня не беспокоили — прежде всего нужно было позаботиться о лице.

Лента снималась так же легко, как с машин. Немного погодя рот Джесси был свободен, и я отрезала остальную часть ленты, так что она оставалась только в волосах.

— Ужасный вкус, — прохрипела Джесси, вытирая рот полой пижамы.

— Мне тоже не нравится, — согласилась я, потому что раз или два, когда забывала вымыть руки, масло попадало в рот. — Давно ли ты не пила?

— С того времени как привели папу, — прошептала она своим коленям. — Когда я начинала говорить, он вскакивал, чем бы его ни напичкали, поэтому мне залепили рот. Мне казалось, наркотики на вервольфов не действуют.

— Этот действует. Хотя не думаю, чтобы так, как им нужно, — ответила я, доставая из сумки термос с кофе. — Мне следовало захватить воду. — Я поднесла ко рту Джесси крышку термоса с ароматной жидкостью. Я знаю, что большинству людей этот запах нравится, но я почему-то его не переношу.

Когда она не шевельнулась, я резко произнесла:

— Послушай, у нас нет времени на нежности. Вечером, когда окажешься дома, сможешь сколько угодно сидеть неподвижно. А сейчас ты должна мне помочь, чтобы выручить твоего отца.

Я чувствовала себя так, словно бью скулящего щенка, но Джесси села и взяла крышку дрожащими руками. Я этого ожидала и налила только наполовину. Джесси поморщилась от вкуса кофе.

— Выпей, — попросила я. — Поможет. Кофеин и сахар. Я сама это не пью, поэтому сбегала к вам и прихватила дорогой кофе из холодильника. Не должно быть так уж плохо. Сэмюэль велел сделать покрепче и положить побольше сахара. Должно походить на горький сироп.

Она слегка улыбнулась, потом улыбнулась шире и заткнула нос, прежде чем выпить остальное одним глотком.

— В следующий раз, — все еще хрипло сказала она, — кофе буду делать я.

Я улыбнулась ей.

— Договорились.

— Можно снять наручники? — спросила она.

— Через пару часов придет один из заговорщиков, — ответила я. — У него будут ключи.

— Хорошо. — Губы ее дрожали. — Но, может, ты сумеешь их открыть. Эти плохие, не такие, как у полицейских, а как из эротических магазинов.

— Джессика Тамаринд Хауптман. — Я была шокирована. — Откуда ты об этом знаешь? Она хихикнула.

— У одного моего приятеля есть пара. Он купил их на гаражной распродаже. Надел на себя, а ключ потерял. Он был в панике, когда мама застала его.

Я присмотрелась к скважине для ключа. Она выглядела подозрительно большой. У меня не было с собой заколок или булавок для волос, но у кинжала Зи очень острый кончик.

Я взяла один из наручников и попыталась вставить кинжал в отверстие. Вначале мне

показалось, что не войдет, но когда я слегка надавила, он проскользнул внутрь.

— Ох! — Джесси отдернула руку.

Я вытащила кинжал и увидела царапину у нее на руке. Потом взглянула на наручники: кинжал разрезал металл так же легко, как веревку. — Действительно волшебник по металлу, — прошептала я.

— Что это за нож? — поинтересовалась Джесси.

— Кинжал. Мне его дали на время. — Я приложила лезвие к цепи, соединяющей наручники, и смотрела, как цепь тает под легким нажимом. — Что ж, когда в следующий раз возьму еще что-нибудь у другого, постараюсь его расспросить.

— Он может вскрывать наручники? — Джесси держала металлический обрубок.

Я осторожно просунула кинжал между запястьем и наручником. Металл под лезвием просто разошелся, словно при плохо сделанном визуальном эффекте. Режиссер обязательно добавил бы искр или яркого красного сияния, но я ощутила только слабый запах озона.

— У кого ты его взяла? — спросила Джесси, когда я взрезала второй наручник. — У Зи?

Я видела, что статус Зи поднялся от скучноватого старого друга до таинственной личности.

— Как холодно. — Теперь она говорила почти нормально, и этот ее голос составлял разительный контраст с синяками на лице и руках.

Когда вервольф направился с ней вниз, синяка на лице не было.

— Он тебя ударил? — осведомилась я, вспоминая, как охранник нес ее, а она старалась казаться как можно меньше.

Улыбка ее погасла, глаза потускнели.

— Не хочу об этом говорить.

— Хорошо, — с готовностью согласилась я. — Больше можешь о нем не беспокоиться.

Если понадобится, я сама об этом позабочусь.

«Налет цивилизации слишком легко спадает с меня, — подумала я, беря крышку и навинчивая ее на термос. — Один синяк — и я готова к убийству».

— Тебе следовало бы выпить больше, — заметила я. — Но кофеин понадобится твоему отцу. — Может, Шон принесет, когда придет.

— Кто такой Шон?

Я рассказала ей о Дэвиде Кристиансене и о том, что он пообещал «извлечь» нас целыми и невредимыми.

— Ты ему доверяешь? — спросила она и, когда я кивнула, произнесла: — Хорошо.

— Давай взглядем на твоего отца.

Я развязала Джесси, и теперь нет никакого смысла держать Адама в цепях, и все это серебро ему не помогает. Я взяла кинжал Зи, но Джесси схватила меня за руку.

— Мерси, — сказала она тихо. — Когда он начнет приходить в себя, он...

— Страшный? — Я потрепала ее по руке.

Мне казалось, что ее опыт общения с вервольфами заставлял считать их скорее домашними животными, чем опасными хищниками. Но кажется, это все в прошлом. Я вспомнила, что Дэвид рассказал, как Адам будто сошел с ума, когда его привели в эту комнату; вспомнила обломки мебели в его гостиной. Может, вуаль с глаз Джесси спадает слишком стремительно.

— А чего ты ожидала, если он беспомощен и в руках врагов? — рассудительно проговорила я. — Он, как мог, пытался защитить тебя. Требуется огромное усилие воли,

чтобы преодолеть влияние вещества, которым его накачали. Нельзя ждать, что результат будет изящным.

Я собиралась резать цепи, но тут поняла, что озабоченность Джесси заставляет и меня тревожиться. Но так нельзя. Я собираюсь освободить его, что бы он мог двигаться. И если я его боюсь, это разбудит в нем хищника.

Я решительно прижала кинжал к массивному наручнику, охватывавшему его левую руку. Старалась действовать осторожно, потому что наручники сидели на Адаме плотней, чем на Джесси. Не хватало места, чтобы просунуть кинжал между металлом и кожей. Вспомнив, как лезвие поранило Сэмюэля, я решила, что так не годится. Поэтому я просто прикоснулась острием к металлу, не прилагая никакого давления, чтобы отдернуть сразу, как только дело будет сделано.

Вначале я решила, что рукоятка нагревается от тепла моих рук, но когда лезвие разрезало наручник, мне пришлось отбросить клинок: он стал таким горячим, что его невозможно было держать. Рука Адама соскользнула с подлокотника и опустилась на колени.

Потребовался почти час, чтобы разрезать все наручники и цепи. Каждый раз кинжал раскалялся, и с каждым разом он делал это все быстрее и остывал все дольше. К тому времени как Адам освободился от цепей, на линолеуме были видны ожоги, а на руках у меня образовались волдыри.

Джесси помогла мне собрать цепи и свалить их на кровати. Мы старались не волочить их по полу, потому что звон металла о твердую поверхность разносится далеко.

Мы едва успели уложить последнюю цепь, как услышали на лестнице шаги охранника. Я бросила кинжал Зи на кровать рядом с цепями, оттолкнула Джесси к шкафу и достала пистолет, направила его на дверь на высоте в шесть футов и стала ждать, когда прогремит засов.

Охранник, насвистывая, вложил ключ, и я крепче сжала пистолет: собиралась вначале выстрелить ему в грудь, потом дважды в голову. Если даже он не будет мертв после этого, то лишится способности двигаться, и я смогу его прикончить. Конечно, это приведет сюда остальных, но у меня отсутствовал выбор: не было ни времени, ни желания снова связывать пленников.

Вдохнув, я расслышала голос, искаженный расстоянием и закрытой дверью, так что не смогла разобрать сказанное. Но охранник за дверью ответил. Если придется кого-то убивать, я буду довольна, если это окажется тот, что ударил Джесси.

— Проверяю пленников, — произнес охранник за дверью. — Пора делать Хауптману еще один укол.

Второй человек спросил еще что-то.

— Мне не нужно смотреть на часы или получать приказ, — ответил охранник. — Хауптману нужно сделать укол. Он больше не будет опрокидывать ведро из-за небольшого количества серебра. Так сказал Уоллес.

Я ощутила, как по лестнице поднимается волна Силы. Не масштаба Адама или Сэмюэля, но тем не менее Сила, и я предположила, что человек, говоривший с нашим охранником, это Дэвид Кристиансен.

Охранник заворчал, но достал ключ из замка и загромыхал вниз по лестнице. Я услышала звуки короткого ожесточенного спора, и когда все стихло, я решила, что победил Кристиансен, и спрятала пистолет.

— Что ж. — Я постаралась успокоить дыхание. — Разве не забавно?

Джесси свернулась на дне шкафа. На мгновение мне показалось, что она там и останется, но она оказалась крепче, чем я думала. Набралась смелости и встала.

— Что теперь?

Я посмотрела на Адама. Он не шевелился.

Я пересекла комнату и прижала руку к его лицу. Кожа была на ощупь холодная, и это плохо. Из-за быстрого обмена веществ у вервольфов обычно высокая температура кожи. И я подумала: «Сколько же серебра накачали в его организм?»

— Надо напоить его кофе, — обратилась я к Джесси. — И у меня есть еда, она тоже может помочь.

Джесси посмотрела на отца, потом на меня.

— Хорошо, я попробую. Но как заставить его пить кофе?

В конце концов мы вытащили его из кресла и прислонили головой к бедру Джесси. Влили немного кофе, еще горячего, ему в рот. Мы не знали, как вынудить его проглотить, но он сделал это самостоятельно.

После третьего глотка он открыл глаза, они были цвета черного бархата. Адам схватил руку Джесси, лежавшую на его плече, но посмотрел он на меня.

— Мерси, — прошептал он. — Что ты сделала с моим французским кофе?

Мне показалось, что все мои старания впустую: Адам выпустил руку Джесси, спина его изогнулась, так что голова еще ниже опустилась на ее колени. Кожа посерела, потом покрылась пятнами, руки скрючились. Глаза закатились, так что видны были только белки.

Я выронила кофе, схватила Джесси за плечи и как можно скорей оттащила от Адама.

— Он ударится головой. — Она, как и я, поняла, что у Адама припадок.

— Если у него треснет череп, он сможет это залечить, а ты нет, — ответила я. — Джесси, он вервольф: к нему нельзя приближаться, когда он такой. Если он ударит тебя, переломает кости.

Я искренне возблагодарила Господа за то, что Адам выпустил руку Джесси, а не стиснул ее.

И словно разбуженная теми же демонами, что вызвали конвульсии Адама, волна Силы распространилась от Адама. Я почувствовала ее, как и все вервольфы в округе.

— Стрелять умеешь? — спросила я.

— Да, — ответила Джесси, не отрывая взгляда от отца. Я достала пистолет СИГ и протянула ей.

— Целься в дверь, — сказала я, роюсь в сумке в поисках «магнума». — Когда я велю, нажимай на курок. Первый раз пойдет немного туго. Пистолет заряжен на вервольфов. У нас здесь есть союзники, поэтому стреляй только по моей команде.

Я отыскала револьвер. Не было времени его проверять, но перед тем как положить его в сумку, я его зарядила. «Смит и Вессон» гораздо тяжелее СИГ и способен нанести гораздо более тяжелую рану.

— Что случилось? — осведомилась Джесси. Я вспомнила, что она человек и не слышит, как поет Сила Адама.

Музыка становилась громче, она раздваивалась, фокус ее смещался, и я уже не могла с уверенностью заявить, что она исходит от Адама. По ступеньке взбежали легкие шаги, ключ в замке повернулся. Джесси все еще смотрела на меня, а я уже повернулась и направила револьвер на открывавшуюся дверь.

— Не стреляй. — Я отвела револьвер и надавила на руку Джесси, чтобы ствол ее оружия смотрел вниз. — Он один из нас.

Кожа мужчины, стоявшего в дверях, была цвета горячего шоколада, на зеленой футболке было написано: «ДИНОЗАВРОВ ПЕРЕБИЛИ ДРАКОНЫ», и у него были карие глаза. Именно футболка подсказала мне, что это человек Дэвида. Он стоял совершенно неподвижно, давая мне время сообразить, что он на нашей стороне.

— Я Шон, — сказал он и тут увидел Адама. — Черт побери. — Он вошел в комнату и закрыл за собой дверь. — Что происходит?

Он не сводил взгляда с Адама, который лежал на спине. Руки и ноги его дергались, словно в необычном танце.

— Мне кажется, он меняется, — проговорила Джесси.

— Конвульсии, — сказала я. — Я не врач, но по-моему слишком много серебра проникло в его нервную систему и повредило что-то важное.

— С ним все будет в порядке? — Голос Джесси дрожал.

— Он крепок. — Я надеялась, что Джесси не заметила, что я не ответила на ее вопрос.

Сколько нужно серебра, чтобы убить вервольфа? Обычно это зависит от Силы, но есть вервольфы, которые чувствительней других.

— Я сменял Гамильтона, когда капитан подрался с Коннором и сделал мне знак, чтобы я поднимался сюда, — сообщил Шон. — Не сделал я и трех шагов, как все вервольфы бросились к капитану. Я так понял, что это имеет отношение к припадку.

Я кивнула и объяснила им обоим, как могла лучше:

— Не знаю, как он это делает, но Кристиансен извлекает Силу из Адама и маскирует ее. Думаю, все считают, что это его Сила.

— Из-за драки, — произнес Шон ошеломленно.

Но я утратила интерес к действиям Кристиансена, потому что Адам затих и лежал вяло и неподвижно. Джесси хотела подойти к нему, но я ее удержала.

— Подожди, — сказала я, воспользовавшись случаем отобрать у нее пистолет, чтобы она случайно не выстрелила. — Убедись, что он прекратил.

— Он не умер? — спросила она.

— Нет. Я слышу его дыхание: оно слабое и поверхностное, но устойчивое.

Я сунула «Смит и Вессон» в сумку, а СИГ — в кобуру. Благодаря Кристиансену нам не угрожает встреча со стаей волков, но это каждую минуту может измениться.

Адам не шевелился, но его дыхание стало глубже. Я начала уверять Джесси, что теперь все в порядке, как Адам неожиданно перевернулся на бок и свернулся в позе зародыша.

Глава пятнадцатая

— А сейчас он меняется? — осведомилась Джесси.

— Это было бы плохо, — заявил Шон. — Мы не хотим, чтобы это произошло, пока не пройдет действие наркотиков. Я говорил кое с кем их тех, кто был в вашем доме, когда он вырвался. Тогда он тоже был под наркотиками.

— Перестань ее пугать! — рявкнула я. — С ним все будет в порядке. К тому же, не думаю, чтобы он менялся.

На самом деле ощущение верволчьей Силы исчезло. И я понятия не имела, что происходит с Адамом.

Рубашка Адама, грязная, изорванная и запятнанная кровью, выглядела не белой, а скорее серой. Совсем серой. Он сильно вспотел, и ткань прилипла к телу, четко очерчивая сильные мышцы спины и плеч. Я даже видела бугры на спине. Рубашка чуть светилась холодным флюоресцирующим светом, и Адам сильно дрожал. Я не могла определить, в сознании ли он.

Убрав пистолет в кобуру, я подошла к нему.

— Адам, — позвала я, потому что он лежал спиной ко мне: нельзя заставить вервольфа врасплох. — Адам, что с тобой?

Не удивительно, что он не ответил.

Я присела, прикоснулась к влажной материи, и Адам схватил меня за талию — движение было таким стремительное, что он неожиданно оказался лежащим на спине. Не помню, чтобы я видела, как он перевернулся. Глаза его были желтыми и холодными, но хватка — не сильной.

— Ты в безопасности, — сказала я ему, пытаюсь сохранять спокойствие. — Джесси здесь, она тоже в безопасности. Мы приведем тебя в форму, а потом уберемся отсюда.

— Это серебро, — ужаснулся Шон. — Поэтому его рубашка посерела. Ё... то есть, черт побери! Он выделяет с потом серебро.

Адам слегка поморщился при словах Шона. Его сверкающие золотые глаза, ледяные и горячие одновременно, удерживали мой взгляд. Мне следовало опустить глаза — но, кажется, это не соревнование в доминировании. Он словно использовал мой взгляд, чтобы выбраться из той пропасти, куда его заставили погрузиться наркотики. Я старалась не мигнуть, чтобы не разрушить заклятие.

— Мерси? — Он говорил хриплым шепотом.

— *C'est moi, c'est moi.* Да, это я. — Реплика показалась слишком мелодраматической, хотя я не была уверена, что он понял, на что я намекала. Напрасно сомневалась: Адам рассмеялся.

— Надеюсь, ты цитируешь Ланселота, а не Гиневру.

— Оба они были глупы, — сказала я. — Артуру следовало в качестве наказания поженить их и благополучно жить в свое удовольствие. «Камелот» мне нравится только из-за музыки. [\[24\]](#)

Эта болтовня подействовала. Пульс Адама замедлился, теперь он дышал глубоко и ровно. Когда его глаза станут нормального цвета, наши неприятности закончатся. Конечно, если не считать такой мелочи, как склад, полный врагов. Но, как я всегда говорю, по одной неприятности за раз.

Адам закрыл глаза, и мне показалось, что я забыта: но он по-прежнему крепко держал меня за руку, словно боялся, что я уйду.

— У меня страшная головная боль, — сказал он, — и такое чувство, будто меня раздавило паровым катком. Джесси в безопасности?

— Все хорошо, папа, — откликнулась Джесси, хотя подчинилась моему жесту и не подошла. Он мог говорить спокойно, но запах и то, как настойчиво он удерживал меня, создавали противоположное впечатление.

— В синяках и испугана, — уточнила я. — Но в остальном невредима.

Я поняла, что на самом деле не знаю, что с Джесси, и бросила на нее тревожный взгляд. Она произвела слабую имитацию своей обычной улыбки.

— Все хорошо, — произнесла она снова, обращаясь на этот раз ко мне.

Адам облегченно вздохнул.

— Объясни, что происходит.

Я сообщила ему краткую версию — и все равно на это потребовалось время. Когда я рассказывала ему о вторжении Дэвида Кристиансена в мой дом, он закрыл глаза, словно ему было больно держать их открытыми. Еще до того как я закончила, он начал беспокойно ворочаться.

— Кожа сползает.

— Это серебро тебя тревожит. — Мне следовало догадаться раньше. Коснувшись свободной рукой его рубашки, я показала серый налет на указательном пальце. — Я слышала, как с потом выходят пули, но серебро — никогда. — Начала помогать ему снять рубашку и тут же поняла, что он не может бегать голым, когда здесь Джесси. — У тебя нет запасной одежды, Шон? Это серебро жжет ему кожу.

— Может надеть мою, — ответил Шон. — Но сходить за сменой я не могу: я на дежурстве.

Я вздохнула.

— Придется отдать мои спортивные брюки. Футболка у меня длинная, доходит до икр.

Мы с Шоном как могли быстро раздели Адама, рубашкой вытерли серебро с кожи и накрыли моими брюками и зеленой футболкой Шона. Адам сильно дрожал к тому времени, как мы закончили.

Термос расплескал свое липкое содержимое по всему полу, когда я его уронила, но и сам термос, и кофе уцелели. Я попросила Джесси давать отцу кофе так быстро, как он сможет глотать, и с некоторым трудом она справилась. Когда кофе исчез, она, не моргнув, скормила ему сырой бифштекс из мешка на липучке.

Я тревожилась, потому что Адам был очень пассивен; в таком состоянии я его никогда не видела. Сэмюэль говорил, что длительное действие серебра повышает чувствительность. Я вспомнила о головной боли Артура и его припадке и понадеялась, что смена обличия поможет ему выздороветь.

— Знаешь, — задумчиво произнес Шон, — если Джерри хотел, чтобы он через месяц сразился с главным волком, он не слишком хорошо о нем заботился.

Я взглянула на него и в этот момент услышала, как открылась дверь.

— Эй, Моррис, — начал вошедший незнакомый мужчина, — босс зовет тебя и...

Он увидел Адама и Джесси, замолчал и потянулся за оружием.

Если бы все зависело от меня, мы все были бы мертвы. Я и не подумала достать свой револьвер, только глазела пораженно: я поняла, что Шон не закрыл дверь. Трижды быстро

щелкнул пистолет Шона — в районе сердца вошедшего появился почти правильный красный треугольник, причем шума было не больше, чем если бы кто-то открыл бутылку с шипучкой. Шон стрелял из малокалиберного автоматического пистолета с глушителем.

Наемник медленно опустился на колени, потом рухнул лицом вниз. Я наконец выхватила свой револьвер и прицелилась.

— Нет, — остановил Адам. — Подожди. — Он посмотрел на дочь. — Ты сказала, что не ранена — это правда?

Джесси решительно кивнула.

— Только синяки.

— Хорошо, — кивнул Адам. — Мерси, мы постараемся как можно больше оставить в живых: мертвые ничего не расскажут, а я хочу точно знать, что происходит. Мы уйдем задолго до того, как он излечится настолько, чтобы представлять опасность. Оставьте его.

— Он не мертв? — спросил Шон. — Капитан говорит, что вервольфов можно убить свинцом.

Не привыкнув иметь дела с вервольфами, люди Кристиансена не держали серебряных пуль, а мой запас был ограничен. Серебряные пули дороги, а я обычно не охочусь на вервольфов. Только у Коннора есть пистолет, который может стрелять пулями моего калибра. И я отдала ему с полдюжины своих 9-миллиметровых пуль.

— Нужно попасть в позвоночник серебром, если хочешь убить вервольфа, — сказала я Шону. — И даже тогда... — Я пожалала плечами. — Серебряные пули дают раны, которые не так быстро заживают, и вервольф может истечь кровью.

— Черт возьми. — Шон бросил последний взгляд на окровавленного вервольфа, в которого он стрелял. Потом взял свой телефон и набрал несколько номеров подряд. — Это сообщит всем, что мы начали. — Он спрятал маленький прибор в карман джинсов. — Нам пора двигаться отсюда. Если повезет, они решат, что это где-то далеко, и не обратят внимания на мои выстрелы. Но скоро хватятся Смитти, и когда это произойдет, нас здесь не должно быть.

И он принялся организовывать наш отход.

Я убрала СИГ в кобуру и достала «магнум». Для него у меня нет кобуры, придется нести в руке. Дополнительный магазин я сунула в бюстгальтер: просто лучшего места не было.

Мы оттащили раненого вервольфа от двери, затем Джесси и Шон поставили Адама на ноги. Шон — потому что он самый сильный из нас, Джесси — потому что я умею стрелять лучше нее. Я вышла первой.

Эта часть склада была расположена отдельно от главного помещения. Офисы располагались в секции, занимавшей в ширину только половину здания, и подо мной оказалась цементная площадка, достаточно широкая, чтобы по ней рядом прошли два грузовика. Перегнувшись через перила, чтобы посмотреть, что происходит внизу, я определила, что поблизости никого нет, но остальная часть здания из-за высоких штабелей ящиков была видна мне плохо.

Как только остальные оказались на лестничной площадке, я спустилась ниже, на второй этаж, откуда могла охранять их. По плану Шона мы должны были попробовать довести Адама до машин. У одного из людей Джерри есть классический грузовик «шевроле»; Шон сказал, что завести его, закоротив провода, — быстрее, чем вставлять ключ в зажигание.

Я пыталась дышать тише, чтобы лучше слышать, но на складе было тихо, раздавались только звуки шагов моих товарищей; но у меня звенело в ушах так, что это могло скрыть

приближение целой армии.

Рядом с офисами располагалась гаражная дверь, высокая, двойной ширины, того типа, что позволяет пропускать прицепы. Шон пояснил, что дверь закрыта снаружи, а мотор, открывающий ее, Джерри расстрелял, когда решил держать Джесси в офисах: он хотел контролировать доступ к ней. Поэтому нам придется идти к другой стороне склада и выйти через единственную незакрытую маленькую дверь.

Ожидая внизу и наблюдая за складом, где в этом лабиринте ящиков может спрятаться дюжина вервольфов и еще останется множество укрытий, я думала о последних словах Шона: «Он прав. Если бы Джерри хотел, чтобы Адам убил Брана, — ему Адам нужен был бы в хорошей форме. А в нынешнем состоянии Брану потребуется несколько секунд, чтобы прикончить Адама».

Сэмюэль говорил мне, что Джерри не глуп. Так, может, именно такой результат ему нужен?

Мне пришло в голову, что очень многое не имеет смысла, если Джерри не глуп — а Сэмюэль очень хорошо оценивает характеры. Дэвид, кажется, считает, что кровавая баня в доме Адама помогла Джерри избавиться от соперников, но одновременно она привлекла внимание Маррока. Это произошло бы, даже если бы я не отвезла к нему Адама. Нападение на дом Альфы — нерядовое событие. К тому еще эта плата вампирам. Возможно, я раскопала это дело раньше, но если бы вмешался Бран, рано или поздно он бы об этом узнал.

Если бы я подыскивала того, кто бросит вызов Марроку, я бы не стала похищать дочь кандидата, чтобы он меня возненавидел. Если бы я пользовалась подпольными методами и не была уверена, что мой кандидат победит, я постаралась бы скрыть все следы, чтобы Бран ничего не мог узнать — а у Брана заслуженная репутация того, что умеет узнавать все.

Джерри сделал все, только что не вывесил плакат, на котором написано: «Смотрите, что я делаю!» — и если он не глуп, то сделал он это нарочно. С какой целью?

— Мерси. — Шепот Шона вернул меня к настоящему. Они спустились, и я преграждала им путь.

— Прости, — ответила я тем же беззвучным шепотом. Я шла на несколько шагов впереди, оглядывая по пути ящики, мимо которых мы проходили. Двигались мы медленно. У Адама были проблемы с ногой, простреленной при первом нападении, а Джесси слишком невысока, чтобы на пару с Шоном — он почти шести футов ростом — образовывать удобные костыли. Я что-то услышала — или мне показалось, что услышала, — и остановилась. Но когда звук не повторился, я решила, что это звенит у меня в ушах. И не успела сделать трех шагов, как Сила прокатилась по мне подобно теплему сладкому ветру.

— Стая здесь, — сказал Адам.

Я никогда раньше не чувствовала их так, но мне никогда не приходилось сталкиваться со всей стаей, действующей с единой целью. Возможно, так и должно быть, а может, дело в том, что я стою рядом с Альфой стай.

Адам остановился и закрыл глаза, он глубоко дышал. Я почти видела, как силы вливаются в него. Вот он распрямился, приняв на себя весь свой вес.

Джесси тоже смотрела на отца. Только Шон продолжал наблюдать за окружающим, и его расширившиеся глаза заставили меня обернуться.

Если бы вервольф занялся мной, я была бы мертва. Но он выбрал самого сильного из нас и пролетел мимо, как снаряд, отбросив меня на груды ящиков. «Смит и Вессон» вылетел у меня из руки, но не выстрелил, ударившись о землю. Я слышала, как хрустнула кость руки,

почувствовала острую боль, упала на пол и повернулась так, что могла видеть Адама, на которого набросился волк.

Джесси закричала. Шон опустошил свой пистолет, не задержав волка. Тогда парень вытащил длинный нож и замахнулся, но вервольф нанес ему быстрый боковой удар, на который не способен ни один волк. Как и я, Шон упал на ящики и откатился на пол.

Я с трудом встала и взяла в левую руку кинжал Зи. Не знаю, почему не стала доставать свой СИГ: может, стремительное нападение слишком ошеломило меня. Если не считать этой недели, все насилие в моей жизни происходит только в школе боевых единоборств.

Я двинулась вперед, и в это мгновение что-то красное пронеслось мимо меня. Еще один вервольф. У меня хватило времени подумать, что нам все-таки не повезло, но вервольф ухватил первого волка за загривок и отбросил от Адама.

Рыжий волк на этом не остановился, он уже был на серо-коричневом звере, едва тот успел приземлиться. Адам был весь в крови, но прежде чем я смогла подойти к нему, его раны закрылись в потоке Силы, от которого пахло стаей. Он вскочил на ноги, выглядя лучше, чем с самого вечера понедельника.

Я с опозданием вспомнила, что у меня есть еще один револьвер, выронила кинжал Зи, достала СИГ и ждала, когда волки разъединятся настолько, чтобы я могла стрелять. Теперь я видела, что рыжий зверь выше и стройней обычного вервольфа, как будто его растили для бега, а не для схваток.

— Я не хочу, чтобы он умер, если это возможно, — сказал мне Адам, хотя и не попытался отнять у меня пистолет.

— Этот должен умереть, — ответила я, потому что узнала запах. Это был тот, кто ударил Джесси по лицу.

У Адама не было возможности спорить, потому что в это мгновение серо-коричневый волк оказался наверху в борющейся паре и я трижды нажала на курок. Это не «магнум», но даже девятимиллиметровая пуля причиняет немало ущерба, если попадает в череп с расстояния в пятнадцать футов.

Адам что-то говорил. Я видела, как шевелятся его губы, но в ушах у меня ревело, как прибой на морском берегу. Один из недостатков хорошего слуха — слишком чувствительные уши, о чем волкам с их способностью к быстрому исцелению не приходится беспокоиться.

Адам, должно быть, понял, что я его не слышу, потому что постучал по пистолету и поднял бровь, задавая вопрос. Я посмотрела на упавшего вервольфа, потом на Джесси. Адам проследил за моим взглядом, и лицо его стало холодным и жестким. Когда он протянул руку, я отдала ему СИГ.

Он, нисколько не хромая, направился к вервольфу. Одной рукой схватил мертвого волка и стащил его со второго; тот тут же вскочил и стоял, опустив голову; выглядел он ошеломленным. Адам взялся за нижнюю челюсть рыжего волка, очевидно, проверяя степень ущерба. Очевидно, удовлетворенный, он повернулся к его противнику и опустошил пистолет в его тело. Я видела, как Адам щелкнул пальцами, и рыжий волк встряхнулся всем телом, словно вышел из плавательного бассейна, потом подошел и сел у ног Адама, как хорошо натренированная собака. Джесси подняла кинжал и вложила мне в ножны, а Шон медленно встал. Он перезарядил свое оружие и положил свою руку на мою сломанную.

Должно быть, я застонала, но следующее, что помню: я стою на коленях, опустив голову, и у меня на шее — широкая теплая ладонь. Меня окутал богатый экзотический запах Адама, он дал мне силы успокоить взбунтовавшийся желудок. Не думаю, чтобы я полностью

потеряла сознание, но была близка к этому.

Когда я подняла голову, рыжий волк сунул нос мне в лицо и лизнул длинным языком в щеку, прежде чем Адам легонько стукнул его. Я поднялась с помощью Адама, но держалась на ногах самостоятельно.

Я протянула Адаму свежую обойму, и он перезарядил пистолет — хотя улыбнулся, видя, что я достала обойму из лифчика. Думаю, он был рад, что я не слышу, что он сказал. Он спрятал СИГ в мою кобуру, подобрал мой револьвер и отдал мне. Потом посмотрел на Шона, который успокаивающе помахал рукой.

Когда мы двинулись к выходу, рыжий волк рядом со мной успокаивал меня больше пистолетов. Не в том дело, что он эффективней: его присутствие означает, что стая близко. Нужно только встретиться с ней — и мы в безопасности.

Я посмотрела на Адама. Он выглядел здоровым, словно и не был ранен. Я слышала, что Альфа может брать Силу у стаи, но не понимала, почему это сработало здесь и не сработало в доме Уоррена.

Шон вышел в дверь первым, рыжий волк сразу за ним. Была ночь, и убывающая луна стояла высоко в небе. Адам придержал для меня и Джесси дверь открытой, потом вышел на автостоянку, как человек, заходящий в собственную гостиную.

Вначале я никого не увидела, но потом из-за машины; появилась едва заметная неясная фигура, потом еще одна и еще. Стая Адама молча собиралась вокруг него. Большинство были в виде волков, но Уоррен и Даррил сохранили человеческий облик. Оба были в темном и оба вооружены.

Уоррен взглянул на рыжего волка, нашего спасителя, и приподнял бровь, но молчания не нарушил. Он осмотрел Адама и прикоснулся к щеке Джесси с кровоподтеком.

— Уоррен, — сказал Адам негромко таким голосом, который не разносится далеко. — Отведешь мою дочь и Мерседес в безопасное место?

В другое время я бы заспорила с Адамом. В конце концов, кто кого освобождал? Но у меня ужасно болела рука, и вообще я свою норму убийств на сегодня выполнила. Единственная радость — в ушах больше не звенело. Пусть Адам со своей стаей заканчивает дело, а я готова отправляться домой.

— Я не хочу тебя оставлять. — Джесси взяла отца за руку.

— Отвезу ее к себе. — Уоррен успокаивающе улыбнулся. — Сможешь по пути домой заехать и забрать ее. — Более тихим голосом он обратился к Джесси: — Я побуду с тобой, пока отец не приедет. Со мной ты в безопасности.

— Хорошо. — Джесси резко, отрывисто кивнула. Очевидно, поняла, что отец не хочет, чтобы он видела, как он разделается с ее похитителями.

— Но у меня нет машины, — сказал Уоррен Адаму. — Мы пробежали полетом вороны три мили, прежде чем добрались сюда.

— Шон. — Я старалась говорить так же тихо, как все остальные. — Здесь вроде есть старый грузовик, который можно завести, закоротив провода. Где он? Я его заведу, а Уоррен нас увезет.

— По другую сторону склада, где стоят все машины, — ответил он.

Я пошла одна, но Уоррен и Джесси скоро меня догнали. Грузовик оказался единственной машиной на дальней стороне склада. Припаркованный в центре слабо освещенной одним из фонарей склада площадки стоял «Шевроле 69», выкрашенный блестящей темной краской. Кто-то очень расстроится, потеряв любимую игрушку, — если

переживет гнев Адама. Но это не моя проблема. Моя проблема — завести машину со сломанной правой рукой. Руку я прижимала к боку, но долго я так не выдержу. Боль становилась все сильнее, и у меня начала кружиться голова.

— Можешь закоротить провода в машине? — с надеждой спросила я Уоррена, подходя к грузовику.

— Боюсь, что нет.

— А ты, Джесси? Она подняла голову.

— Что?

Умеешь заводить машину без ключа? — снова спросила я, и она покачала головой. От нее пахло страхом, и я вспомнила, как она цеплялась за отца.

— Сегодняшний охранник, — произнесла я.

Она удивленно посмотрела на меня, потом вспыхнула, плечи ее обвисли.

— Он больше никому не причинит беспокойства.

— Это был напавший на отца вервольф? — Я не могла понять выражения ее лица. — Поэтому ты его убила? — Джесси неожиданно нахмурилась. — И поэтому папа так в него стрелял. Откуда он знал? Ведь он был без сознания, а ты ничего ему не говорила.

— Мне и не нужно было говорить, — ответила я и попыталась объяснить ей, как в ситуации полного взаимопонимания достаточно одного жеста, чтобы Адам все узнал. — К тому же он видел мое лицо.

Я протянула Уоррену свой «магнум», чтобы освободить руку.

Закоротить провода машины одной рукой — это заняло у меня больше времени, чем с ключом, к тому же я работала в неудобной позе, стараясь уберечь сломанную руку. Но наконец двигатель завелся — что-то гораздо более мощное, чем первоначально было здесь под капотом, — и я поняла, что слух мой полностью восстановился.

— Никогда раньше не слышала, чтобы ты ругалась, — произнесла Джесси голосом, уже похожим на обычный. — Ну, не так ругалась.

— Это особо ценные слова. Без них ни один механик в мире не может работать, — пошутил Уоррен. Его руки очень осторожно и бережно помогли мне выбраться из машины. Он протянул мне револьвер и, когда я неловко взяла его, тут же отобрал, убедился, что он на предохранителе и снова отдал. Он открыл пассажирскую дверцу и помог Джесси сесть, потом подал руку мне. Я сделала к нему шаг, и тут что-то привлекло мое внимание.

Вначале я подумала, что это звук, но только потому, что устала. Это было волшебство. Не волчья магия и не волшебство малого народа.

И тут я вспомнила про Елизавету.

«Сэмюэль знает о ней», — сказала я себе, но уже решила, что никуда не поеду: никто из вервольфов не почувствует ее колдовство, пока не будет слишком поздно, а Сэмюэль может не осознавать, как важно, чтобы Адам был в курсе, что Елизавета работает на Джерри.

Елизавета Аркадьевна Вишневецкая не просто колдунья. Она самая сильная колдунья на всем северо-западном побережье США.

Мне нужно предупредить Адама.

— Отвези Джесси к себе домой, — попросила я Уоррена. — Накорми, заставь выпить несколько галлонов апельсинового сока, укрой одеялом. А мне нужно остаться.

— Почему?

— Потому что если Бран выведет волков из укрытия, ведьма Адама потеряет свой доход.

— Елизавета?

Послышался выстрел, за ним второй и третий.

— Увози Джесси, я предупрежу Адама. Здесь Елизавета, и она создает какое-то заклятие.

Он мрачно взглянул на меня.

— Как мне остановить грузовик?

«Боже его благослови, он не собирается спорить».

— Просто рассоедини провода.

С другой стороны склада раздались четыре выстрела. Они как будто доносились со стороны дома с заколоченными окнами.

— Будь осторожен, — сказала я.

Он поцеловал меня в лоб, не касаясь моего измученного тела, и сел в кабину.

Я следила, как он дает задний ход, включает фары и уезжает: Джесси в безопасности.

Я всегда была способна ощутить волшебство любого типа: волчье, малого народа или ведьм. Это необычно. Чарльз, когда услышал об этом, велел мне держать это в тайне. Теперь, в свете того, как отреагировали вампиры, узнав, кто я, мне подумалось, что в совете Чарльза кроется гораздо больше, что я подозревала.

По словам Стефана, я каким-то образом неподвластна волшебству вампиров, но я не такая дура, чтобы перенести это на колдовство ведьм. Обнаружив волшебство, я не представляла, что делать, — но займемся вторым делом, когда закончим первое.

Медленно повернувшись кругом, я смогла определить направление. Пульс колдовства напоминал теплый ветер в лицо. Я сделала два шага к нему — и заклинание исчезло, превратилось в ничто. Все, что я точно знала: здесь Елизавета, и она где-то передо мной. Самое правильное — найти Адама и предупредить его, поэтому я двинулась назад к складу.

Со времени моего ухода положение изменилось. С Адамом — рыжий волк по-прежнему сидел у его ног — оставалось всего с полдюжины волков. Шон, внук Дэвида, и еще несколько незнакомых мне людей держали под прицелом группу, распластавшуюся на земле, раскинув руки в стороны.

Когда я к ним подходила, Дэвид и Даррил привели еще одного и уложили рядом с остальными.

— Это все люди, серж, — сказал Дэвид. — Пару мертвых мы оставили в доме. Но волки разбежались, и я не смог найти след Джерри, хотя начал с того места, где встречал его в последний раз. Его запах исчез.

— Адам, — позвала я.

Он повернулся ко мне, и в это мгновение прозвучал выстрел и рыжий волк неожиданно дернулся. Выстрел был не очень громкий: должно быть, небольшой калибр.

— Ложись! — крикнул Дэвид, падая на землю. Его люди присели, по-прежнему не сводя оружия с пленных. Волк рядом с Адамом постоял немного и рухнул, словно тоже послушался Дэвида, — но я видела, что в боку у него торчит шприц, и поняла, что в него попал заряд из транквилизационного ружья.

Адам остался стоять. Он закрыл глаза и поднял вверх лицо. Вначале я не сообразила, что он делает, но потом осознала, что лицо его освещает луна; она только что встала — точно половина диска.

Даррил, прижимаясь к земле, приблизился к Адаму. Он остановился возле лежавшего волка и вытащил шприц.

— Бен в порядке, — произнес Даррил, держа наготове пистолет и вглядываясь в

окружающую темноту.

Бен — это рыжий волк. Тот самый Бен, убийца-психопат из Лондона. Это он нас спас. Спас Адама дважды.

Прозвучал еще один выстрел. Адам взмахнул рукой, и шприц упал к его ногам, не причинив вреда. Глаза Адама по-прежнему были закрыты.

— Серж, Мерси, — прохрипел Дэвид. — Ложитесь!

Я поняла, что по-прежнему стою, слегка наклонившись к Адаму, который продолжал слушать луну. Я уже собралась было присесть, как велел Дэвид, как вдруг Адам запрокинул голову и завыл; из человеческой глотки исходил волчий вой.

Несколько мгновений звучал этот невероятный звук, потом затих в тишине, но не враждебной. Скорее это была тишина перед началом охоты. И когда Адам завыл снова, ему ответили все волки, которые его слышали.

Мне неудержимо захотелось завывать тоже, но, как и мои дикие братья, я хорошо знала, что нельзя петь с волками.

Когда Адам воззвал в третий раз, Даррил и Дэвид отбросили оружие и начали меняться. Лунный призыв плыл меж деревьев, и я чувствовала, как, захваченные им, все волки меняют форму. Слышала болезненные крики тех, кто сопротивлялся перемене, и ворчание тех, кто поддавался.

Адам стоял в лунном свете, который казался ярче, чем несколько мгновений назад. Он открыл глаза и посмотрел на лунный диск. И на этот раз использовал слово.

— Придите, — сказал он.

Он произнес это негромко, но каким-то образом его голос, как и песня, разнесся по покинутой лесной территории, как гром, мощный и непреодолимый. И волки пришли.

Они появлялись по одному и по двое. Одни приближались веселыми прыжками, другие — с опущенными хвостами, так, словно их тащат. Некоторые еще находились в процессе перемены: их тела были неестественно вытянуты и изогнуты.

Двери склада распахнулись, и оттуда, шатаясь, вышел человек, прижимая руку к груди. Это был охранник, в которого стрелял Шон. Слишком слабый, чтобы измениться, он все равно ответил на зов Адама.

И меня затронул этот призыв. Я сделала шаг вперед, не глядя под ноги, и споткнулась о палку. Восстановила равновесие, но от резкого движения заболела рука, и боль прочистила голову, как доза нашатыря. Я обратной стороной ладони вытерла слезящиеся глаза и снова ощутила безошибочный запах колдовства.

Не обращая внимания на призыв Адама и на боль в руке, я побежала, потому что в ночном воздухе, насыщенном Силой, я почувствовала смертоносное заклятие, на котором было имя Адама. У меня не было времени отыскивать колдунью: заклятие уже действовало. Все, что я могла сделать, — броситься наперехват, точно как Бен бросился наперехват шприцу.

Не знаю, почему у меня получилось. Позже мне говорили, что не должно было. Когда заклятию дают имя, оно действует как управляемый снаряд, а не как лазерный луч. Оно должно было обойти меня и ударить в Адама.

Но ударило в меня и прошло насквозь потоком перьев, заставив задрожать и ахнуть. Потом заклятие остановилось, и я словно стала магнитом: рекой расплавленного металла, все колдовство устремилось ко мне. Это была река смерти, и она шептала мне: «Адам Хауптман».

У нее прорезался голос. Но не голос Елизаветы, хотя тоже мне знакомый. Мужской. Колдуном оказался внук Елизаветы Роберт.

Колени мои под тяжестью голоса Роберта подогнулись, с огромным напряжением я принимала на себя имя Адама, чтобы колдовство остановилось на мне. Мне показалось, что я дышу огнем, и я поняла, что мое вмешательство не продлится долго.

— Сэм, — прохрипела я. И, словно по моему зову, он сконцентрировался из воздуха, оказавшись передо мной. Я ожидала увидеть его, как и всех остальных, в волчьем облике, но нет.

Он взял мое лицо в ладони.

— Что случилось, Мерси?

— Колдовство, — сказала я и увидела в его глазах понимание.

— Где она?

Я покачала головой и с трудом выдохнула:

— Это не она. Роберт. Это Роберт.

— Где? — снова спросил он.

Я собиралась ответить ему, что не знаю, но рука моя поднялась и указала на крышу дома с заколоченными окнами.

— Там. Сэмюэль исчез.

И как будто мой жест как-то подействовал, поток колдовства многократно усилился. Я упала, прижалась лицом к холодной земле, надеясь, что это помешает огню, пылающему внутри меня, сжечь и кожу. Закрыла глаза — и увидела Роберта, сидящего на крыше.

Он потерял свою красоту, лицо его исказилось от усилий и покрылось красноватыми пятнами.

— Мерседес. — Он вдыхал мое имя в колдовство, и я почувствовала, как поток меняет направление, как борзая, которой дали понюхать другой платок. — Мерседес Томпсон.

Мерседес, довольно шептало заклинание. Он дал смерти мое имя.

Я закричала от боли: по сравнению с ней боль в руке казалась совершенно незаметной. Даже сквозь пожирающий огонь я расслышала пение, поняла, что в заклятии Роберта есть ритм, и начала двигаться в соответствии с ним, негромко напевая мелодию. Музыка заполнила мои легкие, потом голову, на мгновение заглушив огонь. Я напряглась в ожидании. И тут Сэмюэль остановил поток волшебства. Думаю, я потеряла сознание, потому что очнулась на руках Сэмюэля.

— Они все здесь, кроме одного, — сказал Сэмюэль.

— Да. — В голосе Адама звучала сила лунного призыва.

Я зашевелилась, и Сэмюэль отпустил меня. Мне все же пришлось прислониться к нему, но я устояла на ногах. Только Адам, Сэмюэль и я стояли.

Их было не так много, как могло показаться. Стая бассейна Колумбии невелика, стая Джерри еще меньше — но теперь все они сидели вокруг нас, как группа сфинксов, и ждали приказа Адама.

— Два одиноких волка, те, что старше и более доминантны, убежали после твоего первого призыва, — сообщил Сэмюэль. — Остальные ответили. Теперь они твои. Тебе остается только позвать Джерри.

— Он не придет, — ответил Адам. — Не может. Он не одинокий волк. Он принадлежит Марроку.

— Позволишь помочь тебе?

Луна отражалась в глазах Адама, и хоть он оставался человеком, глаза у него были волчьи. Я почуяла запах его реакции на вопрос Сэмюэля. Сидящие волки тоже почуяли его и отозвались низким рычанием. Волки — звери, никому не позволяющие действовать на своей территории.

Адам вытянул шею, и я услышала легкий щелчок.

— Буду благодарен, — негромко произнес он. Сэмюэль протянул руку, и Адам сжал ее. Он распрямился и снова поднял лицо к луне.

— Джерри Уоллес из стаи Маррока, призываю тебя к ответу. Встань перед твоими обвинителями.

Должно быть, Джерри был очень близко, потому что много времени ему не понадобилось. Как и Сэмюэль, он оставался в человеческом облике. Остановился на краю круга волков.

— Джерри, старый друг, — сказал Сэмюэль. — Пора. Подойди сюда.

Мягкий тон этих слов не скрывал от меня их силы — и от Джерри тоже. Он опустился на четвереньки и пополз среди ожидающих неподвижных волков, покорно опустив голову. Больше он не сопротивлялся.

Приблизившись к нам, он остановился. Я подумала, что он взбешен — как бесилась бы я, если бы кто-нибудь заставил меня действовать против воли. Или испуган. Но я не вервольф. Единственное чувство, которое я уловила, была покорность. Он проиграл и знал это.

Адам пригнулся и положил руку на плечо Джерри.

— Почему?

— Из-за отца, — ответил Джерри. Лицо его было спокойным, голос сонным, его прочно держал в своей власти лунный призыв. — Он умирал: рак. Я говорил и говорил. Просил и умолял. Пожалуйста, папа, стань волком — это замечательно. Думаю, отец просто устал, когда согласился. Бран это сделал — потому что я не перенес бы. Но отец не смог смириться с тем, каким стал, потому что не хотел быть хищником. Не хотел быть таким, как я.

Адам посмотрел на него.

— Мне казалось, то хочешь помешать Брану открыться перед людьми.

Джерри вытер лицо.

— Бран сказал, что если бы мой отец не был таким доминантам, он не смог бы противиться волку. Но чем больше отец сопротивлялся, тем слабей становился его контроль. Он едва не убил мою сестру.

— Джерри. — Голос Сэмюэля звучал твердо. — Какое отношение это имеет к Адаму?

Джерри поднял голову. Он не мог встретиться взглядом с Сэмюэлем или Адамом, поэтому обратил свой взор на меня.

— Когда сражаешься, волк и человек сливаются. Нужен только один раз. Только один, и отец стал бы цельным.

— Он не хотел, чтобы Адам сражался с Браном, — неожиданно осознала я. — Правда, Джерри? Поэтому тебя не беспокоило все серебро, которым твои люди его накачивали. Ты хотел убить его?

Он посмотрел на меня глазами своего отца и ответил:

— Адам должен умереть.

— Тебя не волнует решение Брана вывести вервольфов из укрытия? — спросил Сэмюэль. Джерри улыбнулся ему.

— Я поддерживаю это решение с того времени, как открылись другие. Но мне для осуществления моих планов нужны были деньги. Есть много волков, которые не хотят, чтобы об их существовании знали, и они готовы за это платить.

Все стало неожиданно ясно. Сэмюэль прав: Джерри не глуп — он гений!

— Покупка новых волков у Лео в Чикаго, эксперименты с наркотиками, нападение на дом Адама — все это должно было достигнуть двух целей, — сказала я. — Показать Брану, что за всем этим стоишь ты, и доказать твоему отцу, что это не ты.

Он кивнул.

— Адам должен был умереть. — Я ощупью определяла ход событий. — Но сам ты не мог его убить. Поэтому ты оставил его в руках наемников, когда он был еще под действием наркотиков. Поэтому ты держался в стороне от склада, надеясь, что твои наемники накачают Адама таким количеством серебра, что он умрет.

— Да. Адам должен был умереть, но не от моей руки, чтобы я мог иметь возможность посмотреть в глаза отцу и заявить, что я не убивал Адама.

Я начала дрожать, потому что было холодно и потому что моя рука, которая в последние несколько минут вела себя удивительно порядочно, вдруг снова заболела.

— Не Адам должен был сразиться с Браном, по твоему замыслу. Это должен был сделать твой отец. Ты рассчитывал, что Бран явится к нему, как только поймет, что ты творишь.

— Отец звонил мне сегодня днем. Бран рассказал ему о транквилизаторе и еще, что за нападением на Адама могу стоять я. Мой отец знает, что я хочу, чтобы волки вышли из укрытия. Он знает, как я отношусь к экспериментам над животными и к тому, что некоторые Альфы эксплуатируют своих новых волков. Он никогда не поверил бы, что я мог бы убить Адама.

— Если бы Адам умер, Бран пришел бы к твоему отцу, прежде чем убить тебя, — заметил Сэмюэль.

Джерри рассмеялся.

— Не думаю. Скорее всего, Бран прибыл бы сюда и прикончил меня на месте. Я надеялся, что так и будет. Слишком много на мне невинной крови. Но когда он сообщил бы отцу о моих преступлениях, тот ему не поверил бы.

— Считая, что Маррок казнил тебя за то, чего ты не делал, Картер бросил бы ему вызов. — В голосе Сэмюэля звучало едва ли не восхищение. — И мой отец не смог бы отказаться.

— А что если бы Бран вначале поговорил с доктором Уоллесом? — осведомилась я.

— Это не имеет значения, — уверенно ответил Джерри. — Отец все равно вызвал бы его: чтобы защитить меня или чтобы отомстить. Еще до того, как стать волком, он был человеком Маррока. Отец уважает Брана и верит ему. На предательство Брана — а отец оценит его поступок только так — может быть только один ответ. Бран может объединить человека и волка в моем отце, сражаясь с ним — ведь отец любит его. Если человек и волк будут противостоять Брану, они будут делать это как единое целое: Бран сам говорил мне, что только это нужно для безопасности моего отца.

— Если бы доктор Уоллес бросил вызов Брану, тот убил бы его, — заметил Адам.

— Колдуны дорого стоят, — прошептал Джерри. — Но есть много волков, которые хотят оставаться непризнанными, и они платили мне, чтобы я сохранял их тайну.

— Ты нанял Роберта, внуку Елизаветы. Он должен что-то сделать, чтобы обеспечить

победу твоему отцу.

Я не сомневалась, что Роберт помогает Джерри это за деньги. Просто я не могла себе представить, что он делает это непосредственно.

— Будут искать наркотики, — сказал Джерри. — Но только другой колдун сможет учуять заклинание.

— Я могу, — заявила я. — О Роберте позаботятся. Если твой отец вызовет Брана — умрет не Бран. Джерри чуть осел.

— Тогда прошу о милости, Сэмюэль. Попроси Брана, чтобы мой отец не узнал об этом. Не хочу доставить ему больше боли, чем уже доставил. — У тебя есть еще вопросы? — спросил Сэмюэль у Адама.

Адам покачал головой и встал.

— Сегодня это твой волк или мой?

— Мой. — Сэмюэль сделал шаг вперед. Джерри посмотрел на висящую над нами луну.

— Пусть это произойдет быстро.

Сэмюэль провел пальцами по волосам Джерри — мягким успокаивающим прикосновением. Губы его были печально поджаты: если инстинкт велит починающемуся волку покоряться, то доминанту он приказывает защищать.

Сэмюэль проделал все настолько стремительно, что Джерри не понял, что произошло: руками опытного врача Сэмюэль сломал ему шею.

Я протянула Адаму пистолет, чтобы освободить руку. Потом взяла кинжал Зи и отдала его Сэмюэлю.

— Это не серебро, но с работой справится.

Я смотрела, как Сэмюэль предпринял все, чтобы Джерри действительно умер. Это было неприятно, но необходимо. И я не стала отводить взгляд.

— Позвоню Брану, как только доберусь до телефона, — сказал Сэмюэль, вытирая кинжал о брюки. — Он позаботится, чтобы доктор Уоллес никогда не узнал, что произошло с его сыном.

Несколько часов спустя Бран и Картер Уоллес ушли в лес. Бран потом рассказывал, что лунный свет блеснул на кристаллах снежного наста, который ломался под их лапами. Они пересекли замерзшее озеро и вспугнули самку оленя, махнувшую белым хвостом и исчезнувшую в зарослях, мимо которых они бежали. Бран говорил мне, что звезды усеяли небо одеялом золотистого сияния, напоминающим отблеск городских огней.

Незадолго до того, как первые лучи солнца осветили восточный горизонт, волк, который был Картером Уоллесом, уснул рядом со своим Альфой и больше не проснулся.

* * *

Сэмюэль не убил Роберта, и мы передали его бабушке: сам он, кажется, считал такую судьбу не очень большим облегчением. Елизавета Аркадьевна была очень им недовольна. Не знаю, что больше вызвало ее гнев: то, что он предал Адама, или то, что его поймали.

Сэмюэль решил на некоторое время остаться в Тройном городе. Большую часть времени он потратил на оформление документов, которые сделали бы его медицинскую лицензию действительной для штата Вашингтон. А пока суд да дело, он работал в том же магазине, что и Уоррен, и, кажется, ему это нравилось.

Бран, конечно, не открыл своих волков миру и не покинул их. Он не похож на Серых Повелителей, которые принуждали выходить из укрытия даже тех, кто этого не хотел. Так что большинство волков все еще в укрытии, хотя Бран и нашел своего образцового волка.

Можете включить телевизор или раскрыть газету — и увидите человека, который проник в лагерь террористов, чтобы вызволить похищенного миссионера и его семью.

Миссионер и его жена были уже убиты, но троих детей спасли. На обложке одного из журналов большая цветная фотография. На ней Дэвид Кристиансен держат на руках малышку — светловолосую девочку, которая только-только начинает ходить; на ее перламутровой коже ясно видны синяки. Лицом девочка уткнулась в плечо Дэвида, а он смотрит на нее с такой нежностью, что у меня слезы наворачиваются на глаза. Но лучшая часть снимка — мальчишка с бледным грязным лицом, стоящий рядом. Сначала мне показалось, что он оступел от перенесенных испытаний, но потом я заметила, что он держит Дэвида за руку, и пальцы мальчика побелели, так крепко вцепился он в большую мужскую ладонь.

Глава шестнадцатая

Поскольку автомеханик со сломанной рукой может только мешать, Зи отослал меня в контору заниматься бумагами. И здесь я не очень много сделала, но по крайней мере — как выразился Зи — не скулила рядом с ним.

Он ничего не сказал мне ни о своем кинжале, ни о том, кто такой Адельберт и почему ему нужен кузнец, а в Интернете я ничего не нашла. Когда я стала очень уж приставать, Зи заявил, что ему нравится современность, с ее сталью и электричеством, больше древних времен, потому что сегодня Metallzauber, то есть гремлины, может не только ковать мечи, которыми убивают людей. После чего опять прогнал меня в контору и вернулся к починке машин.

Я правша, а сломана у меня именно правая рука. Я даже не могу прижать ею листок, потому что врач скорой помощи велел мне держать руку на перевязи. Даже на компьютере мне приходится печатать одной рукой, а это ужасно медленно. Поэтому я использовала компьютер для игры в солитер и проиграла двести долларов воображаемых денег.

Это был не лучший момент для появления Габриэля Сандовала. Я совсем забыла, что велела матери прислать его в понедельник после уроков.

Ему пришлось ждать, пока я подготовлю их счет и определю почасовую плату, которая показалась мне справедливой. Но ему придется отработать двадцать часов, и я решила, что это слишком много. Поэтому я добавила по два доллара за час, чтобы время выглядело более прилично.

Распечатав это все, я протянула ему. Он посмотрел, перечеркнул итоговую сумму и вернул первоначальную.

— Я еще столько не стою. Но буду стоять к концу первого месяца.

Я пересмотрела свою оценку паренька. Он не рослый и никогда не будет крупным мужчиной, но как он ни молод, было в нем что-то основательное.

— Хорошо, — сказала я. — Договорились.

Я показала ему все в конторе, что заняло пять минут. Потом посадила за компьютер и продемонстрировала перечень программ и систему оплаты. Когда мне показалось, что он понял, я передала ему пачку бумаг и оставила с этим.

Сама же вернулась в гараж и кивнула в сторону конторы, когда Зи вопросительно взглянул на меня.

— Думаю, я нашла замену Теду. Всучила парню текущие бумажные дела, и он даже не заворчал.

Зи приподнял бровь.

— Тед никогда не ворчал на тебя.

— «Черт побери, Мерси, неужели трудно вручить мне счет в тот же день, как получишь?» — я как могла лучше передразнила скрипучий голос Теда.

— Я думал, что тот, кто вырос с вервольфами, понимает разницу между ворчанием и бранью, — заметил Зи. Он положил гаечный ключ и вздохнул. — Мальчик беспокоит меня. Ты ведь знаешь, он получил стипендию, чтобы в колледже был образцовый другой, на которого можно было бы показывать пальцами.

— Вероятно, — согласилась я. — Но они никогда не поймут, что их сподвигло на это.

— Думаешь, с ним все будет в порядке?

— Не могу представить себе место, где Тед был бы не в порядке. Его ничего не пугает, ничего не тревожит, и он ужасающе компетентен во всем, за что ни возьмется. — Я похлопала Зи по спине. Ужасно люблю, когда он разыгрывает роль встревоженного отца. Такие разговоры у нас часто происходят с того времени, как Тед уехал в Гарвард. Их содержание я раз в неделю передаю Теду по электронной почте.

Я услышала, как открылась дверь конторы, и знаком попросила Зи помолчать, чтобы послушать, как мой новый офисный работник справляется с клиентами.

— Чем могу быть полезен? — осведомился Габриэль глубоким гладким голосом, который удивил меня. Я не ожидала, что он будет заигрывать с посетителями.

Но тут раздался голос Джесси:

— Я ищу Мерси. Она не говорила, что у нее новый работник.

Наступила короткая пауза, потом Габриэль резко спросил:

— Кто тебя ударил? Джесси рассмеялась и небрежно ответила:

— Не волнуйся. Папа заметил мой синяк, и тот, кто это сделал, уже мертв.

— Отлично, — произнес Габриэль таким тоном, как будто не возражал бы против того, чтобы принять это за правду.

— Меня ждут в машине, — сказала Джесси. — Я лучше пойду к Мерси.

В гараж она вошла с задумчивым выражением на лице.

— Мне он нравится. Я кивнула.

— Мне тоже. Хорошая прическа.

После очистки лесопильной фабрики мы нашли Джесси у Уоррена — без липкой ленты и без части волос. Уоррен выглядел... ну, он должен был выглядеть пристыженным, но в глазах его была улыбка.

Джесси возмущенно посмотрела на меня.

— Кто бы мог подумать, что гей не сумеет постричь волосы. — Она провела пальцами по своим длинной в дюйм волосам с серебристо-золотыми кончиками. Теперь она походила на девушку из 20-х годов в шляпе с бусами.

— Он тебя предупредил, что не умеет стричь, — заметила я, глядя, как Джесси подходит и целует Зи в щеку.

— Ну, на следующий день я привела их в порядок. — Джесси улыбнулась мне, но тут же посерьезнела. — Вчера папа позвонил маме и рассказал, что случилось. Все.

Я была знакома с ее матерью. Они с Адамом развелись четыре года назад, а Адам за моим домом живет почти семь.

— И что она сказала?

— Что он должен посадить меня на первый же самолет в Юджин и больше никогда у нее не показываться. — Она коснулась своих губ. — Знаешь, она это делает нарочно. Старается, чтобы он почувствовал себя плохим, как будто он животное. И если не получается, вспоминает четыре выкидыша, как будто ему они принесли меньше боли, чем ей. Как будто все это его вина. А он каждый раз ей поддается. Я представляла, что она собирается предпринять, поэтому заставила их меня выслушать: я взяла параллельную трубку. Мне показалось, что он согласится с ней и отошлет меня, поэтому я сделала, чего не должна была.

Я не спрашивала ее, просто ждала. Она скажет, если захочет. Очевидно, она захотела.

— Я рассказала лапе о ее друге, который попытался затащить меня в постель, когда мне было двенадцать. И о том случае два года назад, когда она улетела в Вегас, не предупредив

меня. Было ужасно.

— Мне жаль.

Она задрала подбородок.

— А мне нисколько. Мама согласилась оставить меня здесь до конца учебного года, потом они снова поговорят. Меня ждет в машине Уоррен: папа заявил, что теперь не скоро разрешит мне уходить одной, — думаю, целую неделю. У меня к тебе просьба.

— Что папе нужно?

— Он просил меня заглянуть к тебе и пригласить на обед. Что-то роскошное, потому что он в долгу у тебя.

— Я закрою сам, так что можешь собираться, — произнес Зи чуть более настойчиво, чем следует.

«Неужели я выгляжу так болезненно?»

— Хорошо. Можешь подобрать меня в... — Я начала поворачивать правую руку, поморщилась и вспомнила, что утром надела часы на левую. Уже почти четыре. — В шесть тридцать...

— Он заедет сам, — сказала Джесси и унеслась назад в контору пофлиртовать с моим новым помощником.

— Иди, — буркнул Зи.

Это было не так просто. Я познакомила Зи с Габриэлем, потом покрутилась почти до пяти. Достала из сейфа кошелек и уже направилась к двери, когда мой друг под прикрытием припарковал на стоянке сверкающий «мустанг» с открывающимся верхом.

— Тони! — воскликнула я.

Он все еще был в своей маскировке сверхмачо и выпрыгнул из автомобиля, открывая передо мной дверь. Большие темные очки делали его пугающим и сексуальным.

— Не хватает твоей машины, — заметила я. — Забавно... — Он взглянул на свой «мустанг». — Минуту назад была здесь.

— Ха-ха, — отозвалась я. Рука болела, и мне было не до глупых шуток. — Пошли кого-нибудь проверить твою тачку.

— Что у тебя с рукой? — спросил он.

Я вспомнила метод Джесси говорить всю правду и ответила:

— Меня бросил на груди ящиков вервольф, когда я пыталась спасти девочку из рук злого колдуна и наркобарона.

— Ха-ха, — продублировал он мою реакцию на его шутку. — Должно быть, что-то очень глупое, если ты говоришь небылицы.

— Что ж, — сказала я, подумав. — Наверно, стоило добавить, что девочка хорошенькая и у нее сексуальный отец. Как ты считаешь?

— Мерси. — Он взял меня за здоровую руку и развернул, так чтобы мы могли направиться в офис. — Нам нужно поговорить.

— Невозможно, — ответила я. — У меня скоро свидание.

— Хорошая попытка. С нашей первой встречи у тебя не было ни одного свидания.

Он открыл дверь и пропустил меня внутрь. Габриэль поднял голову от моей... от своей работы, и приветливая улыбка на его лице растаяла.

— А ты что здесь делаешь? — спросил он, вставая и выходя из-за стола. — Отпусти ее. Немедленно.

«Отлично, — подумала я. — Не хватало мне еще одного мачо, который пытается обо

мне заботиться».

Тони выпустил мою руку и опустился в кресло. У меня очень неудобные кресла, и я их держу, чтобы клиенты нашли другое занятие и не стали бы ждать, пока я чиню их машины. Тони закрыл лицо руками и то ли заплакал, то ли засмеялся. Я решила, что он все же смеется.

Когда он поднял голову, с ним произошла одна из его поразительных трансформаций, — должна признаться, что этому помогло исчезновение темных очков. Но изменились и жесты, и выражение лица. Тони стал выглядеть на десять лет старше и, если не считать сережек, очень респектабельно.

— Тони? — произнес пораженный Габриэль.

— Я работал под прикрытием в Кенневике прямо у него под носом, — сообщил мне Тони. — Он ничего не заметил. Говорю тебе, большинство меня не узнает.

— Я с этим никогда не спорила. Думаю, ты очень хороший полицейский под прикрытием.

Тони покачал головой.

— Габриэль, не оставишь ли нас на минуту одних? У меня есть несколько вопросов к Мерси.

— Конечно. — Выходя, Габриэль обернулся, словно хотел убедиться, что Тони все еще здесь.

— В школе ему от меня доставалось, — заметил Тони. — Не может за себя постоять.

— Мне действительно нужно домой, — заявила я. — Чего ты хочешь?

Он достал из заднего кармана сложенный листок бумаги.

— Этот парень, который тебе помогал. Я кое-что разузнал о нем.

Я взяла листок и развернула. Это был шероховатый черно-белый рисунок Мака с надписью: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ» большими буквами сверху. Давались некоторые биографические сведения — Маку было шестнадцать, — но больше никакой информации.

— Алан Маккензи Фрейзер, — прочла я.

— Его выследили по телефонному звонку домой, который он сделал на прошлой неделе.

Я кивнула, сложила листок и принялась смешивать истину с ложью:

— Он в первый же день попросил разрешения позвонить в другой город — это было с неделю назад. Проработал весь день, а больше я его не видела.

Я говорила с Браном о Маке. Бран пообещал устроить так, чтобы кто-нибудь весной нашел останки Мака: родители не будут вечно ждать его звонка. Я сделала немного, но все, что могла.

Потребовались больше усилия и посторонняя помощь, но я была умытой, одетой и красивой к обеду с Адамом и Джесси. Но оказалось, что это обед только с Адамом, потому что Джесси сказалась больной. Адам оставил ее дома, и она смотрела кино с Даррилом и Ауриэлью, потому что у Уоррена было свидание с Кайлом.

Под смягчающим влиянием хорошей еды и приятной музыки, Адам расслабился, и я обнаружила, что под маской властного, вспыльчивого Альфы, которую он обычно носит, таится очаровательный властный и вспыльчивый мужчина. А ему, казалось, очень нравится то, что я упряма и непочтительна, никого не слушаюсь, что он всегда во мне и подозревал.

Он заказал десерт, не посоветовавшись со мной. Я бы рассердилась, но это было нечто такое, что я никогда не заказала бы себе сама: шоколад, карамель, орехи, мороженое, настоящие взбитые сливки и тесто такое пышнее, что и оно сошло бы за шоколадное

пирожное с орехами.

— Итак, — осведомился он, — когда я прикончила последний кусочек, — я прощен?

— Ты высокомерен и перешел все границы, — ответила я, показывая на него вилкой.

— Я старался, — произнес он с ложной скромностью. Глаза его потемнели. Он перегнулся через столик и провел большим пальцем по моей нижней губе. И следил за мной, слизывая с пальца карамель.

Я оперлась руками о стол и наклонилась.

— Это нечестно. Я ем твой десерт, и он мне нравится, но ты не можешь использовать секс, чтобы я не сердилась.

Он рассмеялся — тем мягким смехом, который начинается в животе и поднимается в грудь. Счастливый, расслабленный смех.

Ситуация развивалась несколько быстрее, чем хотелось бы для спокойствия, поэтому я решила сменить тему.

— Бран сказал мне, что велел тебе присматривать за мной.

Он перестал смеяться и приподнял обе брови.

— Да. А теперь спроси, присматривал ли я за тобой только ради Брана.

— Хорошо, я клюну. Ты присматривал за мной только ради Брана?

— Милая, — протяжно проговорил он, вспомнив о своих южных корнях. — Когда волк выслеживает овечку, он не думает об овечьей мамочке.

Я улыбнулась. Ничего не могла собой поделать: Бран как овечкина мама — это очень забавно.

— Я не овечка, — заметила я. Он лишь усмехнулся.

«Пора снова менять тему», — подумала я, делая глоток воды.

— Уоррен сказал, что ты принял нашего серийного насильника в постоянные члены стаи.

— Он не был виноват в лондонских преступлениях.

Он был уверен в своих словах, а это значило, что он попросил Брана сообщить правду и получил ее. Тем не менее я слышала легкое раздражение в его голосе и решила еще немного подразнить его.

— Но насилия прекратились, когда он уехал.

— Он дважды приходил мне на выручку и второй раз лишь случайно получил шприц, а не пулю. У людей Джерри были серебряные пули, — ответил Адам.

Я улыбнулась, и он раздосадованно скомкал салфетку.

— Очко в твою пользу.

— Но я уверена, что ты не позволишь Джесси пойти с ним на свидание, — самодовольно заметила я.

Когда он привез меня домой, то обошел машину и открыл для меня дверцу. Может, потому, что я не могла сама этого сделать сломанной рукой, но мне показалось, что он так поступает по другой причине.

Он поднялся со мной на крыльцо и обхватил ладонями мое лицо. Постоял так недолго, потом оглянулся на луну, уже совсем близкую к полной. И когда повернулся, в глазах его мерцали желтые искорки.

Губы его были мягкими, они коснулись моих лишь слегка, и я прижалась к нему как можно теснее. Он рассмеялся низким грудным смехом и поцеловал меня по-настоящему.

Моя сломанная рука была зажата между нами, никакого языка жестов не было — только

рот и руки. От него пахло одеколоном. Богатый тонкий аромат сливался с его экзотическим запахом. Когда он отстранился от меня, моя рука осталась на его щеке. Я наслаждалась легкими уколами щетины и гулом своего сердца. Мы молчали, и между нами росло что-то нежное и новое.

Но тут открылась дверь, и с улыбкой выглянул мой новый жилец.

— Эй, друзья, вы закончили? Я приготовил горячий какао, потому что посчитал, что на Мерси немного надето. Но, похоже, ты позаботился, чтобы она не замерзла.

Сэмюэль рассвирепел, когда я вернулась домой из гаража и сообщила ему, что иду обедать с Адамом. Я вынуждена была напомнить ему, что у него нет на меня никаких прав. Больше нет. Он находится у меня, пока не присмотрит себе подходящую квартиру, но это не дает ему права диктовать мне, с кем обедать.

Если бы я знала, что это будет настоящее свидание, я была бы снисходительнее, ведь Сэмюэль все еще интересуется мной — и часть меня еще любила его.

Когда сводня Джесси позвонила и сказала, что отец выехал и чтобы я о ней не тревожилась, потому что у нее все хорошо, Сэмюэль удалился дуться в свою комнату, напротив моей спальни. Но когда я попыталась надеть платье, он вошел ко мне. Я все равно не могла надеть платье сама. Но я не стонала болезненно, что бы он ни говорил. Но должна признать: одеваться со сложной повязкой, которую мне наложили в больнице, гораздо удобней, пользуясь тремя руками, а не одной.

Он не был счастлив, когда я отбыла, но я не позволила чувству вины решать, с кем мне ходить на свидания. Я не играю с теми, кто мне небезразличен, и не позволяю им играть с собой. Я пообещала, что у меня с Адамом будет не больше секса, чем с ним, Сэмюэлем. Только когда сама пойму, что чувствую и что чувствуют они. Но дальше этого я заходить не желала.

Судя по всему, согласившись на обед, я обнадежила Адама. Это было ошибкой. Вероятно, мне следовало сказать Адаму, что Сэмюэль живет у меня, как только я поняла, что он этого не знает. То, что мы испытали сегодня вечером, все еще слишком хрупко.

Адам был огорошен, встретив Сэмюэля — любовника, живущего у любовницы.

— Нехорошо, Сэмюэль, — произнесла я и повернулась к Адаму. — Он здесь, пока не найдет квартиру. — Я взглянула на Сэмюэля. — Надеюсь, это будет очень скоро.

— Мне казалось, у вас практика в Монтане, доктор Корник, — осведомился Адам.

Когда открылась дверь, он выпустил меня, но теперь положил руку мне на талию — таким жестом собственника, каким парни щеголяют друг перед другом.

Сэмюэль кивнул и отступил, давая возможность нам войти. И как только мы оказались в закрытом помещении, я почувствовала поток исходящей от них обоих Силы.

— Я работаю в клинике посменно с тремя другими врачами, — ответил Сэмюэль, идя перед нами на кухню. — Они без меня справятся. Я покинул Осиновый Ручей неделю назад, и теперь понял, что больше там не останусь. Попробую устроиться где-нибудь поближе к Техасу.

Адам принял исходящую паром чашку и задумчиво подул на нее.

— Ты хочешь сказать, что просишься в мою стаю? Улыбка Сэмюэля, которая не покидала его лица с того момента, как он открыл дверь, стала еще шире.

— Об этом я и не мечтаю. Я стану одиноким волком — вероятно, ты получишь об этом официальное письмо Брана на следующей неделе.

Я оставила их. Они все равно не обращали на меня внимания. Снять платье без

посторонней помощи нелегко, и я заправила его в тренировочные брюки. Свободный свитер прикрыл и сломанную руку, и перевязь. С обувью трудней, но я отыскала пару старых теннисных туфель, которые не развязывала, и натянула их на ноги.

Когда я вернулась в гостиную, мужчины все еще были заняты одной из тех приятных, но смертоносных бесед, которые обычно плохо заканчиваются. Когда я открыла входную дверь, они замолчали, но когда закрыла ее за собой, услышала, что они снова заговорили.

Я поехала в фургоне, потому что в моем «рэббите» нет автоматической передачи. Пришлось отъехать на несколько миль от дома, чтобы спокойно воспользоваться сотовым.

— Стефан, твои части пришли. У меня сломана рука, так что тебе придется поработать самому, но я буду тебе показывать, что делать.

— Как ты сломала руку, Мерси? — спросил он.

— Меня бросил на груды ящиков вервольф, когда я пыталась спасти девочку из рук злого колдуна и наркобарона.

— Звучит интригующе, — заметил Стефан. — Встретимся в твоём гараже.

Видите. Кое-кто мне верит.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Примечания

Здесь штат Вашингтон, расположенный на северо-восточном побережье США, на границе с Канадой. — *Прим. ред.*—

Тройным городом — Tri-city — в США называют три небольших города, находящихся поблизости и связанных друг с другом. В данном случае речь идет о Тройном городе в штате Вашингтон, в который входят города Ричленд, Паско и Кенневик, расположенные на берегах реки Колорадо. — *Прим. перев.*

Рэббит (англ.) — кролик. — *Прим. перев.*

Персонажи кельтской мифологии. Брауни — домовые, совершающие по ночам различные добрые дела, например, запасающие топливо для очагов. Селки — тюлений народ, потомки людей, изгнанных в море. Выходя на берег, сбрасывают шкуры и превращаются в писаных красавцев. — *Прим. перев.*

Персонажи мифологии корнуоллского фольклора. Бывшие небожители, которые оказались не слишком хороши для рая и не слишком дурны для ада, поэтому остались на земле. Мурианы постепенно уменьшаются в размерах и исчезают. — *Прим. перев*

Инструмент для извлечения застрявших частей двигателя называется по-английски easy out; easy — легкий. — *Прим. перев.*

Речь идет об известных телевизионных сериалах: «Баффи — истребительница вампиров» и «Скуби Ду» — о забавной собаке. — *Прим. перев.*

Снарк — фантастическое животное из произведений Луиса Кэррола; в переносном смысле — чудовище. — *Прим. перев.*

Феджин, герой романа Диккенса «Оливер Твист», глава шайки воров, говорит совсем не на правильном английском. Здесь речь идет о герое мюзикла «Оливер». — *Прим. перев.*

Печенье с кремовой начинкой. — *Прим. перев*

«Колдун по металлу» (нем.). — *Прим. перев.*

Героический эпос (нем.). — Прим. перев.

Сабвей — огромный бутерброд с самой разной начинкой, которую кладут здесь же по вашему выбору. Сеть ресторанов, где их продают, называется так же. — *Прим. Перев.*

Буррито — мексиканское блюдо, род пирожка; входит в меню ресторанов быстрого питания. — *Прим. перев*

Специалист — воинское звание в сухопутных войсках армии США от капрала до сержанта. — *Прим. перев.*

Буквально «Остановись и ограбь». Так называются небольшие магазинчики, обычно при автозаправках, торгующие самым необходимым. Их часто грабят. — *Прим. перев.*

В таких распродажах владельцы домов за бесценок распродают ненужные вещи. —
Прим. перев.

«У Мэри была овечка» — известное детское стихотворение поэтессы Сары Джозефы Хейл; первые слова, записанные Эдисоном на фонографе. — *Прим. перев*

Келпи — водяной в ирландской мифологии, показывающийся в виде лошади. — *Прим. перев.*

Гном. — *Прим. перев.*

Деревянные куклы качина олицетворяют духов жизни в религии индейцев. — *Прим. перев.*

Эррол Флинн — звезда Голливуда 30–40 годов. Играл главные роли в фильмах «Капитан Блад», «Мятеж на Баунти», «Приключения Робин Гуда» и многих других. — *Прим. Перев.*

Игра слов. Мерси по-английски — милосердие. — *Прим. перев.*

Речь идет о мюзикле по роману Теренса Уайта «Король былого и грядущего». — *Прим. перев.*